

Слово о друге (В.Е. Селиверстов)	4
Фундаментальные исследования пространственного развития по программам Президиума РАН	
Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования	7
Север и Арктика России в условиях глобальных вызовов XXI века	
Иванов В.А. Оленеводство в арктическом субрегионе: состояние и направления развития	39
Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
Шмат В.В. Мифы региональной политики: сибирский «сепаратизм»	52
Экономические проблемы развития регионов	
Шеховцева Л.С. Научные основы концепции целевого измерения уровня экономического развития региона	67
Кибалов Е.Б., Кин А.А. Учет фактора неопределенности при оценке эффективности крупномасштабных регионально-транспортных проектов: структурно-институциональный подход	81
Социальные проблемы регионального развития	
Соболева С.В. Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций	97
Малева Т.М., Тындик А.О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные?	116
Корель И.И., Корель Л.В. Современные контрасты межрегиональной миграции в России	137
Леценко Я.А. О подходах к исследованию аффективной составляющей качества жизни общества	155
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
Грасмик К.И. Социальные сети как фактор развития региональных инновационных систем в России	170
Эколого-экономические проблемы регионального развития	
Блам И.Ю., Борсекова К., Петрикова К. Эволюция территориальных эколого-экономических объединений: промышленный симбиоз	185
Опыт деятельности исполнительных и законодательных органов власти регионов России	
Валеев А.Р. Управление рисками в деятельности субъектов бюджетного планирования Республики Татарстан	201
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития	
Жихаревич Б.С., Прибылин Т.К. Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий	216
Экономика предприятий	
Титов В.В., Цомаева И.В. Согласование стратегического и тактического управления на промышленном предприятии в условиях неопределенности спроса на продукцию	235
Регионы России: цифры и факты	
Мартышенко Н.С. Выездные туристские потоки из Приморского края	248
Пионер сибирской школы экономистов-регионалистов (А.А. Кин)	256
Наши авторы	260
Памяти Сергея Сергеевича Артоболевского	264

A Word about My Friend (<i>V.Ye. Seliverstov</i>)	4
Basic Research on Spatial Development within the Framework of the Programs Launched by the Presidium of the RAS	
<i>Leksin, V.N.</i> Reality of Regions and Regional Research	7
Russian North and Arctic in the Context of Global Challenges of the XXI century	
<i>Ivanov, V.A.</i> Reindeer Breeding in the Arctic Subregion: Current State and Directions for the Development	39
Regional Policy and Economic Issues of Federalism	
<i>Shmat, V.V.</i> Myths of Regional Policy: Siberian Separatism	52
Economic Issues of Regional Development	
<i>Shekhovtseva, L.S.</i> The Level of Economic Development of a Region: Scientific Basis to the Concept of its Evaluation	67
<i>Kibalov, Ye.B. and A.A. Kin.</i> Introducing Uncertainty into Estimation of Effectiveness of Large-scale Regional Transport Projects: Structural Institutional Approach	81
Social Issues of Regional Development	
<i>Soboleva, S.V.</i> Demographic Situation in Siberia against the Background of All-Russian Trends	97
<i>Maleva, T.M. and A.O. Tyndik.</i> The Low Birth Rate Trap in Moscow: Highly-Educated Childfree?	116
<i>Korel, I.I. and L.V. Korel.</i> Modern-day Contrasts of Inter-regional Migration in Russia	137
<i>Leshchenko, Ya.A.</i> On the Approaches to Studying the Affective Component of Society's Well-being	155
Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy	
<i>Grasmik, K.I.</i> Social Networks as a Factor for Developing Regional Innovative Systems in Russia	170
Environmental and Economic Issues of Regional Development	
<i>Blam, I.Yu., K. Borsekova and K. Petrikova.</i> Evolution of Local Environmental Economic Associations: Industrial Symbiosis	185
Practices of Regional Executive and Legislative Authorities	
<i>Valeyev, A.R.</i> Risk Management at the Budget Planning Subjects in the Republic of Tatarstan	201
Issues of Local Government and Municipal Development	
<i>Zhikharevich, B.S. and T.K. Pribyshin.</i> Testing Approaches to Studying the Content of Municipal Strategies	216
Economics of Enterprises	
<i>Titov, V.V. and I.V. Tsomaeva.</i> Coordination of Strategic and Tactical Management at an Industrial Enterprise under Uncertainty of Product Demand	235
Regions of Russia: Figures and Facts	
<i>Martyshenko, N.S.</i> Tourist Outflow from Primorsky Krai	248
Pioneer of Siberian Regional Science (<i>A.A. Kin</i>)	256
Our Authors	260
In Memory of Sergei Sergeyevich Artobolevsky	264

*Дорогой
Владимир Николаевич,
поздравляем!*

Коллеги, многочисленные ученики, друзья, редакционная коллегия
журнала поздравляют

Владимира Николаевича Лексина,

доктора экономических наук, профессора, главного научного со-
трудника Института системного анализа РАН, члена редакционной
коллегии научного журнала

«Регион: экономика и социология»,

с 80-летием

и желают крепкого здоровья и творческого долголетия!

СЛОВО О ДРУГЕ

В журнале сложилась замечательная традиция коллективного поздравления членов нашей редколлегии с юбилейными датами. Но сегодня, поздравляя с 80-летием доктора экономических наук, профессора Владимира Николаевича Лексина, на правах давнего друга я хочу сказать слова признательности и уважения в его адрес лично от себя и убежден, что к ним присоединятся все мои коллеги по журналу и наши читатели.

Если бы меня спросили: «Кого из российских ученых вы считаете регионалистом номер один в нашей стране, самым признанным и самым востребованным?», – я бы без колебаний назвал имя профессора Лексина. И полагаю, что наши академики и члены-корреспонденты РАН, работающие на этой ниве, его неформальное лидерство также признают. Чтобы не быть голословным, обосную это лишь тремя тезисами.

1. Владимиру Николаевичу как никому другому удалось явить собой удивительный пример ученого-мультиспециалиста, работающего на стыке проблем экономики, права и институционализма, региональной политики и федерализма, общества, городов и муниципалитетов. Начав свой научно-практический путь как специалист в области экономики цветной металлургии и комплексного обоснования развития и размещения новых производств, в дальнейшем он перешел к научным и прикладным исследованиям широкого круга социально-экономических и организационно-правовых проблем территориального развития. Его научные интересы последних лет сосредоточены на методологии и практическом приложении системной диагностики социально-экономических и политических процессов. Благодаря В.Н. Лексину было сформировано и окрепло новое научное направление системных исследований процессов и явлений территориального развития, быстро и уверенно получившее признание в качестве самостоя-

тельной и авторитетной научной школы. О разнообразии научных интересов юбиляра говорит перечень его основных публикаций: монографии «Федеративная Россия и ее региональная политика», «Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи. Опыт системной диагностики», совместные с А.Н. Швецовым монографии «Новые проблемы российских городов», «Муниципальная Россия. Социально-экономическая ситуация, право, статистика» (в пяти томах), «Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития», «Реформы и регионы». Исключительный интерес представляют и его, казалось бы, непрофильные статьи: «Цивилизационный кризис и его российские последствия», «Пространство власти и мир человека», «Россия как социальное государство», «Россия как светское государство. Церковь в секулярном обществе», «Верующие и неверующие в повседневной жизни», «Умереть в России» и др. Многие из этих работ являются настольными книгами ученых, политиков, представителей власти, аспирантов и студентов. Всего В.Н. Лексиним опубликовано более 400 работ, и он обладает одним из самых высоких среди ученых-регионалистов индексом цитирования.

2. Одним из основных направлений проводимой ныне реформы РАН провозглашается научное консультирование по ключевым проблемам социально-экономического и научно-технического развития страны. При этом неявно предполагается, что или такого рода функция у науки ранее отсутствовала, или она выполнялась малоэффективно. Пример научно-консультационной деятельности профессора В.Н. Лексина целиком опровергает такую позицию «младореформаторов». Длительное время, начиная еще с советского периода, В.Н. Лексин привлекался в качестве ведущего эксперта как государственными органами, так и руководством крупных корпораций, политических партий, он является членом экспертных советов профильных комитетов Государственной думы и Совета Федерации РФ. Его вердикт по тому или иному проекту закона, инвестиционному проекту, крупному стратегическому решению отличается взвешенностью, научной доказательностью и сильной гражданской позицией.

3. Владимир Николаевич Лексин – не кабинетный ученый. Он блестящий лектор (в настоящее время, работая главным научным сотрудником в Институте системного анализа РАН, является и профессором в Высшей школе экономики). Правда, сознаюсь, что после него очень трудно выступать на конференциях и семинарах – такой высокий уровень подачи материала, такая его обоснованность, удивительное знание фактов и реального положения дел в экономике, обществе, в конкретных регионах и городах присущи далеко не каждому. Профессор Лексин много внимания уделяет подготовке квалифицированных ученых, он член диссертационных и ученых советов ряда институтов, а также редколлегии нескольких журналов.

И наконец, Владимир Николаевич – удивительно харизматичный человек, с блестящим чувством юмора, с воистину энциклопедическими знаниями в области истории, искусства, литературы, музыки. Но самое главное, это глубоко порядочный человек и патриот нашей страны, настоящий друг, на которого всегда можно опереться.

Уже длительное время доктор экономических наук, профессор В.Н. Лексин является членом редколлегии нашего журнала, и его статьи – наш «золотой фонд». Мы этим гордимся и искренне желаем Владимиру Николаевичу крепкого здоровья, научного долголетия и дальнейших творческих успехов!

***В.Е. Селиверстов,**
главный редактор журнала
«Регион: экономика и социология»*

УДК 332.12

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 7–38

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Н. Лексин

Институт системного анализа РАН

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН № 31
«Роль пространства в модернизации России: природный
и социально-экономический потенциал» (проект 1.3.)*

Аннотация

Основные проблемы, препятствующие стабильному функционированию российского государства: экономическая стагнация и аномально высокая зависимость от состояния мировой экономики, продолжающееся сокращение обжитости геополитически важных территорий страны, кризис исторически сложившейся системы расселения, искажение структуры и деградация трудовых ресурсов, а также слабые возможности реализации инициатив региональных и местных властей, – рассмотрены в контексте внутренней разбалансированности природно-ресурсного, хозяйственного, инфраструктурного, социально-демографического и административного потенциалов локальных территорий. Показано несоответствие тематики и объемов концептуальных исследований этих явлений их общественной значимости в условиях невостребованности результатов таких исследований со стороны органов власти.

Ключевые слова: стабильность, сбалансированность, система расселения, трудовые ресурсы, рациональная самодостаточность, внутренний рынок, органы власти

Abstract

The paper analyzes the main problems destabilizing consistent functioning of the Russian state. Economic stagnation and abnormally high dependence on the global economy, reducing level of habitation in geopolitically important areas of the country, historic settlement system crisis, distortion of the structure and decline in workforce, as well as low chances to implement initiatives of regional and local authorities – all the arguments are examined in the framework of internal misbalance of natural resource, economic, infrastructural, socio-demographic, and administrative potentials of local territories. Moreover, we present how subjects of conceptual studies on the described phenomena and their number do not correspond with their public prominence because of their results not requested by the government authorities.

Keywords: stability, balance, settlement system, labor reserves, efficient self-reliance, local markets, government authorities

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Поводом для написания этой статьи стало разделяемое большинством моих коллег ощущение крайне малой общественной востребованности результатов наших исследований и, более того, малый интерес к ним даже в нашем научном сообществе. В связи с этим я хотел бы обсудить вопрос о причинах и последствиях этого явления, разделив причины на зависящие от заказчика (общественных институтов) и от исполнителя (исследователей-регионалистов). Я хотел бы обсудить вопрос и о том, в каких проблемных ситуациях российской региональной действительности были бы особо полезны контакты того же заказчика и того же исполнителя и почему столь мал объем исследований таких ситуаций.

Задачи адекватного отражения в наших исследованиях региональной и муниципальной действительности, а также разработки и реализации не менее адекватных мер, обеспечивающих стабильное (об этом –

ниже) функционирование субфедеральных и муниципальных систем, никогда еще не были столь актуальными, так как ***Россия вступила в самый проблемный период своего существования***¹. Неутешительны все прогнозы относительно развития внешнеэкономической и в целом геополитической ситуации: в ближайшем будущем стране предстоит жить в условиях политической изоляции и экономических санкций. Но независимо от этого в 2013 г. ухудшились практически все макроэкономические параметры функционирования государства. Снизилась темпы роста ВВП. Бизнес предпочитал кредитоваться в зарубежных банках при увеличивающемся оттоке за рубеж частного капитала (только в первом квартале 2014 г. он составил 70 млрд долл. США, причем в марте – половину этой гигантской суммы). Продолжилась тенденция многолетней убыточности множества предприятий: треть отечественных компаний по итогам 2013 г. объявили себя убыточными, включая работающие в сфере добычи полезных ископаемых, где рост числа таких предприятий превысил 6%. Рост цен на основные продукты питания намного обгонял официально объявленные темпы инфляции (в 2013 г. цены на молочные продукты увеличились на 13%, на овощи – на 26%, на яйца – на 40% и т.д.). Усиливается недоверие к новым масштабным акциям Правительства РФ. Здесь соединяются память о невыполнении так называемых «национальных проектов» и федеральных программ последнего времени с повсеместно негативными оценками последствий начатых реформ в сфере образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и в пенсионной системе, прямо воздействующих на настроение населения. Не случайно усиливается и крайне скептическое отношение к высшему законодательному органу страны: по опросу «Левада-центра» (15–18 ноября 2013 г.) лишь 40% населения вообще убеждены

¹ Здесь и далее использованы только официальные данные Росстата, Росреестра и сайтов субфедеральных и муниципальных администраций. Нарушая принятый порядок, я не даю ссылки на источники информации, потому что лишь суммирую то, о чем говорится в сотнях публикаций (в том числе в десятках моих работ). Трудно выделить кого-либо одного из авторов, поскольку на тему каждого абзаца этой статьи у меня накопилось от шести до 17 аналогичных опубликованных высказываний. Я пробовал оснастить ссылками текст только этой страницы, и они составили четыре страницы.

в целесообразности существования Государственной думы и только 16% опрошенных оценивают ее работу положительно.

Все вышеотмеченное самым непосредственным образом сказывается и будет сказываться на параметрах и проблемах региональной действительности, которая и сейчас характеризуется аномально высокой разбалансированностью экономического, социального и демографического потенциалов всех регионов и муниципальных образований, дезинтеграцией экономического и социального пространства страны и ее регионов, кризисом сложившейся системы расселения и постоянным увеличением числа бюджетно несамостоятельных субъектов Федерации и муниципальных образований. В связи с этим далее рассматриваются главные условия стабильного функционирования пространственных систем в контексте их рациональной самодостаточности, проблемы реструктуризации сложившейся системы расселения в увязке с фактами деградации трудового потенциала регионов, фактические возможности региональной и местной власти по нормализации рассматриваемой ситуации. В конце статьи я постараюсь суммировать высказанные по ходу изложения и дополнительные соображения о том, насколько соответствует современное состояние региональных исследований реальным проблемам функционирования страны и ее регионов. Формат статьи позволяет лишь тезисно охарактеризовать перечисленные вопросы, но рассмотрение всей их совокупности хотя бы в таком виде, на мой взгляд, является единственной возможностью представить системную сущность региональной действительности сегодняшнего и завтрашнего дня. Мои представления об этой действительности, равно как и выводы о потенциале и востребованности ее научных исследований и соответствующих рекомендаций, таковы, что я буду рад любым их опровержениям.

СТАБИЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМ И ОСНОВАНИЯ ИХ РАЦИОНАЛЬНОЙ САМОДОСТАТОЧНОСТИ

Современный мир, переживший в прошлом веке две мировые и одну холодную войну, не стал спокойнее и гармоничнее. Стабиль-

ность функционирования государств достигается все большей ценой, и слова «угрозы» и «риски» становятся обиходными терминами как политической риторики, так и экономической теории. Применительно к предмету этой статьи под стабильностью функционирования государства и регионов понимается не «застой» и не антипод «развития», а состояние любой пространственной системы, достигаемое в ходе самопроизвольного (крайне редко) или регулирующего воздействия на ее постоянно и несистемно изменяющиеся параметры для их приведения хотя бы во временно и относительно сбалансированное, неразрушающее равновесие. Естественными и решающими условиями так понимаемой стабильности являются наличие властных возможностей балансирующего регулирования общественно-политических, социальных и иных процессов, а также разрешение конфликтов с использованием институтов диалога власти и оппозиции, общества и бизнеса. Под *угрозами* такому режиму функционирования государства понимаются, во-первых, существующие и вероятные действия внешних и внутренних сил, ведущие (не всегда целенаправленно) к ущемлению суверенитета страны и к дестабилизации status quo в различных сферах общественной жизни, и, во-вторых, не замечаемые или неадекватно воспринимаемые властью свидетельства недопустимо высокой зависимости страны от политики других стран и от конъюнктуры мирового рынка, а также свидетельства дестабилизирующих действий агентов рынка, растущего социального расслоения общества, уменьшения связанности территорий страны между собой и кризиса сложившейся системы расселения, диспропорций социально-экономического состояния регионов и малой результативности национальной политики. В свою очередь, под *рисками* понимаются последствия административных решений, содействующих недооценке, возникновению и (или) реализации таких угроз.

По поводу угроз и рисков для России, по поводу их существа, степени опасности и причин существует множество суждений первых лиц государства, политиков, экспертов и публицистов. Чаще всего говорят об угрозах и рисках военного характера, что в значительной степени провоцирует открыто высказываемое западными политиками и СМИ восприятие России как реального врага. Военные бюджеты ве-

дущих стран мира увеличиваются непропорционально угрозам в отношении их обороноспособности, постоянно идет модернизация наступательных вооружений на основе новейших достижений науки и техники (например, используемых при создании кибероружия), эти вооружения апробируются в реальных боевых условиях и т.д. В России начинается ответное восстановление оборонно-промышленного комплекса, что особенно существенно для регионов и муниципалитетов, в которых расположены соответствующие объекты и размещаются заказы. Однако современные войны ведутся не только оружием, сейчас радикально изменить внутривнутриполитическую ситуацию в большинстве стран могут войны экономические и информационные.

Экономические войны велись и ранее (каперство, блокады, эмбарго, арест банковских вкладов и тому подобные межгосударственные репрессалии), но в наше время они стали, во-первых, симбиозом агрессивной конкуренции и агрессивного неприятия неугодных политических режимов (классический пример – многолетняя экономическая блокада Кубы) и, во-вторых, результатом сговора группы государств по принятию мер ценового регулирования и квотирования выпуска важнейших видов продукции (классический пример – ситуация на рынке нефти и газа). Возможности ведения экономических войн многократно усиливаются в условиях гипермонополизации рынков, а поражение в таких войнах неминуемо при моноотраслевом и экспортно-ориентированном характере национальных экономик, при размещении финансовых ресурсов государства и крупного бизнеса в зарубежных банках, при массовом оснащении всех отраслей народного хозяйства импортной техникой в отсутствие собственного производства основных комплектующих и запасных частей, при незаинтересованности собственных инвесторов во вложениях в отечественное производство и при надеждах преимущественно на иностранные прямые инвестиции, при слабости и несвязанности местных рынков и при аномально высокой зависимости от импорта жизненно необходимых товаров. В этих обстоятельствах (а все они – российская реальность) угрозы полномасштабной экономической войны и поражения в ней более чем вероятны.

Информационные войны, так же как и экономические, имеют давнюю историю, но их угроза для стабильного функционирования государств в наше время гиперболически возрастает в связи с массовым распространением новейших информационно-коммуникационных технологий, с неведомыми ранее возможностями дистанционного управления и тотального контроля за потоками информации и любыми базами данных (не только оборонного характера). Информационное оружие оснащает и войны экономические: оно навязывает модели и стереотипы потребительского поведения, поддерживает ощущение бесперспективности любых предпринимательских инициатив и т.д. В современной России все перечисленные и многие другие внешние и внутренние угрозы информационной войны, а также условия для ее беспрепятственного ведения, бесспорно, присутствуют.

Собственно **российские риски для стабильного функционирования государства и регионов** (в приведенной выше трактовке) многочисленны, но я назову лишь некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к предмету этой статьи. Во-первых, такие риски вызваны выявившейся после перехода к «рынку без границ» неконкурентоспособностью большинства видов продукции, производимых на созданных в советское время предприятиях. Во-вторых, весьма опасны риски, обусловленные разорванностью экономического и социального пространства – крайне слабыми хозяйственными и социальными связями не только между востоком и западом страны, но и между большинством регионов и муниципальных образований при огромных различиях в их социально-экономическом состоянии и уровне жизни населения. Все это создает потенциальную угрозу целостности государства и рождает массовое ощущение «территориальной несправедливости». В-третьих, до недавнего времени на уровне государства даже не ставились задачи рационального (необходимого и достаточного) самообеспечения страны стратегически значимой продукцией с формированием соответствующего внутреннего рынка. Между тем без решения таких задач риски в отношении безопасности страны остаются чрезмерно высокими. Какой должна быть региональная политика, чтобы она стала адекватной вышеуказанным угрозам и рискам?

Успешно бороться с кризисными явлениями неупорядоченности и разреженности экономического и социального пространства в реальных российских условиях невозможно до тех пор, пока не осознана значимость формирования потенциально огромного внутреннего рынка производства и потребления стратегически важных товаров, в том числе и как важнейшего условия противостояния угрозам и рискам мировых кризисов. Главный урок, который человечество должно было бы извлечь из событий первого глобального кризиса: каждый выживает в одиночку, и это относится как к экономическим гигантам (например, к США или Японии), так и к аутсайдерам (например, к Греции или Португалии). Другой, не менее важный урок: наиболее кризисоустойчивыми являются государства с признаками рациональной самодостаточности. Я определил бы ее как реализованную способность экономически оправданного и социально приемлемого функционирования политической и хозяйственной систем при минимальной зависимости от поведения других государств, в том числе в форс-мажорных обстоятельствах внутреннего и внешнего характера. Такая рациональная самодостаточность не абсолютна, но, например, бесспорно необходима хотя бы для той части товарного производства, которая обеспечивает продовольственную, фармакологическую, военную и энергетическую безопасность. Замечу, что пределы этих видов безопасности по многим параметрам уже определены российскими учеными и частично введены в структуру небольшого числа нормативных актов. Сегодня, напомним, наша страна располагает самыми большими в мире пространственными, пресноводными и промышленными (более четверти мировых запасов природного газа и алмазов, более пятой части мировых запасов древесины, никеля и благородных металлов, седьмая часть мировых запасов каменного угля и нефти, железной руды, калийных солей и руд цветных металлов, более половины мировых запасов апатитов и т.д.) ресурсами, в среднедушевом измерении вдвое превосходящими соответствующие показатели США. Но при этом экономика России почти вдвое больше зависит от внешней торговли, чем США, причем не только по экспорту энергоносителей, но и по импорту самого необходимого.

Сегодня здоровье наших граждан зависит от зарубежных поставок более 70% лекарственных субстанций и готовых лекарств и около 50% одноразовых медицинских средств. Россия ввозит почти все необходимые стране металлорежущие станки, 85% экскаваторов, 75% металлургического оборудования, 70% нефтегазового и 40% горного оборудования, более 60% бульдозеров, более 50% тракторов и подъемно-тракторного оборудования, почти 40% зерноуборочных комбайнов. Крупнейшая нефтегазовая и металлургическая страна мира зависит от импорта почти 80% электросварочных и 60% бесшовных труб и ввозит около 70% плоского проката, 65% нержавеющей стали и 55% проволоки. Оборонный комплекс России ориентируется на закупки зарубежных вертолетов и вертолетоносцев, беспилотников и снайперских винтовок, бронев автомобилей и двигателей к военной технике, не говоря уже об элементарной и сложной электронике. Отдельный и важнейший вопрос – аномально высокая продовольственная зависимость страны (об этом – в следующем разделе статьи). Имея наилучшие в мире предпосылки (соединение гигантских объемов самых разнообразных ресурсов с ненасыщенным внутренним рынком) для рациональной самодостаточности, наша страна остается при этом наиболее беспомощной и неподготовленной к жизни в глобальном мире. С такой Россией нет смысла воевать, достаточно перекрыть (а это вполне возможно) каналы поставки всего ежедневно (!) необходимого или резко снизить (и это тоже вполне возможно) мировые цены на нефть и газ либо сократить их закупки у России.

Переход к политике рационального самообеспечения важен не только с позиций национальной безопасности. Практическая реализация такой политики – единственный путь выхода из состояния тотальной экономической зависимости от конъюнктуры мирового рынка энергоресурсов, единственный путь преодоления деградации экономики и социальной жизни в абсолютном большинстве регионов России. Возможно ли это? Да, возможно, но при условии создания разветвленной и согласованной с системой расселения сети импортно-конкурентных производств, для чего понадобятся не слишком большие (по сравнению с предлагаемыми и реализуемыми мегапроектами) инвестиции и отчетливо выраженная политическая

воля, способная изменить стереотипы государственной (не только экономической) политики.

Ясно, что необходимо создание импортно-конкурентных производств, которое в течение десятилетий отвергалось логикой стремительного вхождения в рыночную среду «быстрых денег» и преимущественно сервисной экономики (автосервис надежнее автопрома, а торговля выгоднее производства). На это ориентировала и логика превалирования внешнеэкономического над внутриэкономическим. Характерен подзаголовок передовой статьи в официальном правительственном издании («Российская газета» от 26 августа 2013 г.): «Наши промышленность и бюджет несут потери из-за падения цен на металлы, уголь и другое сырье», – хотя, казалось бы, это падение цен должно лишь стимулировать отечественные металлопереработку, производство и потребление электроэнергии и т.д. Однако и в предпринимательском (всех уровней), и в профессионально-экспертном, и в научно-академическом сообществе все чаще даются крайне негативные оценки такой логике и обосновываются конкретные направления ее преодоления. Все чаще высказываются мнения о том, что главный вопрос нашей экономической политики – «что мы можем предложить миру?» давно пора заменить вопросом «что мы можем предложить своей собственной стране?», а заклинания «западный вектор должен быть заменен на восточный» – трезвой оценкой внутреннего рынка страны.

Показательно, что наряду с мерами внешнеэкономического характера (например, предложениями о выходе из ВТО в связи с подтвердившимся отсутствием выгод от функционирования российской экономики в этом формате) и политического характера (например, стремлением избавиться от мифа о благотворности сжатия денежной массы) предлагаются кардинальные и в то же время несложные в исполнении решения. Таковым, например, является установление внутренних (более низких по сравнению с мировыми) цен на все виды энергоносителей, строго целевым образом используемые в производствах, ориентированных на внутреннее потребление (в первую очередь – в сельхозпроизводстве). Многолетняя практика торговли по таким ценам с Украиной показала, что никаких убытков от этого страна не по-

лучит. Обосновываются предложения о том, чтобы любое вновь созданное или возрожденное предприятие, работающее на отечественного потребителя, было освобождено на 10 лет от налогов на имущество и на прибыль от производства соответствующей продукции. И в этом случае бюджет никак не пострадает, поскольку речь идет о новых объектах налогообложения, а региональные и местные бюджеты только увеличатся. Разумных предложений, повторю, множество, и реализация каждого из них могла бы внести радикальные улучшения во все параметры региональной действительности. Здесь огромное и практически невозделанное поле региональных исследований.

Что мешает тому, чтобы рациональная экономическая самодостаточность России и ее регионов (вряд ли, впрочем, реализуемая вне становления политической самодостаточности нашей страны) получила статус государственно проводимой и общественно поддерживаемой политики, способной заинтересовать государственные корпорации, крупный, средний и малый бизнес, население страны? Прежде всего, то, что противников такой политики больше, чем защитников идеологии и практики продолжения импортонасыщения страны? Это, во-первых, адепты абсолютной открытости отечественной экономики мировому рынку, субъекты которого рассматриваются не как жесткие и агрессивные конкуренты, а как доброжелательные партнеры, которые жаждут видеть Россию сильной и самостоятельной и готовы поделиться с ней своей «цивилизованностью». Во-вторых, против рассматриваемой политики выступают крупные и крупнейшие представители торгового бизнеса, имеющие немалые выгоды от масштабных импортных сделок. В-третьих, самой идее рациональной экономической самодостаточности враждебен покупательский менталитет как минимум трех поколений наших соотечественников: поколения, сформировавшегося в эпоху закрытых границ и заманчивости всего импортно-дефицитного, поколения, выросшего в период развала советской экономики и предоставления отечественного рынка для любых зарубежных экспансий, и поколения, вырастающего на наших глазах, не обнаруживающего нигде ничего отечественного и считающего это вполне естественным («отстали навсегда»).

КРИЗИС СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ

Экономическое и социальное пространство России, ее регионов и муниципалитетов после перехода страны в новое, постсоветское, состояние становится все более *неупорядоченным и разреженным*. Причины этого те же, что и породившие экономический кризис: четверть века назад советская социально-экономическая система, соответствовавшая представлениям об организации хозяйственной и социальной жизни в социалистическом обществе, антагонистичном миру капитализма, стала функционировать по законам этого мира. В результате более 80% всех городов и поселков городского типа и более 90% сельских поселений оказались лишенными прежней, функционировавшей вне рынка экономической базы своего существования со всеми соответствующими последствиями (безработицей, развалом местного хозяйства, запустением и т.п.). Следуя уже отмеченной в предыдущем разделе рыночной логике, активная экономическая жизнь страны в основном стянулась в административные центры и относительно крупные города. Появились все признаки реального кризиса системы расселения, который уже привел не только к обезлюдению огромных территорий страны, но также и к деградации и люмпенизации значительной части ее трудового потенциала, и к социально ущербному характеру межпоселенных миграций. Попытки государственно-управленческого вмешательства в эти процессы роднит с другими реформами не критичное равнение на западные «образцы», безотносительность к реальной проблематике столь специфического предмета реформирования, как система расселения, необоснованность принимаемых решений и невнимание к оценке их результатов.

О кризисе *системы городского расселения* свидетельствуют повсеместная и все возрастающая дифференциация условий и уровня жизни горожан в зависимости от крупности городов, тотальное снижение экономической самодостаточности сотен средних и малых городских поселений в связи с рыночной невостребованностью их ранее созданной градообразующей экономики, центростремительное движение к крупным городам трудовых и финансовых ресурсов, крайне слабое распространение экономической активности и инноваций от

крупных городов к их периферии, разрежение сети городских поселений в связи с фактическим уменьшением их числа, резкое сокращение функционального содержания межпоселенных связей, т.е. утрата или ослабление всех тех признаков, которые делают систему городского расселения собственно системой. Кризис системы городских поселений в России (в отличие от экономического кризиса, который принципиально преодолим в течение десятка лет) растянется на десятилетия. Даже для его ослабления необходимы сложные и затратные решения, к принятию которых никто не готов.

Самая болезненная часть переживающей кризис системы городского расселения – 788 так называемых малых городов с населением менее 50 тыс. чел. Большинство из них можно отнести к категории монопрофильных городов, ставших (после известного конфликта рабочих с собственниками предприятия в г. Пикалево и вмешательства в этот конфликт председателя Правительства РФ) предметом особого внимания федерального центра². Роль малых городов в функционировании всей отечественной системы расселения уникальна: не крупные, а именно эти города *фактически соединяют пространство городской и сельской России* в транспортном и социально-инфраструктурном отношении. Они предоставляют жителям окружающей их территории практически все услуги в сферах образования, здравоохранения, культуры, банковской, нотариальной, правоохранительной, регистрационно-административной и иной, единственно сосредоточенной в них деятельности. Однако почти все эти города находятся в кризисном состоянии, их градообразующая база до сих пор не создает и половины некогда производимого, а следовательно, доходы работающих, бюджетная обеспеченность и жителей, и городского хозяйства крайне низкие. Бесспорна кризисная ситуация и в расселенческом наследии советского периода – в поселках городского типа, проблемы которых также во многом связаны с их монопрофильностью. Это, как правило, малочисленные населенные пункты, а потому ослабления кризисных явлений там пытаются добиться за счет от-

² В начале 2014 г. в постоянно уточняемый перечень вошло 342 моногорода, из которых государственная поддержка предоставлена 48 городам при невостребованности 20% выделенных ресурсов.

каза от городского статуса. Так, за два последних межпереписных периода было упразднено более 500 поселков городского типа, причем только каждый четвертый из них либо вошел в другие поселенческие единицы, либо был просто упразднен, а остальные (около 400) стали сельскими поселениями.

Адепты рыночной экономики, считающие все локально неприбыльное злом и не умеющие (не желающие) оценивать убытки от нарастания несвязанности и опустынивания территорий, естественно, полагают бессмысленным существование многих малых городских поселений. Бессмысленное «содержание» малых городов действительно не принесет ничего, кроме расходов, которые могут «съесть» немалую часть ВВП. Но ведь, во-первых, ни разу не предпринимались попытки осмысленного, проектного, программного обоснования перспектив (не обязательно радужных) для каждого малого города и поселка городского типа, во-вторых, ни разу никто не считал полный круг затрат, связанных с переселением десятков миллионов человек в вожденный агломерационный рай, и, в-третьих, никто не гарантировал появление в новых городских агломерациях миллионов рабочих мест.

Кризис системы городского расселения, вызванный необратимым характером изменения экономических отношений, имел следствием коренную трансформацию жизненных мотиваций населения городов и поселков городского типа. В преимущественно индустриальных городских поселениях фактически исчезла еще недавно статусно доминировавшая в них социальная страта – рабочий класс, а разрушение промышленной градообразующей базы и агрессивная пропаганда иного образа жизни сделали рабочие профессии не только редкими и малооплачиваемыми³, но и откровенно непрестижными. Официально заявленных рабочих вакансий – более 1,8 млн ед., но почти все они в крупных городах, где «местные» не считают такую работу престиж-

³ Средняя заработная плата рабочих средней квалификации (до налогообложения, которое в странах Запада существенно более высокое, чем в России) по курсу рубля в начале 2014 г. в России составляла 36 тыс. руб., во Франции – 120 тыс. руб., в Германии и США – около 160 тыс. руб. Выработка продукции на единицу заработной платы в России по сравнению с другими индустриально развитыми странами – одна из самых высоких.

ной и укладывающейся в представления о «социальном лифте» (сейчас по служебной лестнице поднимаются только профессиональные «менеджеры»), а покидающие малые города и поселки городского типа предпочитают работу охранников и т.п. Еще драматичнее ситуация, связанная с системным кризисом сельского расселения.

Стало почти необсуждаемым мнение о нарастающей деградации неюжного российского села. Темпы уменьшения численности сельского населения России втрое больше, чем городского, при стремительном росте числа малолюдных или вообще пустующих сельских поселений. Уже переписью 1989 г. было выявлено, что в каждом пятом российском сельском поселении постоянно проживает менее 10 чел. Последняя перепись зафиксировала дальнейшее сокращение количества и обезлюдение сельских населенных пунктов. За межпереписной период прекратили официальное существование 8,5 тыс. этих поселений. Некоторая их часть вошла в состав городских поселений, но большинства просто не стало. За первые 20 лет существования «новой России» с ее карты исчезло 23 тыс. населенных пунктов, из которых 20 тыс. – именно сельские поселения. К тому же в почти 20 тыс. (!) сельских поселений, все еще официально считающихся таковыми, постоянного населения уже нет, и их число в период между переписями возросло почти на 50%. Однако кризис системы сельского расселения проявляется не столько в сокращении числа сельских поселений и в уменьшении их людности, сколько в распаде прежних и крайне медленном появлении новых расселенческо-хозяйственных связей.

Можно слышать, что в кризисе сельского расселения виноваты те, кто продолжает жить в деревнях и селах России или уехал оттуда в города и поселки городского типа. Да, сельское население нерасчетливо распорядилось земельными паями, не сумело объединиться в кооперативы или удержаться в фермерском статусе. В начале 1990-х годов около половины всех сельскохозяйственных земель было разделено на паи и роздано 12 млн чел., из которых менее половины оформили право собственности. Треть участков вообще оказалась невостребованной и до настоящего времени остается таковой, несмотря на то что еще в 2010 г. законом была установлена возможность их перерегистрации и передачи новым владельцам. На начало 2014 г. из 220 млн га

российских сельхозугодий не использовалось около пятой их части, а 85% используемых угодий находилось в аренде. Общая площадь засеянных полей сократилась с 118 млн га в 1989 г. до 78 млн га в 2013 г., а в связи с длительной заброшенностью пашни площадь пригодных для этого земель уменьшилась на 15 млн га.

Располагая 9% мировых сельхозугодий, Россия производит всего 1,5% мирового объема сельхозпродукции, и причины этого кроются отнюдь не в меньшей продуктивности угодий или неблагоприятных климатических условиях. Расчеты специалистов показывают, что наше сельское хозяйство способно удвоить и утроить производство во всех его отраслях. И здесь мы вплотную подходим к вопросу о продовольственной безопасности России. Сейчас в рационе наших граждан импортные свинина и баранина составляют около 40%, мясо птицы – 17, рыба и продукты ее переработки, молоко и молочные продукты – около 20, сыр – свыше 45, яблоки – около 80, концентраты для производства соков – около 60% и т.д. В стране не выращивается чеснок в промышленных масштабах (этим занимаются огородники и китайские предприниматели), израильской редиской торгуют в Краснодаре даже в сезон, а в первые месяцы 2014 г. по сравнению с тем же периодом 2013 г. импорт капусты возрос на треть, картофеля – на 90%, репчатого лука – в 4 раза и т.д.

Причины общеизвестны: это открытость мировому рынку при снижении объемов государственных закупок сельхозпродукции, при фактическом прекращении льготного кредитования агросектора, при мизерности субсидий и дотаций на материально-техническое обеспечение, мелиорацию⁴, химизацию сельского хозяйства и на развитие инфраструктуры сельских территорий. Поэтому с каждым годом увеличивается площадь деградирующих земель, увеличивается износ мелиоративных систем, нарастают закисление почв и засорение пахотных земель семенами сорняков, кустарников и возбудителями болезней культурных растений. Согласно исследованиям Института

⁴ Сегодня в России только 3,5% мелиорируемых земель по сравнению с 20% в США, 40% в Китае и 50% в Индии, не говоря уже о тотальном мелиорировании земель в маловодном Израиле, полностью обеспечивающем себя сельхозпродукцией и активно ее экспортирующем, в том числе и в Россию.

социально-экономического развития территорий РАН, в настоящее время кооперативная сеть, ранее обеспечивавшая крестьянина материально-техническими ресурсами, оказывавшая ему производственные услуги, предоставлявшая финансовые ресурсы, осуществлявшая закупку, переработку и сбыт его продукции, в России практически не действует. Это существенно сдерживает нормальное функционирование как малых форм хозяйствования, так и крупных сельхозорганизаций. Отсутствие аутсорсинговых отношений между секторами агросектора, низкая обеспеченность личных подсобных и фермерских хозяйств элитными семенами растений, продуктивными породами скота и птицы также являются существенными барьерами, препятствующими развитию отрасли. Недостаточная распространенность интегрированных систем (кластеров, кооперативов, холдингов), создающих сквозную организационную структуру управления «поле – магазин», не позволяет подавляющей части предприятий АПК получить конкурентные преимущества на рынке.

В условиях, когда рост тарифов на электроэнергию и цен на минеральные удобрения в 2–3 раза опережал рост цен на продукцию сельского хозяйства, уровень бюджетной поддержки отечественных аграриев оставался кратно ниже, чем в странах, где развито сельское хозяйство (ЕС, США). Государство полностью отказалось от регулирования цен на рынке сельхозпродуктов. В итоге постоянно увеличиваются диспропорции между закупочными ценами на продукцию сельхозтоваропроизводителей и розничными ценами на продукты питания, и основная часть полученной в результате торговых операций прибыли пополняет балансы предприятий посреднической и розничной сетей и не может быть использована сельхозорганизациями для собственных нужд. Нигде и никогда государство столь безответственно не пускало на самотек сельское хозяйство, оказавшееся в кризисной ситуации, – зарубежные примеры энергичной и результативной поддержки села общеизвестны. Нигде и никогда кризис сельских поселений не был следствием не только общей экономической депрессии, но и отсутствия разумно выстроенной (в первую очередь – сбалансированной) продовольственной и расселенческой политики.

Не стоит удивляться тому, что в селе остается все меньше жителей, а все большая часть сельских населенных пунктов уже не имеет постоянного населения. В настоящее время более половины сельских жителей – это люди предпенсионного и пенсионного возраста, многие из которых утратили желание либо физическую возможность вести сельское хозяйство. Молодые люди стремятся найти работу в городе или выехать поближе к райцентрам, где созданы более сносные условия проживания. По данным Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, только 17% выпускников сельских школ хотят связать свою судьбу с селом, а после завершения обучения в аграрном вузе в сельской местности желают работать при любых условиях только 7% выпускников, около 25% молодых специалистов готовы поехать в село при условии высокой заработной платы и предоставления благоустроенного жилья, а 46% вообще не намерены связывать свою жизнь с деревней.

Одной из причин непривлекательности сельских населенных пунктов для молодежи и экономически активного населения является крайне слабое социально-инфраструктурное обустройство сельских территорий. Только за последние 13 лет там более чем на 15% сократилось число дошкольных и почти на треть – общеобразовательных учреждений, почти вдвое уменьшилось число клубов, домов культуры и библиотек. Из-за дорожно-транспортных, финансовых и иных трудностей крайне малы возможности приобщения сельских жителей к театру, музеям, выставкам. Повсеместно сократилось число фельдшерско-акушерских пунктов, и для того чтобы сделать элементарный укол, пожилым людям приходится ехать (на чем?) в те же районные центры. На крайне низком уровне последних лет советской власти остается оборудование сельского жилищного фонда водопроводом, канализацией, центральным отоплением и горячим водоснабжением. Около половины сельских дорог требуют немедленного капитального и текущего ремонта. Из-за плохого состояния дорожной сети затруднены выездные формы медицинского, культурного, бытового и торгового обслуживания населения, многие населенные пункты осенью и весной остаются без автобусного сообщения (например, в Вологод-

ской области около 600 сельских населенных пунктов официально признаны отдаленными и труднодоступными).

Все это свидетельствует о том, что разрешение кризиса сельского расселения при сохранении государственного курса на открытую рыночную экономику и при продолжении начатых реформ в социальной сфере возможно только при радикальном переформатировании всех содержательных основ этого расселения. Экономическим смыслом существования каждого сельского поселения должно стать товарное производство конкурентоспособной продукции, а не натуральное самообеспечение. В таком поселении неминуемо доминирование наемного труда с не всегда свойственными нашим селянам жесткой дисциплиной, исполнительностью и ответственностью. Сельские поселения обретут постоянных жителей только при условии перехода к городскому типу обустройства территорий и жилья с заменой разрушающейся социальной, производственной и транспортной инфраструктуры на новую сеть нормально оборудованных школ, больниц и т.д. Безальтернативно качественное обновление сети межпоселенных дорог⁵. Неминуемо и появление нового дисперсного расселения.

Перечисленное выше – далеко не полный, но единственно возможный перечень условий сохранения сельских поселений как особых и жизненно необходимых элементов региональных и общероссийской систем расселения. И здесь формат новой системы сельского расселения становится напрямую зависимым от производительности сельского труда, а значит, и от числа требующихся рабочих рук. В первом десятилетии XXI в. производительность сельскохозяйственного труда в крупных и средних хозяйствах в несколько раз уступала производительности у их зарубежных конкурентов, да и производительности на сельских подворьях. Как бы ни расширялось – интенсивно или экстенсивно – крупно- и среднемасштабное сельскохозяйственное производство в России, ему вряд ли удастся предоставить места более чем 10 млн чел. (рекорд трудозанятости 1970 г.), а модернизация сельского хозяйства может сократить эту величину вдвое. У отечественного сельского хозяйства, если оно будет сущест-

⁵ В настоящее время треть сельских поселений не связаны с другими населенными пунктами дорогами с твердым покрытием.

зовать как товарно-рыночное и конкурентоспособное, нет иного выбора, чем производить и дешевле, и намного меньшим числом работников. А это означает, что для половины ныне существующего сельского населения в перспективе нет иного выбора, чем уход из сельского хозяйства, а во многих случаях – и из сельских населенных пунктов.

За последние 20 лет создания практически всех предпосылок для рыночного капитализма сельская Россия продемонстрировала весь мыслимый и немыслимый потенциал выживания. Жители села были наиболее подготовлены к любым тяготам, они в отличие от многих горожан имели к тому же не только навыки выживания в любой ситуации, но и собственное производство самого необходимого. Этот потенциал отнюдь не исчерпан, но он бесполезен (а в мотивационном отношении и вреден) для фазы коренных преобразований сельскохозяйственной и иной экономической базы сельских поселений. Теперь необходима иная энергия, которая не может быть ни аккумулирована, ни проявлена в прежнем хозяйственно-бытовом облике и в прежней расселенческой форме сельской России. Перемены неизбежны, но пока что село к ним не готово ни в материальном, ни в социальном отношении.

ПРЕДЕЛЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Социологические исследования, материалы региональных и муниципальных СМИ, наконец, собственные наблюдения убеждают в том, что более чем 80% граждан России, проживающих вне крупнейших городов страны, присущи представления о том, что большинство аспектов региональной действительности зависит от воли центральных властей и что влиять снизу на решения этих властей фактически невозможно. Такие субъективные представления, к сожалению, объективируются тем, что федеральный центр оставил региональным и муниципальным органам крайне малые возможности для проведения административно и ресурсно самостоятельной экономической и социальной политики.

Вполне естественно, что только федеральные органы законодательной власти могут издавать законы, которые призваны регламен-

тировать общественные и гражданские отношения во всех субъектах РФ в интересах всей Федерации. Однако не менее естественно и то, что и Государственная дума, и, особенно, Совет Федерации, принимая и одобряя такие законы, должны были бы учитывать интересы территорий, на которых формируются депутатский корпус нижней палаты и корпус представителей в верхней палате. Но если до недавнего времени вхождение в состав той или иной партийной фракции не препятствовало большинству депутатов в Государственной думе выступать прежде всего от лица своих избирателей (населения определенного избирательного округа), то сейчас партийная (фракционная) принадлежность, интересы партии и внутрипартийная дисциплина «перепрофилировали» территориальную суть депутатского корпуса, деятельность которого все более определяется не запросами избирателей, а политическим (и финансовым) весом конкретной партии и ее внутренней позицией. Прямая связь «регион – Государственная дума» при этом явно перестает быть решающей.

Мощным институтом участия регионов и муниципалитетов в политике федерального центра мог бы стать Совет Федерации, образуемый в соответствии со ст. 95 Конституции РФ только представителями субъектов Федерации, – недаром его принято называть «палатой регионов». Однако Совет Федерации может лишь одобрить или отклонить закон, уже принятый Государственной думой, и даже в тех редких случаях, когда Совет Федерации отклоняет такой закон, он возвращается в Думу для «преодоления разногласий», а если согласие не будет достигнуто, отклоняющее мнение «палаты регионов» может быть преодолено Государственной думой при повторном голосовании. Таким образом, голос «палаты регионов» может быть услышан при принятии федеральных законов, но он не является решающим. Крайне слабо используются возможности Совета Федерации и как своеобразного собрания субъектов законодательной инициативы (в соответствии со ст. 104 Конституции этим правом наделены и Совет Федерации в целом, и каждый член Совета Федерации в отдельности, т.е. по два члена Совета от каждого субъекта РФ) для законодательного оформления интересов регионов. Собственно, на деле эти возможности почти не используются: индивидуальные договореннос-

ти с федеральным центром оказываются более предпочтительными. К тому же во многих случаях российский федеральный законодатель вообще не оставляет нормотворческой свободы и самостоятельного предмета деятельности законодательному региональному. Не случайно более 10 лет назад возникли и начали укрепляться представления о том, что предметно-самостоятельное региональное законодательство становится попросту излишним.

Исключительно сильно выражено доминирование федерального центра и в организации исполнительной власти России: общие правила организации региональных органов, их взаимоотношения с федеральным центром, порядок прохождения государственной службы, бюджетные ресурсы для исполнения всех функций исполнительной власти и многое другое детально регламентированы федеральными законами, указами Президента и постановлениями Правительства РФ. Федеральные министерства, агентства и службы – вторые (после Президента РФ и его администрации) по силе и первые по масштабам воздействия федерального центра на региональную и местную власть, куда они прежде всего привносят мощную регламентационную составляющую. Основная часть деятельности этих федеральных структур связана с разработкой многочисленных подзаконных актов, их распространением и контролем за их исполнением на территориях всех субъектов Федерации. Объем содержащихся в подзаконных актах регламентирующих норм более чем в 100 раз превышает объем нормативных требований в исходных федеральных законах⁶. Более 90% всей информации, которая исходит вовне от региональных органов власти, составляют письма, обращения, отчеты, направляемые по регламенту в конкретные федеральные министерства, агентства и службы.

Аномально высокая зависимость региональных и муниципальных органов власти от центра особенно отчетливо проявляется в бюджетно-налоговой сфере, при том что почти все доходы федерального

⁶ Это в среднем. Объем подзаконных актов, например, к налоговому законодательству превышает его более чем в 1000 раз. Как неоднократно замечено, практические работники на периферии досконально знают необходимые им инструкции федеральных органов власти и гораздо спокойнее относятся к профильным федеральным законам.

бюджета (за исключением мизерной части доходов, связанных с федеральным имуществом) формируются за счет налоговых поступлений, собранных на территории периферии, и за счет распоряжения доходами от эксплуатации природных ресурсов на той же территории. Федеральный центр практически полностью регламентирует налоговые полномочия на всей территории страны (введение налогов и их предельных ставок, установление перечня налогоплательщиков, налоговой базы, объектов и периода налогообложения), оставляя периферии только возможности незначительной корректировки установленных центром ставок налогов и гипотетических налоговых льгот.

В результате принятой центром схемы распределения налогов по уровням бюджетной системы на долю консолидированных бюджетов периферии в настоящее время приходится не более 36% доходов. Все изменения в бюджетном и налоговом законодательстве последних лет имели следствием вертикальное смещение доходов бюджетов (в первую очередь основной их части – налоговой): от субъектов РФ – к федеральному центру и от муниципальных образований – к субъектам РФ. Сейчас в федеральный бюджет почти полностью зачисляются налоги и платежи, наиболее значимые по величине и наиболее полно собираемые. Поэтому ***в стране фактически не осталось субъектов Федерации, способных выполнить свои расходные обязательства за счет оставленных им налоговых и иных бюджетных доходов.*** Наиболее характерная ситуация сложилась в бюджетном обеспечении муниципального фундамента страны: доля установленных центром собственно местных налогов в расходных обязательствах составляет несколько процентов, причем общая сумма доходов муниципалитетов распределяется таким образом, что на долю поселений приходится всего 10% (около 65% поступает в бюджеты городских округов и 25% – в бюджеты муниципальных районов). Напомню, что за последние 15 лет бюджетные доходы центра по отношению к ВВП страны возросли в 1,5 раза, а всех муниципальных образований (включая крупные города) – сократились в 2 раза.

В то же время фактическая картина растекания бюджетных ресурсов центра по периферии гораздо сложнее, чем это видно из традиционно анализируемой схемы межбюджетных отношений. Дело в том, что

прямые поступления из федерального бюджета в субфедеральные составляют лишь его четверть, а *почти все остальное оседает на территориях субъектов РФ иным путем* – в виде различного рода федеральных проектов и программ и реализуется в новых и реконструируемых инфраструктурных и других объектах, в связанных с ними новых рабочих местах, в социальной сфере и т.д. Считать, что центр присваивает себе для собственных нужд налоговые доходы, собранные на периферии, бессмысленно и несправедливо, но справедливо то, что распределение и использование этих средств по территории страны далеко не всегда отвечает действительным потребностям территорий.

Каковы же возможности воздействия органов власти субъектов РФ и муниципалитетов на политику федерального центра и на принятие им решений, непосредственно затрагивающих интересы периферии? Конституция и действующее законодательство определяют несколько направлений воздействия органов власти субъектов РФ на решения федерального центра. Самым эффективным из них должно было бы стать участие субъектов РФ в федеральном законотворчестве через реализацию законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ права законодательной инициативы. Однако встречные требования Государственной думы (зафиксированные в ее регламенте) к законопроектам, вносимым субъектами РФ, весьма обширны, и нарушение любого из них может стать поводом для мотивированного отказа в приеме и рассмотрении Федеральным Собранием направляемых ему законопроектов. И Государственная дума активно пользуется такой возможностью. От субъектов РФ в Государственную думу ежегодно поступает 25–30% законопроектов от общего их числа, но до стадии принятого федерального закона по вышеуказанным и иным причинам доходят лишь считанные единицы. В 2013 г. федеральными законами стали всего 7% поступивших законопроектов (ранее было еще меньше), причем даже законопроекты, принятые для рассмотрения Государственной думой, в ходе неоднократных направлений на отзывы (в том числе в другие субъекты Федерации и в Правительство РФ) и трехкратных чтений с внесением поправок (не регулируемых авторами исходной законодательной инициативы) начинают сильно отличаться и по содержанию, и по

форме от того, что было первоначально предложено. Все это снижает и без того незначительные результаты *прямого участия* субъектов РФ в формировании федерального законодательства с использованием института законодательной инициативы.

Доминирование федерального центра во всех сферах политической, экономической и социальной жизни страны связано с такой схемой установления и разграничения полномочий, которая позволяет ему реально стоять над субъектами РФ и муниципальными образованиями в роли определяющего содержание, контролирующего и в ряде случаев финансирующего выполнение всех их функций. В настоящее время не только общегосударственная, но также региональная и муниципальная составляющие общего массива полномочий практически полностью установлены федеральным центром. На долю самостоятельно (в соответствии со ст. 73 Конституции) сформированных и устанавливаемых региональным законодательством и муниципальными нормативными актами, а также самостоятельно принятых сверх того дополнительных полномочий приходится менее 7% от общего их числа.

Сегодня массив полномочий органов власти разных уровней превышает 4,6 тыс. наименований, однако проблема не в том, что полномочий много, а в том, что их появление, распределение по уровням власти и исполнение с учетом территориального устройства нашей страны процедурно не регламентируются и практически не обосновываются. За последние годы не всегда последовательный и внутренне противоречивый процесс перераспределения полномочий уже нашел отражение в более чем 200 законодательных актах только федерального уровня, и число таких актов постоянно увеличивается. При этом часто происходит фактическое исключение из компетенции или «ослабление» многих полномочий субъектов РФ, отнесенных Конституцией к предметам совместного ведения, при чрезмерном регулировании со стороны федеральных органов исполнительной власти.

Общая скудость доходной части всех бюджетов (среднедушевые бюджетные доходы в России намного ниже, чем, например, в США, Великобритании, Германии и ряде других стран) и ранее отмеченная концентрация бюджетных доходов на федеральном уровне не позволяют никому, кроме центра, обеспечивать исполнение социальных

и иных обязательств перед гражданами. Это неизменно ставит региональные и муниципальные власти в положение недостаточно исполняющих закрепленные за ними полномочия как по объему, так и по качеству предоставляемых гражданам услуг. Таково еще одно следствие дисбаланса между распределенными по уровням власти объемами полномочий и собственными бюджетными ресурсами центра, субъектов РФ и муниципалитетов, или, иначе говоря, между ***объемом полномочий и соответствующими расходными обязательствами***.

Следует отметить, что несоответствие объема полномочий и имеющихся для их исполнения ресурсов, характерное для отношений федерального центра и регионов, полностью воспроизводится на уровне муниципалитетов, для которых центром становится не только федеральный центр, но и субъект РФ, в границах которого они расположены. Ни о какой самостоятельности в исполнении установленных федеральным центром и субъектами РФ полномочий, равно как и в бюджетном обеспечении связанных с этим расходных обязательств, у подавляющего большинства российских органов местного самоуправления не было, нет и в среднесрочной перспективе не будет.

Такова действительность в сфере административно-политических, бюджетно-налоговых и иных отношений федерального центра, регионов и муниципалитетов.

ЧЕМ ЗАНЯТА И КОМУ НУЖНА РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Обозначенные в статье факты региональной действительности, конечно же, ее не исчерпывают, но я хотел привлечь внимание именно к ним из-за их обостренной актуальности и прямой связи с новыми проблемами стабильного существования нашего государства. Уверен, что скептически-снисходительное отношение к результатам исследований регионалистов не в последнюю очередь определяется тем, что за последние 25 лет ***академическое регионоведение не произвело ничего действительно общественно значимого, публично дискутируемого и способного позитивно повлиять на тренд нашего бытия***. В 1980-х годах российская академическая наука была на слуху хотя

бы потому, что единодушно доказывала благотворность немедленного перехода страны в «перестроечное» и «реформационное» состояние, а регионалисты дружно развивали политически ангажированные идеи «территориального хозрасчета».

Значит ли это, что нами утерян интеллектуальный потенциал региональных исследований? Конечно же, нет. Свидетельством этого являются блестящие публикации в журналах «Регион: экономика и социология» и «Пространственная экономика», уверенно заняли нишу особо необходимых точечно-проблемных исследований ученые Института социально-экономического развития территорий РАН, публикующиеся преимущественно в журнале «Проблемы развития территории». Перечень можно порядково расширить. Но почему глухим молчанием встречены результаты работ многих академических коллективов по двум последним программам фундаментальных исследований Президиума РАН, посвященных пространственным аспектам развития страны и ее модернизации? Почему не стали основой государственно принятых документов по развитию Дальнего Востока фундаментальные материалы многолетних исследований академика П.А. Минакира и его коллег? Почему актуализация лучшей в России, теоретически выверенной и досконально обоснованной стратегии перспектив развития Новосибирской области была доверена не ее академическим разработчикам? Почему не только я, но и многие мои коллеги отказываемся от упоминания нашего авторства в официальных документах, откуда выхолащивается все самое интересное из представленных нами предложений?

Думаю, что одной из важнейших причин не востребоваемости интеллектуального продукта отечественных регионалистов можно считать фатальное расхождение между сосредоточенностью региональных и муниципальных органов власти на исполнении установленных сверху полномочий и серьезным восприятием подготовленных научными коллективами концепций формирования кластеров, крупногородских агломераций, территорий опережающего развития и тому подобных новаций, а также тех заказных работ, которые нужны только для отчетов перед вышестоящим руководством. К тому же вряд ли стоит упрекать федеральных, региональных и муниципальных чинов-

ников, озабоченных неразрешимыми бюджетно-финансовыми и иными проблемами территорий, в том, что им трудно осознать, что «территориальное» не сводится к «экономическому», ведь сейчас в стране только рост ВВП или ВРП считается признаком развития всего и вся. От этого стереотипа, зафиксированного в сознании руководителей всех уровней, да и многих ученых, трудно отойти, и трудно признать, что «территориальным развитием» может считаться только такой результат естественных или управляемых действий (бюджетная поддержка, строительство нового или ликвидация неэффективного действующего объекта, переселение части населения, установление особого административного режима и т.п.), который может обеспечить **сбалансированность** всех составляющих потенциала функционирования территории. Очевидно, что любой перекос, например несбалансированность трудовых ресурсов и мест приложения труда, ведет к деструкциям, а в наиболее резкой форме – к региональным депрессиям. Очевидно в связи с этим и то, что несбалансированная, односторонняя динамика (например, строительство крупного хозяйственного объекта, не сопровождающееся эквивалентными переменами в других сферах), которая в российской практике обычно выдается за бесспорное свидетельство «территориального развития», таковым считаться не может.

Знаю, что в условиях тотальной дезинтеграции ранее созданных структуры народного хозяйства и системы расселения воссоздание на новых началах внутритерриториальной сбалансированности пространственно опосредованных процессов общественного бытия – самая сложная из всех управленческих проблем современной России. Даже простое приближение к ее решению связано с необходимостью хотя бы виртуально «пересобрать» потенциал страны в принципиально новом формате, т.е. создать **новый, непротиворечиво организованный баланс** всей совокупности расположенных на каждой территории частей социального, хозяйственного, административного, природно-ресурсного, национально-этнического, культурно-исторического и других потенциалов страны. Нужно принципиально ответить на важнейшие для каждой территории вопросы: можно ли это сделать вообще? Если да, то каковы пространственные границы реализации такой возможности? Если нет, то чем это грозит? Ответить на эти вопросы,

а тем более, действовать в соответствии с полученными ответами очень трудно, но осознание безальтернативности таких действий представляется критически важным и для населения, и для заказчика – властей любых уровней, и для исполнителей – регионалистов.

Практическое использование результатов наших исследований органами власти разных уровней затрудняется и тем, что мы не всегда можем адекватно оценить степень *одновременно и чаще всего разнонаправленно* оказываемых воздействий на параметры состояния каждой территории со стороны всех без исключения групп населения и юридических лиц, находящихся на этой территории, а также степень влияния на эти параметры постоянно меняющихся административных решений и нормативно-правовых актов, принимаемых на федеральном и региональном уровнях. Предварительная оценка таких воздействий, наделение государственных, муниципальных и общественных организаций и органов полномочиями и ресурсами для осуществления контроля за всеми участниками пространственно опосредованной деятельности – сложнейшая исследовательская и организационно-управленческая задача, ни к решению которой, ни даже к постановке пока еще никто не готов.

И все же основной проблемой отечественной регионалистики, определяющей ее недостаточную общественную значимость, я считаю уход от исследования самых важных для страны вопросов и замену их догматическими утверждениями о спасительной роли формирования кластеров, тотальной инноватики и т.п. Никто не убедит меня, например, в том, что единственным вектором движения регионов и муниципалитетов к стабильному функционированию является переход к высокотехнологичному производству продукции, способной завоевать мировой рынок. Ведь вряд ли в ближайшие годы наша гипотетическая сверхновая техника будет ежегодно востребована даже миллионом платежеспособных зарубежных покупателей, тогда как качественная продукция, например, российского животноводства наверняка могла бы пользоваться устойчивым спросом у более чем 100 млн российских граждан. В современной России для развития импортоконкурентного рынка (страны, региональных и местных его составляющих) прежде всего нужна ныне отсутствующая производствен-

но-транспортная инфраструктура, обеспечивающая бесперебойные связи производителей и потребителей продукции, ведь поставки «своему» потребителю должны быть более выгодными и в отношении скорости оборота, и в плане минимизации рисков. В установлении инфраструктурных скреп внутреннего рынка, а следовательно, и в повышении связанности территории Россия должна быть заинтересована не меньше, чем в создании пресловутых транснациональных транспортных коридоров, по которым мировые производители якобы сразу же начнут перевозить свою продукцию с континента на континент. Повторю, что речь идет об элементарных вещах: о сносных (всего лишь) дорогах, пересекающих страну и ее регионы вдоль и поперек, о больших и малых консигнационных и прочих складах, об элеваторах, зернохранилищах, холодильных установках и т.п.

Следует признать, что, например, функционирование российско-го аграрного производства как экономической и социальной основы для производительной трудозанятости и для обеспечения тем самым жизни миллионов сельских жителей может быть достигнуто не столько на базе использования современнейших сельскохозяйственных машин и орудий (очень дорогих и требующих не менее дорогой ремонтной и другой производственной инфраструктуры), сколько посредством материального (через заработную плату и социальные преференции) стимулирования профессионально ответственного отношения к труду, воссоздания (на новой, рыночной, основе) потребительской кооперации, осуществления тотальной газификации и электрификации села, строительства дорог и поддержания транспортного сообщения между производителями и рынком сельхозпродукции, восстановления разумного паритета цен на нее и на горюче-смазочные материалы, постоянной господдержки отечественных сельхозпредприятий (например, в формах, принятых в США) и т.д.

В наших региональных исследованиях почти не ставятся проблемы кардинальной трансформации территориальной организации общества как не умоэзрительного понятия, а реальности. Убежден, что эта проблематика будет становиться все актуальнее, и было бы правильным начать соответствующие разработки заблаговременно, не дожидаясь момента, когда кризисное развитие ситуации достигнет

форс-мажорного состояния и потребует немедленного принятия ответственных управленческих решений. Этот момент наступит обязательно в связи с тем, что нарастает конфликт между формирующейся новой и продолжающей функционировать прежней территориальной организацией российского общества. Все более проявляется несогласованность в динамике размещения функционально связанных видов экономической деятельности и усиливается их разбалансированность друг с другом, с ресурсной базой и со сложившейся системой расселения. Невнимание публичной власти всех уровней к последствиям неуправляемого развития кризиса системы расселения тем более неоправданно, что эта система – давний предмет изучения в различных дисциплинах и научных школах России.

Поразительно, насколько мал объем диссертационных исследований по региональной экономике, связанных с сельским хозяйством и сельским расселением. Речь идет не о технологиях сельскохозяйственного производства (это предмет других научных специализаций), а о роли и месте этого производства в региональной экономике, о его воздействии на занятость, мобильность и продовольственную обеспеченность населения, о воздействии экономики городов на сельскую периферию и т.д. К сожалению, понимания этого нет и в экспертных структурах ВАК: там спокойно проходят, например, работы по формированию промышленных региональных кластеров, но можно получить замечание об отсутствии в диссертационном совете аграрников, если диссертация посвящена региональным особенностям сельскохозяйственного производства.

В стране непрерывно и с большой помпой проходят крупномасштабные конгрессы, по итогам которых чаще всего делаются заявления о намерениях относительно инвестирования очередных внешнеэкономических мегапроектов. Думаю, что только новосибирскому Академгородку было бы под силу организовать площадку, где можно было бы **впервые** конструктивно обсудить способы решения действительно важнейшей задачи – **жизненно необходимого использования экономического потенциала России внутри страны**. Здесь могли бы говорить прежде всего не о том, кто виноват, а о том, как повернуть политику и экономику страны на ее территорию. Здесь в равной степени могли

бы быть представлены и ученые, и те, кто реально решает вышеуказанную задачу. Например, на секции «Россия может накормить себя сама» много полезного могли бы рассказать и глава тамбовского агрохолдинга «Корнев групп», и руководители созданного в Сибири внекоммерческого Национального союза заготовителей и переработчиков дикоросов, и многие другие. По результатам обсуждения мог бы быть подготовлен первый в стране обращенный к ее руководству меморандум о рациональном самообеспечении страны как условия решения многих другим путем не решаемых проблем городов и сел России.

В заключение хотел бы напомнить, что региональные исследования социальной, экономической, этнографической, демографической и прочей направленности входят в массив общественных наук, и большинство из нас в какой-то степени реализуют главную задачу таких наук – *расширяют познания* о пространственно опосредованной жизни нашего общества. Проблема состоит в том, что прирост такого знания часто остается интеллектуальным достижением каждого автора в отдельности: мы в лучшем случае приводим в своих публикациях список наших коллег, работающих по аналогичной тематике, но не дискутируем с ними, не акцентируем собственные результаты, кардинально или частично отличающиеся от ранее высказанных мнений или от общенаучного мейнстрима. Да, наши исследования малоинтересны зарубежным коллегам, которых менее всего волнуют полученные не ими результаты объективного изучения российской региональной действительности. Но первым шагом к повышению общественной значимости отечественных региональных исследований может стать подтверждение к ним интереса хотя бы в пока еще существующем сообществе регионалистов. А для этого нужно читать и публично обсуждать работы друг друга, не боясь признать ни первооткрытия, ни ошибки своих предшественников. И в связи с этим я задам последний вопрос: кто и когда писал и размещал на страницах популярных научных изданий рецензии на книги или серии публикаций своих коллег?

Рукопись статьи поступила в редколлегию 07.04.2014 г.

© Лексин В.Н., 2014

УДК 338.43:636

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 39–51

ОЛЕНЕВОДСТВО В АРКТИЧЕСКОМ СУБРЕГИОНЕ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В.А. Иванов

*Институт социально-экономических и энергетических проблем
Севера Коми НЦ УрО РАН*

*Статья подготовлена по плану НИР ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН
в рамках приоритетного направления 87 (проект 87.3)*

Аннотация

Показаны роль и специфика оленеводства как главной отрасли северного традиционного хозяйства. Рассматриваются преимущества и недостатки различных систем содержания оленей. Приведены динамика и доля поголовья домашних оленей в субъектах РФ зоны Севера. Исследовано состояние оленеводства в дореформенный и рыночный периоды. Дан анализ реализации целевой программы «Развитие оленеводства в Республике Коми (2012–2015 гг.)». Выявлены проблемы развития отрасли в регионе, обусловленные отсутствием федерального закона об оленеводстве, неотрегулированностью межрегиональных связей по контролю за состоянием пастбищ. Предложены направления развития лесного оленеводства и решения социальных проблем, имеющих у оленеводов.

Ключевые слова: Республика Коми, оленеводство, системы содержания оленей, экологическая ситуация, социальные проблемы у оленеводов

Abstract

The paper discusses the role and a specific character of reindeer breeding as the main sector of the traditional northern economy. It examines advantages and drawbacks of different management systems and demonstrates the dynamics of changes and the proportion of domestic reindeer population in the federal subjects of the North. We study the reindeer breeding before the reforms and in the market period. The article further analyzes how the target program «Reindeer Breeding Development in the Komi Republic (2012–2015)» is realized. It defines drawbacks of regional development which appeared due to the absence of a federal act on reindeer breeding, unregulated interregional connections aimed at pastures monitoring. As a conclusion, we propose directions on how to develop forest reindeer breeding and solve social problems of reindeer breeders.

Keywords: the Komi Republic, reindeer breeding, reindeer management systems, environmental conditions, social problems of reindeer breeders

В настоящее время разведением северных домашних оленей занимаются в России, Швеции, Норвегии, Финляндии, Канаде, США и Гренландии. По поголовью северных оленей Россия занимает первое место в мире (более 80% в мировом поголовье). В 2011 г. в стране насчитывалось 1582,7 тыс. голов оленей, а 100 лет назад – 1674 тыс. голов.

Оленеводство – отрасль, наиболее соответствующая природе Севера, трудовым навыкам коренного населения и имеющая высокую эффективность. Вследствие отсутствия затрат на заготовку кормов и строительство помещений производство оленины на Севере высокодоходно. Например, себестоимость производства 100 кг мяса в оленеводческих хозяйствах Республики Коми почти в 4 раза ниже по сравнению с производством говядины.

Оленеводческие хозяйства играют важную роль в снабжении населения диетическим мясом, а шкуры оленей являются ценным сырьем для производства товаров народного потребления. Особую ценность представляют рога и кровь оленей, широко применяются для пищевых и кормовых целей субпродукты. Однако в настоящее время доходы отрасли на 95% формируются от реализации мяса.

Известны вольное, вольно-лагерное (полувольное), изгородное, стадное содержание и разведение оленей. Наиболее распространенным является стадное содержание, оно применяется в Коми, Якутии, Ненецком, Ямало-Ненецком, Таймырском, Корякском и Чукотском автономных округах. Содержание оленей в изгородах издавна практикуется в горно-таежных районах Мурманской области, в Эвенкии, Якутии и за рубежом [1–3]. В изгородах при достаточной площади и хорошем корме оленей, рассредоточиваясь по территории, выпасаются спокойнее. Это позволяет лучше использовать корма на мелких и труднодоступных участках пастбищ (при стадном содержании они обычно не используются), в результате чего оленеемкость пастбищ увеличивается на 15–20%, резко сокращаются заболеваемость и потери животных, оленей лучше нагуливаются. Изгородное содержание, несмотря на большую эффективность, внедряется медленно, так как требует больших затрат на строительство, но оно перспективно. Вольное содержание оленей практикуется на Аляске¹. При этой системе содержания оленей пастухи следуют за стадом по мере его передвижения.

В Коми оленеводство стало развиваться с середины XVII в., им начали заниматься коми-ижемцы. Сначала оно не имело массового характера, но в XIX в. произошел резкий скачок. Заимствовав оленеводство у ненцев, ижемцы усовершенствовали систему содержания и разведения оленей. Коми-ижемская система оленеводства включала круглосуточный выпас и «окарауливание оленей», уточнение времени перекочевки к морю (меридиальное кочевание на зиму к лесу, на лето к морю), своевременный забой и селекцию оленей (начало селекции оленей положили ижемцы). Оленеводство у коми-ижемцев приняло ярко выраженный товарный характер (выделка и продажа замши и т.д.). Они сделали оленеводство промышленной отраслью, дающей прибыль, сумели учесть как положительный, так и отрицательный опыт организации

¹ Система вольного содержания оленей на Аляске с 1900 до 1934 г. обеспечила невиданные в истории оленеводства других стран темпы роста поголовья (с 2,7 тыс. до более 1100 тыс. голов оленей соответственно). Однако это привело к хищническому уничтожению пастбищ, что, в свою очередь, стало одной из основных причин упадка оленеводства на Аляске (до 60 тыс. голов в 1970 г.). Эта система содержания оленей не оправдала себя.

оленоводства у ненцев. Большая часть продукции оленеводов-коми стала вывозиться в Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Архангельск. Ни одна сельскохозяйственная ярмарка в Париже не открывалась без товаров ижемских оленеводов. Коми-ижемская система стала основной формой оленеводства в тундрах Северной Европы. Для нее характерны круглогодичное содержание оленей в стадах, круглосуточная охрана и руководство движением стад на пастбищах.

Оленеводство – единственная из отраслей домашнего животноводства, которая полностью базируется на естественной кормовой базе. Основой кормовой базы оленеводства являются естественные олени пастбища, расположенные в тундре, лесотундре и лесной зоне, постоянно разрушающиеся под воздействием выпаса и самовосстанавливающиеся. Пастбища – не только источник корма, но и постоянное местообитание оленей в течение всего года. Поэтому выбор их для использования по сезонам года ведется с учетом как кормовой характеристики, так и рельефа, климата, доступности участков и наличия кормов на них во все сезоны.

Основные виды кормов для северного оленя – это зеленая растительность (разнотравье, злаки, осока, хвощи, листва ивы и березы, бобовые, пушица и др.) и лишайники. В отдельные годы осенью большим подспорьем в кормовом балансе являются грибы. Но кормовую основу во все сезоны года составляют лишайники и зеленая растительность в зеленом виде летом или в побуревшем, пожелтевшем в форме ветоши. Исходя из запасов этих кормов, их доступности определяется оленеемкость пастбищных участков, т.е. поголовье оленей, которое можно выпасать на территории в течение определенного сезона или отрезка времени. В связи с особенностями кормления и климатическими условиями в использовании оленями кормов, с резко выраженной сезонностью к пастбищам в разные периоды предъявляются свои требования.

Протяженность пастбищ в Республике Коми достигает 500 км. Вытянутость используемых земель в направлении север – юг определила и систему выпаса оленей, при которой стада находятся в постоянном движении: весной – к летним пастбищам на север, а осенью – обратно на юг к зимним пастбищам. В основном пастбища (свыше

4 млн га) оленеводов-коми в течение длительного исторического периода расположены на территории Ненецкого АО.

Из-за скудности пастбищ и необходимости постоянной их смены в оленеводстве будет сохраняться кочевой образ жизни. Он определяет сложности обустройства быта, медицинского, торгового и культурного обслуживания, специфику занятости. Учитывая важную особенность северного оленеводства, состоящую в огромной территориальной рассредоточенности производства, в законодательных актах нельзя предусматривать частную собственность на землю, олени пастбища, территории традиционного природопользования в районах Севера и Арктики. Что касается собственности на оленей, то она может быть частной, коллективной, совместной, групповой.

В дореформенный период для развития оленеводства было сделано многое. Активно практиковалось авиационное обслуживание оленеводческих бригад, усилилась борьба с болезнями оленей, улучшилось культурно-бытовое и торговое обслуживание оленеводов, совершенствовались внутрихозяйственные отношения. Оленеводство имело высокую рентабельность, особенно в Мурманской области, Коми, Якутии, Ямало-Ненецком, Ненецком и Чукотском автономных округах. За счет доходов оленеводства финансировалось содержание социальной сферы и других отраслей хозяйственной деятельности сельхозпредприятий.

Проведение рыночных реформ без учета специфики отрасли привело к снижению поголовья оленей. За 1991–2011 гг. во всех категориях хозяйств зоны Севера численность оленей сократилась на 30% (см. таблицу). В Коми поголовье оленей за 20 лет уменьшилось на 7%. По численности оленей республика занимает пятое место. На ее долю приходится 27,3% общего поголовья оленей европейской части страны и 5,6% – России. Среди северных субъектов Федерации первое место занимает Ямало-Ненецкий АО (43% всего поголовья страны), второе – Якутия (12,3%), третье – Ненецкий АО (11,3%).

В оленеводстве Республики Коми занято свыше 500 чел. коренной национальности (в основном коми-ижемцы), а также ненцы и ханты. В городском округе Инта сконцентрировано самое крупное стадо животных, оно составляет 37% поголовья республики. Основное пого-

**Поголовье домашних оленей в зоне Севера во всех категориях хозяйств
на начало года, тыс. голов**

Субъект Федерации	1991	1998	2008	2009	2010	2011
Республика Коми	123,6	122,8	86,7	82,0	83,8	88,9
Архангельская обл.	4,4	4,4	1,0	1,9	1,8	1,6
Ненецкий АО	186,3	167,2	161,7	165,6	172,9	179,1
Мурманская обл.	77,3	71,4	66,7	62,5	58,9	56,1
Ханты-Мансийский АО	47,1	33,8	29,5	32,7	35,5	35,7
Ямало-Ненецкий АО	490,5	539,7	651,1	659,6	665,2	683,3
Республика Тыва	8,1	3,4	1,7	2,2	2,1	1,8
Красноярский край	107,1	50,3	67,5	73,1	77,6	83,8
Республика Саха (Якутия)	361,5	196,4	190,1	201,1	200,3	194,9
Чукотский АО	491,0	156,8	189,2	197,6	195,4	178,4
Камчатская обл.	16,8	8,7	—	—	—	—
Камчатский край	150,3	63,6	37,4	37,1	38,6	38,7
Магаданская обл.	121,5	33,4	18,9	19,4	21,6	23,2
Сахалинская обл.	4,0	2,9	0,1	0,2	0,2	0,2
Республика Бурятия	2,0	0,7	1,0	1,0	1,0	1,0
Иркутская обл.	1,7	0,5	0,2	0,3	0,3	0,3
Забайкальский край	9,2	1,3	1,5	1,8	2,3	2,3
Хабаровский край	42,7	17,1	7,8	8,1	6,4	6,2
Амурская обл.	12,9	9,3	7,4	6,8	6,9	7,1
В с е г о по зоне Севера	2258,0	1483,7	1520,4	1553,0	1570,6	1582,7

ловье оленей в Коми, как и в других регионах Севера, сосредоточено в коллективных хозяйствах (76%), на долю крестьянско-фермерских хозяйств приходится лишь 4%.

Позитивные перемены в оленеводстве происходят в связи с принятием закона «Об оленеводстве в Республике Коми» и реализацией це-

левой программы «Развитие оленеводства в Республике Коми (2011–2015 гг.)». В 2012 г. по сравнению с 2010 г. поголовье оленей во всех категориях хозяйств увеличилось на 9,3%. В сельхозорганизациях отмечаются рост производства и реализации мяса, улучшение показателей сохранности поголовья и делового выхода телят.

На финансовое обеспечение целевой программы из бюджета Республики Коми направлено 80,8 млн руб., из федерального бюджета – 37,6 млн руб. Это позволило оленеводческим хозяйствам построить три новых кораля, завершить строительство третьего в республике современного убойного пункта в Инте, приобрести снегоходы, лодки, лодочные моторы, дизельные электростанции, спутниковые телефоны. В 2011 г. в ПСК «Оленевод» и в 2012 г. в ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная» проведены геоботанические обследования территорий оленьих пастбищ. На эти цели из республиканского бюджета направлено 12,2 млн руб. Наличие современных убойных пунктов делает возможным создание базы по заготовке и переработке желез внутренней секреции (эндокринно-ферментного сырья), а также крови и ее компонентов.

Благодаря целевой программе улучшилось социальное обслуживание и повысилось материальное благосостояние оленеводов и членов их семей. В рамках мероприятий по организации вывоза детей оленеводов из мест кочевий к месту учебы и обратно на время летних каникул в 2012 г. 77 детей перевезено в тундру и 127 – из тундры. Среднемесячная заработная плата работников оленеводства увеличилась на 69% (с 10,5 до 17,7 тыс. руб.).

Хотя ситуация в оленеводстве Республики Коми по сравнению с другими регионами Севера выглядит стабильной, в отрасли накопилось немало проблем. Отсутствие специального закона РФ об оленеводстве делает неопределенным положение оленеводства в системе государственного контроля и подчинения. Из-за жесткой денежно-кредитной политики становится невозможным получение долгосрочных кредитов для модернизации производства и устанавливаются непомерно высокие проценты по краткосрочным кредитам.

Остаются неотрегулированными межрегиональные связи в области совместного контроля за состоянием пастбищ. В последние годы

в результате промышленного освоения минеральных и лесных ресурсов продолжаются сокращение площади и загрязнение оленьих пастбищ, ухудшается качество кормов и уменьшаются их запасы. Вблизи мест разведки, добычи и транспорта полезных ископаемых в тундре, лесотундре и тайге происходит техногенное разрушение покрова, снижается качество кормовых угодий, сокращается объем кормовых запасов и ухудшается их доступность. Недоступными для оленьих стад стали тысячи гектаров лесных и лесотундровых пастбищ. Вследствие этого, а также в результате произошедших изменений в организации выпаса (перераспределение пастбищ между хозяйствами различных категорий, изменение путей прогона, задержка стад в районах коралей и т.п.) на оленьих пастбищах сформировались локальные очаги с неблагоприятной экологической ситуацией, в пределах которых выпас оленей становится невозможным, а на прилегающих к ним участках может производиться лишь с ограничениями. Это привело к эскалации нагрузки на пастбища, остающиеся в распоряжении оленеводов, и к снижению их оленеемкости, к нарушению баланса кормов на сезонных пастбищах в целом. Характерно, что при этом ландшафты с наиболее ценными кормовыми ресурсами (тундровые и лесные урочища) нарушаются наиболее часто. Геоботанические исследования тундровых и лесотундровых пастбищ оленеводческих хозяйств городских муниципальных округов Инта и Воркута показали значительное уменьшение доли основных кормовых растений, отсутствие ягельного корма. Отмечено увеличение доли кустарников и непригодных в пищу трав.

К числу основных проблем в развитии оленеводства относятся тяжелые условия труда и быта, низкий уровень заработной платы оленеводов. По этим причинам молодежь не идет в оленеводство. В хозяйствах ощущается постоянная нехватка зоотехнических и ветеринарных специалистов. Отсутствие ветеринарной помощи влечет за собой значительное увеличение падежа оленей от заболеваний и травм. В среднем оленеводческие хозяйства недополучают 8 кг живой массы с одного взрослого оленя.

Несмотря на то что лесные пастбища используются только в зимний период, в соответствии с действующим лесным законодатель-

ством оленеводческие хозяйства как арендаторы лесных участков обязаны проводить комплекс мер по обеспечению пожарной безопасности в течение всего года. Тушение пожаров в лесах силами оленеводческих хозяйств требует от них дополнительных финансовых затрат.

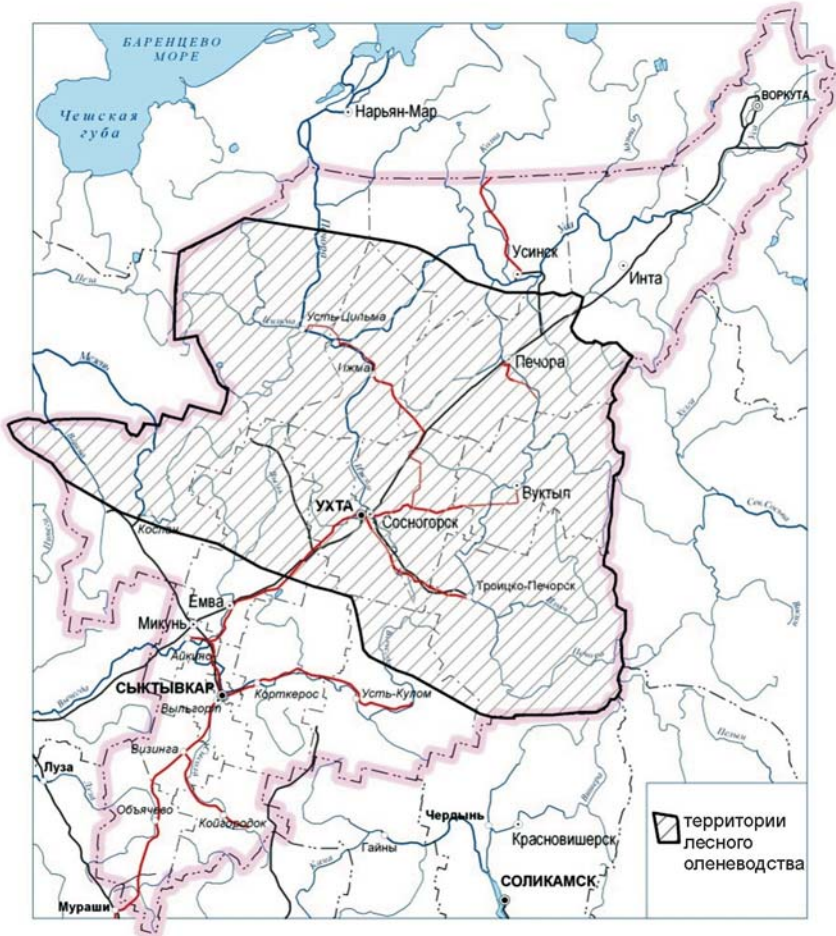
Развитие оленеводства в Коми может осуществляться за счет интенсификации производства и увеличения поголовья оленей. Интенсивное развитие связано

- с рациональным использованием оленьих пастбищ, улучшением племенной работы, совершенствованием внутрихозяйственной специализации, оптимизацией структуры стада, установлением оптимальных размеров оленеводческих хозяйств и отдельных стад;
- с сокращением непроизводительных отходов животных, с усилением борьбы с заразными болезнями оленей;
- с организацией своевременного убоя оленей и рационального использования субпродуктов;
- с совершенствованием организации труда и быта оленеводов, с повышением материальной заинтересованности, с привлечением, закреплением кадров и повышением их квалификации;
- с оснащением оленеводческих хозяйств необходимыми сооружениями, оборудованием, средствами связи, транспортом.

Сохранению истощенных тундровых и лесотундровых пастбищ от необратимой деградации будет способствовать развитие в северной тайге Коми лесного оленеводства². Имеются данные, свидетельствующие о возможности создания этой отрасли на территории, включающей Усть-Цилемский, Ижемский, Печорский, Вуктыльский,

² Лесное оленеводство в Коми широко применялось в 20–30-е годы прошлого столетия. Затем до начала рыночных реформ оно успешно развивалось в совхозе «Помоздинский», где на протяжении ряда лет стадо составляло около 500 голов. Живая масса одного оленя при убое равнялась в среднем 89 кг против 62 кг в совхозе «Ижемский», являвшемся в те годы наиболее рентабельным среди оленеводческих хозяйств республики. В совхозе «Помоздинский» в 1986–1988 гг. в оленеводстве было занято 5 чел., уровень рентабельности отрасли составлял 41,5%. В настоящее время положительный опыт ведения лесного оленеводства имеется в Ханты-Мансийском АО, Забайкальском крае и Якутии.

Сосногорский, Ухтинский, Троицко-Печорский районы и север Усть-Куломского, Княжпогостского и Удорского районов. Здесь есть крупные массивы земель, сочетающие разнообразные типы угодий (см. рисунок). На этой территории широко распространены еловые,

Картограмма перспективных территорий лесного оленеводства
Республики Коми

березово-еловые, сосново-еловые, лиственнично-сосновые, кустарничково-лишайниковые, кустарничково-долгомошные леса, которые могут быть использованы как ценные зимние пастбища с достаточным запасом лишайниковых кормов. В то же время заболоченность данной территории составляет более 30%, здесь представлены низинные травяно-моховые болота, грядово-мочажинные болота, различные типы заболоченных лесов, которые можно использовать для выпаса во все сезоны.

Применяя известные приемы ведения лесного оленеводства (управляемый выпас зимой и регулируемый выпас на огороженных пастбищах в другие сезоны), можно создать для оленей наиболее благоприятные условия, при которых они достигают высокой упитанности и большого веса. Предлагаемая технология содержания оленей в таежной зоне позволяет получить от каждой 100 январских оленей 28–30 ц мяса, а также решить многие социально-экономические проблемы. Одним из преимуществ в этом случае является расположение оленеводческих бригад вблизи от рынка сбыта продукции. В соответствии с расчетами здесь в течение года только на заболоченных участках может выпасаться более 5 тыс. оленей, принадлежащих как крупным оленеводческим хозяйствам, так и фермерам-оленоводам. Таким образом, освоение практически не используемых сегодня болот и низкопродуктивных в лесохозяйственном отношении заболоченных лесов может служить одной из мер, направленных на устойчивое развитие оленеводства в республике.

В Коми сделан первый шаг в организации лесного оленеводства. В ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная» проведены проектно-изыскательские и геоботанические работы, составлен план землеустройства для создания опытного лесного стада. Предполагается закупка в Ханты-Мансийском АО оленей, адаптированных к круглогодичному содержанию в лесах. Это позволит сократить расходы на строительство полномасштабных изгородей, удешевит само содержание.

Для того чтобы создание таежного оленеводства шло успешно, необходимо привлечь специалистов-землеустроителей, ученых. Их участие в работе с опытными стадами лесных оленей позволит подготовить реальные рекомендации, найти в тайге места, пригодные для

содержания больших оленьих стад. За 5–7 лет можно воссоздать лесные стада оленей в Ижемском, Удорском и Усть-Куломском районах, а в дальнейшем организовать таежное оленеводство во всех северных и центральных районах республики. Это откроет большие возможности для отрасли и в развитии здесь туризма.

Социально-экономические проблемы в оленеводстве могут быть успешно решены путем внедрения в отрасли передовых технологий. В частности, на маршрутных движениях стад оленей можно строить промежуточные базы, корали, маршрутные дома и производственные комплексы³.

Приоритетным направлением в развитии оленеводства является создание перерабатывающей базы с ориентацией на производство продукции на экспорт с учетом стандартов Европейского союза и на выход на иностранные рынки, где цена продукции оленеводства на порядок выше, чем в России. Эту задачу можно решать совместно с соседними оленеводческими северными регионами.

Повысить эффективность оленеводства в перспективе предполагается не только за счет увеличения объемов реализации оленины, но и за счет улучшения ее качества. В настоящее время в значительной части хозяйств региона животные перерабатываются в конце ноября – декабре. Нередко из-за неустойчивой погоды и плохой организации работы сроки забоя задерживаются или растягиваются, животные продолжительное время выпасаются на пастбищах вблизи убойных пунктов. Это приводит к чрезмерно интенсивному стравливанию лишайниковых кормов, вследствие чего в последующие годы при выпасе на этих пастбищах животные быстро теряют живую массу и снижают упитанность. Питательная ценность оленины также зависит от времени убоя. В конце сентября – октябре животные достигают повышенной упитанности и имеют шкуру хорошего качества. Так, если шкуры оленей, забитых до 15 октября, практически не поражены личинками подкожного овода, то к началу зимы степень

³ В качестве стационарного жилья в тундре рекомендуется на весенне-осенних и зимних пастбищах один производственный комплекс с тремя функциональными секторами (жилищным, культурно-бытовым и производственным) для двух-трех бригад, два домика – на одну оленеводческую бригаду.

пораженности достигает 100%. Забой оленей в раннеосенний период потребует обеспечения оленеводческих хозяйств совершенной холодильной техникой.

Дальнейшее развитие оленеводства в Республике Коми потребует от регионального правительства активной поддержки. Необходимо

- инициировать принятие федерального закона «Об оленеводстве в Российской Федерации»;
- расширить республиканскую целевую программу «Развитие оленеводства в Республике Коми», включив в нее мероприятия по поддержке создания лесного оленеводства;
- передать лесные пастбища в долгосрочную аренду оленеводческим хозяйствам;
- стимулировать создание базы по переработке продукции оленеводства совместно с другими оленеводческими регионами;
- поддержать структуры, желающие организовать туризм, связанный с оленеводством;
- создать специализированное структурное подразделение по тушению пожаров в северных лесах, освободив от этих обязанностей оленеводческие хозяйства;
- ввести ежемесячную доплату для зооветеринарных специалистов, работающих непосредственно в оленеводстве.

Литература

1. **Востряков П.Н.** Зарубежный опыт северного оленеводства // Повышение продуктивности северного оленеводства. – М.: Колос, 1975. – С. 76–91.
2. **Дьяченко Н.О., Мухачев А.Д., Аршавский С.А.** Методические рекомендации по изгородному содержанию оленей. – Норильск, 1974. – 31 с.
3. **Иванова Г.В., Машистова А.В., Гаврилова П.А.** Изгороди на оленьих пастбищах Мурманской оленеводческой опытной станции // Сборник научных работ Мурманской оленеводческой опытной станции. – Мурманск, 1973. – Вып. 2. – С. 97–103.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.01.2014 г.

© Иванов В.А., 2014

УДК 338.2

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 52–66

МИФЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СИБИРСКИЙ «СЕПАРАТИЗМ»

В.В. Шмат

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках
приоритетного направления IX.88 (проект IX.88.1.2)*

Аннотация

Федеральный центр пытается выстроить взаимоотношения с регионами в рамках властной вертикали. Политика центра и монополизированного российского бизнеса ведет к реальному сужению компетенций и уменьшению финансовой базы саморазвития регионов, ставит под сомнение основополагающие принципы федерализма. Более всего это бьет по интересам регионов Сибири и Дальнего Востока, но в итоге противоречит общенациональным интересам России. Вероятно, центр обеспокоен мнимой угрозой «сибирского сепаратизма», имеющей давнюю историю. Но сегодня для сохранения восточных территорий в составе России требуется прежде всего не административный ресурс, а реальная экономическая интеграция и «реиндустриализация» Сибири. Только экономически сильная Сибирь способна «приращивать могущество России».

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, регион, социально-экономическое развитие, сепаратизм, областничество, федерализм, интеграция

Abstract

The paper states the fact that the Federal Center is attempting to frame bonds with regions into vertical power structure. The bureaucratic politics model and the monopolized Russian business lead to actual limitation of competence and reduction of the financial base of regional self-development, as well as cast doubt on the fundamental principles of federalism. First and foremost, this situation infringes upon interests of Siberia and Far East, but in the end it contradicts with nationwide Russian ones. The Center may be concerned with a fictitious threat of «Siberian separatism» which has a long history. Still, nowadays, for Russia to retain eastern territories it does not need an administrative resource but an actual economic integration and reindustrialization of Siberia. It is only economically developed Siberia that is able to «increase Russia's might».

Keywords: Siberia, Far East, region, socio-economic development, separatism, regional separatism, federalism, integration

Федеральный центр и российский бизнес сходятся в своем неприятии сильных регионов, способных оказывать существенное влияние на процессы социально-экономического развития страны и реально участвовать в регулировании ключевых отраслей экономики. При этом оба главных игрока заинтересованы во взаимной конкуренции регионов. До определенной степени такая конкуренция объективно необходима, поскольку создает мотивации для эффективного регионального развития, а в итоге работает на благо страны. Но чтобы плюсы конкурентного федерализма (децентрализма) превалировали над минусами, которые присущи любой из моделей взаимодействия между центром и регионами, нужны как минимум два условия. С одной стороны, требуется сильное координирующее начало, но не в формате административно-властной вертикали и «державного перста», указующего, кому и что делать, а как действительные (не просто декларативные) общие цели развития, общие рамки и правила «игры», формируемые под стратегическим руководством федерального центра. С другой стороны, регионы должны иметь определенную самостоятельность и самодостаточность (прежде всего в финансовом отношении), чтобы полноценно решать задачи своего социально-экономического развития без постоянных оглядок на центр и не менее посто-

янных просьб о помощи. Прямая поддержка центра должна предоставляться только тем регионам, которые в ней объективно нуждаются. Если не будет выполнено первое условие, то межрегиональная конкуренция грозит превратиться в вакханалию; если не будет соблюдаться второе – конкуренция регионов станет больше похожа не на соперничество между серьезными и основательными хозяевами, а на ссору между обманутыми вкладчиками перед закрытыми дверями банка. Парадокс же состоит в том, что при отсутствии любого из условий складываются предпосылки для недовольства и усиления конфликтности во взаимоотношениях центра и регионов, т.е. предпосылки, в конечном счете создающие «питательную почву» для регионального сепаратизма.

Процессы, происходящие в последние годы, например, в крупнейших нефтегазовых регионах страны, невольно наталкивают на мысль, что федеральный центр опасается региональной самодостаточности, связывая ее с возможной утратой контроля за ситуацией в регионах. И вполне естественно, что на «особом счету» находятся субъекты Федерации, оказывающие значительное влияние на общенациональные экономические процессы и формирование доходной части федерального бюджета.

Задачи по усилению контроля над регионами центр решает в традиционной для себя манере с помощью административно-бюрократических подходов, связанных с выстраиванием властной вертикали. В качестве первого шага на этом пути можно назвать образование в 2000 г. федеральных округов, каждый из которых охватил один из макрорегионов страны, и учреждение института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе¹. Таким образом произошла концентрация функций по контролю и проведению федеральной политики в рамках иерархически организованной структуры (уследить за каждым субъектом Федерации из Москвы и вправду было нелегко). К тому же в социально-экономическом развитии взаимодействующих регионов должно присутствовать интегрирующее начало. В 1990-х годах та-

¹ Федеральные округа созданы Указом Президента РФ [1]. Однако в соответствии с Конституцией РФ федеральные округа не являются частью административно-территориального деления страны.

кую роль играли межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, созданные по инициативе «снизу», т.е. со стороны самих регионов. Но по мере успешного решения экономических проблем межрегиональные ассоциации стали набирать определенный политический вес и приобретать лоббистскую мощь, что не вписывалось в «картину российского мироздания» по замыслу федерального центра. Учредив федеральные округа и институт президентского представительства, центр оттеснил межрегиональные ассоциации на второй план, что хорошо видно на примере «Сибирского соглашения» (см., в частности, работы [2, 3]), и тем самым перехватил у регионов инициативу в решении интеграционных задач. Правда, межрегиональные ассоциации приобрели несколько иную, нежели прежде, окраску и стали в значительной степени фокусироваться на межрегиональной интеграции в следовании курсу федеральной региональной политики.

Следующим действием, направленным на реальное встраивание регионов в вертикаль власти, стало частичное административно-территориальное переустройство России с укрупнением ряда субъектов Федерации и, соответственно, с сокращением количества субъектов. Целесообразность переустройства мотивировалась в основном тем, что у нас было неимоверно много субъектов Федерации – 89. Такого количества административно-территориальных единиц нет ни в одной стране мира с федеративным государственным устройством. Согласно общеизвестным постулатам теории управления, количество «единиц управления» должно колебаться между пятью и девятью, ибо в противном случае управленческие решения становятся неоптимальными. В одном из аналитических вестников Совета Федерации можно даже найти сетования по поводу того, «какой управленческий дисбаланс испытывает российский федерализм ввиду десятикратного превышения оптимального количества субъектов Федерации» [4]. Другим аргументом послужило чрезвычайное разнообразие регионов не только по площади территории, численности населения, уровню экономического и социального развития, но и по формам представительства в Совете Федерации.

Особые нарекания у идеологов переустройства вызывали так называемые «сложнопостроенные», или «матрешечные», территории – края

и области, в состав которых входили автономные округа со статусом субъекта Федерации, что создавало определенные сложности во взаимоотношениях. В реальной юрисдикции краевых и областных властей оказывались только районы, не относящиеся к автономиям (во многом это положение сохраняется и сегодня). По иронии судьбы, именно северные автономные округа оказались наиболее богаты разнообразными природными ресурсами. Поэтому консолидация «матрешечных» субъектов Федерации естественным образом сопрягалась с изменением структуры очень значимых регуляторных компетенций и направлений финансовых потоков. Объединительный процесс 2003–2008 гг. в целом протекал довольно непросто, несмотря на активную поддержку со стороны федерального центра, кровно заинтересованного в усилении влияния на регионы. Самой большой победой центра, безусловно, является воссоединение территорий Красноярского края с преобразованием его в единый субъект Федерации². Однако в автономных округах Севера, где сосредоточены основные нефтегазовые ресурсы, попытки объединения под эгидой областных столиц, утративших былой авторитет, встретили сопротивление, так что центр был вынужден отступить и отказаться от «лобовых атак» на самодостаточность территорий. Но в результате административных и бюджетно-налоговых реформ нефтегазовые автономии лишились основных регуляторных компетенций и прежней финансовой независимости от центра (см., например, работу [5]), а политические преобразования – переход к назначению губернаторов вместо всеобщих выборов и замена мажоритарной избирательной системы на пропорциональную при выборах в представительные органы власти – довершили начатое дело. Самодостаточность нефтегазовых автономных округов осталась в прошлом.

Но почему в понимании центра сила Федерации ассоциируется со слабостью ее субъектов? Складывается впечатление, что в самодостаточности регионов центр видит угрозу общенациональным интересам и государственно-территориальной целостности страны. Сказанное относится прежде всего к большим сибирским регионам, которые располагают значительными (или даже уникальными) ресурсами «высо-

² Всего было пять прецедентов объединения территорий, в результате чего количество субъектов Федерации сократилось до 83.

коликвидных» полезных ископаемых и потому играют чрезвычайно важную роль в национальной экономике. Центр боится потерять контроль над этими территориями? Тогда возникает еще один вопрос: на чем могут основываться страхи относительно сибирского «сепаратизма»? На теоретических изысканиях некоторых современных зарубежных историков? Например, Д. Ливен полагает, что если бы сибиряки в период распада СССР получили свободу и представительные местные институты, вокруг которых фокусировался бы региональный патриотизм, то они смогли бы выработать самостоятельную идентичность, а со временем, подобно Австралии или Канаде, перерасти в независимое государство-нацию. По мнению Ливена, новой России после падения СССР удалось остаться великой державой лишь благодаря тому, что она вобрала в себя «жемчужину имперской короны» – Сибирь [6].

Или эти страхи основаны на исторической памяти? Она подсказывает, что между центром и Сибирью начиная со времен покорения Ермаком и до наших дней всегда существовали определенные противоречия. Но такие противоречия сами по себе суть нормальное явление, и они движут процесс развития многонациональной страны, объединяющей в своих границах множество территорий с разнообразными характеристиками. Проблема заключается не в наличии противоречий, а в их масштабе и глубине, а также в том, существуют ли действенные институты и механизмы для справедливого и обоюдовыгодного разрешения противоречий между центром и регионами. Если нет адекватных средств для разрешения противоречий, то они могут приобретать антагонистический характер и выливаться в более или менее активные попытки сепаратизма со стороны регионов.

По трудам российских историков можно сделать вывод, что в истории взаимоотношений между центром и Сибирью реальные серьезные проявления сепаратизма имели место крайне редко и либо были связаны с неадекватной деятельностью крупных чиновников, назначенных самим же центром, либо активизировались в периоды острых общенациональных политических потрясений, которые делили всю страну на враждующие лагеря. Так, родоначальником сибирского сепаратизма считается первый губернатор Сибири князь Матвей Гагарин, повешенный в 1721 г. по приказу Петра I как взяточник и разоритель народа. В то время другие вельможные чиновники тоже крали, однако их не вешали. Существует версия, что ис-

тинной причиной казни первого сибирского губернатора стало его намерение сделаться в Сибири независимым от России правителем, каковые слухи дошли до царя [7]. Другой пример: 16 октября 1917 г. делегаты I Сибирского областного съезда приняли постановление «Областное устройство Сибири», определявшее статус Сибири в составе Российского государства, основные принципы функционирования автономии, структуру ее органов управления, их компетенцию и порядок формирования. Признавая единство Российской республики, документ предусматривал для ее частей национальную или территориальную автономию. Заявлялось, что Сибирь имеет право на автономию и в пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь кабинет министров и всенародно избранную Сибирскую областную думу. В 1918 г. некоторые сторонники автономии приняли участие в подготовке антибольшевистского восстания и вошли во временное Сибирское правительство, в дальнейшем сотрудничали с А.В. Колчаком, а после его поражения и окончательного установления Советской власти в Сибири эмигрировали за границу. Находясь в эмиграции, видные сторонники областничества продолжили разработку концепции территориальной самостоятельности Сибири уже с учетом опыта советского строительства. Причем во всех разработках отвергался сепаратизм [8].

В сущности, говоря о сибирском «сепаратизме», просто нельзя не употреблять кавычек по причине отсутствия какого-либо сепаратизма в действительности. Известные примеры сибирского «сепаратизма» в современной российской истории следует воспринимать скорее как историко-политические казусы, обусловленные «детской болезнью» демократии, нежели как реальные проявления сепаратизма [9]. Да и пришлось они в основном на начало 1990-х годов – период «парада суверенитетов», в значительной степени спровоцированного политикой федеральных властей, проводившейся под лозунгом «берите суверенитета столько, сколько сможете». Если можно национальным автономиям, то почему нельзя Сибири? Откровенно экстремистские взгляды типа «Сибирь для сибиряков» и «хватит кормить Москву» по сути своей являются столь же сепаратистскими, как и великодержавные «Россия для русских» и «хватит кормить Кавказ». В многонациональной и многорегиональной России любые проявления экстремиз-

ма автоматически становятся и сепаратистскими, объективно разрушающими единство страны и государства, поскольку вносят раскол в общество, который захватывает не только социальный, но и территориальный срез взаимоотношений.

Ни сейчас, ни в прошлом сибиряки никогда не разыгрывали «национальную карту» и не использовали в качестве идейной основы националистические мотивы – в отличие от многих реальных движений за независимость в разных странах мира. Например, идеологи сибирского областничества, которому власти ставили в вину «сепаратизм», выступали в защиту не одной какой-нибудь национальной группы, а всего населения Сибири, отстаивали интересы территории, а не нации.

Вот как отзывался о мнимом сибирском «сепаратизме», пугавшем имперских чиновников и публицистов, известный русский писатель С.Я. Елпатьевский: «Были глупые разговоры “Московских ведомостей” о сибирском сепаратизме, но областничество было уже всеобщим сознанием Сибири. И всегдашним требованием от центральной власти было признание этого областничества, своих специальных нужд и прежде всего – права самим устраивать свою жизнь... Трудно учесть пределы и характер будущей эволюции Сибири, но, нужно думать, основные черты сибирского лица останутся те же...» [10, с. 60]. Мнение С.Я. Елпатьевского фактически разделял Ф. Нансен, совершивший в 1913 г. большое путешествие по Сибири и весьма скептически оценивавший возможности реализации сибирского «сепаратизма». Он полагал, что сибиряки никогда не забудут того, что они «русские», и будут всегда противопоставлять себя «азиатским народностям». Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи якобы вытягивали лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. По мнению Нансена, Сибирь представляла собой «естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян» [11].

Боязнь сепаратизма, в особенности мнимого, является характерной чертой имперской или колониальной политики, проводимой в хозяйственном или политическом отношении, что, в сущности, безразлично. И если федеральный центр сегодня на самом деле опасается сибирского «сепаратизма», значит, поиск путей для выстраивания сбалансированных отношений с регионами на принципах федерализ-

ма, а не субординации «начальника» и «подчиненного» слишком затянулся либо идет в неверном направлении. Стремление центра к победе над «призраком» сибирского «сепаратизма» в действительности равнозначно стремлению к победе бюрократического подхода к управлению над идеями разумной региональной автономизации, которые поддерживались всеми серьезными общественно-политическими силами Сибири начиная с середины XIX в., т.е. со времени зарождения сибирского областничества.

Одной из характерных примет нашего времени является то, что в предвыборных платформах политических партий, участвовавших в последних думских выборах и прошедших в Государственную думу РФ шестого созыва, практически не нашлось места вопросам, связанным с развитием федеративных отношений, с взаимоотношениями между центром и регионами, с реализацией объективных интересов регионов. Только в программном обращении Всероссийской политической партии «Единая Россия» в самом общем виде отражена позиция на этот счет: «Мы предоставим российским регионам и муниципалитетам больше полномочий и финансовых ресурсов, но и ответственность власти на местах будет выше... Намерены всеми силами поддержать самостоятельность, добровольчество, самоорганизацию, социальную активность и ответственность общественных структур и бизнеса в региональной и муниципальной жизни» [12]. В таком же лозунговом духе высказано отношение к вопросам федерализма в программе «Единой России» на президентских выборах: «Регионы должны иметь мощные стимулы для самостоятельного развития. Оставляя больше налогов в своем бюджете, они получают основу для роста экономики, новые возможности для улучшения жизни людей» [13].

В предвыборной программе В.В. Путина, которая была изложена в серии публикаций в начале 2012 г., в первых строках тезисов «О российском федерализме» речь идет об успешном преодолении «как открытого, так и латентного, “ползучего” сепаратизма, сращивания региональной власти с криминалом, националистическими группами». И лишь затем говорится о том, что «Центр должен уметь отдавать и перераспределять полномочия. И не только полномочия, но и источники финансирования местных и региональных бюджетов. Однако

при этом нельзя потерять управляемость страной. Нельзя “разбрасываться” государственной силой» [14]. То есть все-таки сделана весьма серьезная оговорка, которая означает, что «управляемость страной» ассоциируется исключительно с функциями центра. Помимо этого невольно возникает вопрос: что имеется в виду под «преодолением сепаратизма»? Искоренение проявлений сепаратизма и подавление сепаратистских политических сил и группировок? Если речь идет об этом, тогда, наверное, все так и есть. Но как быть с объективными противоречиями, существующими в федеративном государстве, которые при неадекватных способах разрешения создают и постоянно воспроизводят базу для возникновения и усиления сепаратистских настроений в разных регионах страны? Даже в Подмосковье, прямо «под боком» федеральных властей³.

Политика центра в последние годы была направлена скорее на то, чтобы «загнать вглубь» эти противоречия, нежели на то, чтобы найти способы разрешения, обоюдовыгодные для Федерации и регионов. В резюмирующем тезисе предвыборной программы В.В. Путина, отражающем фундаментальный взгляд на проблему, утверждается, что «многовековой опыт совместного исторического творчества разных народов в одном, едином Российском государстве... со всей очевидностью говорит и о том, что стране необходим сильный, дееспособный, пользующийся уважением федеральный Центр – ключевой политический стабилизатор баланса межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношений. При этом наша историческая задача – в полной мере раскрыть потенциал российского федерализма, создать стимулы для деятельного, активного развития всех регионов страны» [14]. Центр снова оказывается на первом месте, а регионы – на втором. К тому же наш «многовековой исторический опыт» и по своей сущ-

³ По словам одного из лидеров движения за автономию домodedовцев, инициатива создания Русской Демократической Республики продиктована тем, что жители Домodedово оказались «в один миг гостями на собственной земле, где криминал, олигархи и коррумпированная власть установили свои преступные порядки, обложив местных жителей данью за проезд, пользование водой, взимая плату за сбор грибов и ягод в лесу, подвергая рейдерским захватам любую собственность в Домodedово» [15].

ности, и по форме является опытом имперского правления с его специфическими методами и с идеологией, основанной на «первичности» интересов центра как силы, олицетворяющей интересы и мощь всего государства, всей страны. Причем своей неуклюжей, а порою умышленной (по принципу «разделяй и властвуй») политикой имперский центр сам не единожды создавал противоречия и разжигал конфликты в межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношениях. Насколько уместно такое позиционирование центра в условиях построения федеративного государства и системы федеративных отношений? Этот вопрос остается без ответа.

Едва ли не во всех современных политических программах и платформах гораздо больше, чем проблеме федерализма, уделяется внимания вопросам развития местного самоуправления, которое отнюдь не равнозначно самоуправлению субъектов Федерации. Крайне значимая по своей сути проблема местного или муниципального самоуправления существует практически во всех странах, совершенно независимо от их административно-территориального устройства. Россия в этом смысле не представляет исключения, и нам нужно активно развивать местное самоуправление, находящееся в почти запущенном состоянии. Но акцентировать внимание на этой проблеме на фоне проблем федерализма представляется не вполне правомерным, как будто современная Россия – это не федеративное государство и в сфере федеративных отношений у нас нет никаких сложностей и противоречий. По большому счету, мы вряд ли сможем всерьез продвинуться в развитии местного самоуправления до тех пор, пока адекватным образом не решим проблемы в области федерализма.

Среди политических программ, получивших широкую известность в ходе двух последних избирательных кампаний, попытки найти предметные подходы к решению проблемы федеративных отношений просматриваются, пожалуй, только в программе М. Прохорова, который видит «будущее России в планомерном отказе от пресловутой вертикали власти, в создании подлинно федеративного государства, субъекты Федерации которого обладают широкими правами и сближают уровень своего экономического развития, сохраняя при этом историческое и культурное своеобразие», и считает «жизненно необходимым созда-

ние стимулирующей развитие регионов бюджетной системы и максимальное использование инициатив регионального бизнеса» [16]. Такова общая формулировка программной идеи, которая раскрывается в ряде конкретных предложений и во многом перекликается с областническими взглядами на проблему автономии Сибири.

Но все же общий нынешний политический фон навеивает чувство, что «кошмар» отделения Сибири от России не забыт и продолжает оставаться заметным фактором в политике взаимоотношений центра и сибирских регионов – словно столетие назад, когда имперский центр жил опасениями, что Сибирь, по примеру колоний западно-европейских стран, отделится и образует независимое государство. Между тем, как справедливо полагают современные историки, «осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичной власти, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и всеобщего недовольства, на которой и произрастал сибирский сепаратизм. Но это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Сибири» [17]. Не переросло во времена империи, не перерастет и сейчас, если бюрократическая политика центра не будет играть роль фактора, провоцирующего «раздражение» и «всеобщее недовольство».

М.В. Ломоносов предрекал, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном», имея в виду под Сибирью весь огромный край России, простирающийся к востоку от Урала до берегов Тихого океана. Пророчество великого русского ученого по-настоящему начало сбываться лишь в XX в., когда Сибирь укрепила могущество страны Кузбассом и Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом, каскадами ГЭС на Енисее и Ангаре, алмазными копями Якутии, золотыми приисками Магадана, металлургическими комбинатами и машиностроительными заводами. Казалось, ничто не сможет помешать дальнейшему развитию этого процесса, но распад СССР, внутренние институционально-экономические трансформации и внешние кризисные воздействия стали серьезными факторами торможения, а в ряде случаев – отступления назад. Поэтому Сибири сегодня требуются «новые смыслы». Мы полностью солидарны с точ-

кой зрения, что Сибири нужна новая идеология развития, в основе которой «многопрофильная и развитая местная экономика, современная инфраструктура и уверенные в своем будущем сибиряки» [18]. Нужны новая индустриализация и новая интеграция. Эта идеология должна опираться на иной формат отношений с центром, нежели сегодня: «Будущее лежит под ногами, а не в Москве – важно перестать постоянно оглядываться на столицу и активнее искать точки роста у себя под носом... Центру же пора перестать относиться к Сибири как к некоему придатку, в котором сосредоточены природные ресурсы и гиганты индустрии. Сибирь в федеральной политике должна стать не объектом, а субъектом, который в рамках общих для всей страны задач самостоятельно определяет проекты и программы своего развития, вписывая их в глобальный контекст. Только так можно поддерживать долгосрочный ресурс развития Сибири – активное и патриотичное население, способное сохранять и преобразовать территорию» [18].

Особое внимание должно быть обращено на развитие горизонтальных межрегиональных связей внутри Сибири, которую необходимо быстро и эффективно «связать» воедино. Материальная основа интеграции, или, точнее говоря, реинтеграции, должна быть создана путем модернизации транспортной инфраструктуры или даже возрождения некоторых ее составных частей, которые пришли в упадок в 1990–2000-х годах, и реиндустриализации, восстановления промышленного потенциала в обновленном качестве, что просто невозможно без тесной кооперации и рационального разделения труда между регионами. Организационно-экономическая предпосылка видится во взаимоувязке, координации стратегий и планов развития соседних регионов. К сожалению, сегодня региональные стратегии (по образу и подобию корпоративных) больше фокусируются на выявлении и использовании собственных конкурентных преимуществ тех или иных регионов, нежели на интеграционных аспектах развития. Конечно, межрегиональная конкуренция необходима и без нее не обойтись, но важно не «перегнуть палку» и не забывать, что кооперация регионов во многих случаях оказывается гораздо более продуктивной, чем взаимная конкуренция. Федеральный центр как общенациональная координирующая сила не уделяет должного внимания вопросам интегра-

ции и межрегиональной кооперации в социально-экономическом развитии Сибири. Значит, должна активизироваться инициатива «снизу», благо что существуют Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» и Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, которые могут и обязаны взять на себя многие координирующие функции, заполнив существующие «пробелы». Тогда можно будет всерьез говорить о практической реализации «новых смыслов» для Сибири, включая все ее нефтегазодобывающие территории. Последнее же получают шанс избежать «жертвенной участи» в «шахматном поединке» между государством и крупным нефтегазовым бизнесом, который зашел в цугцванг, усиливающий стремление «игроков» к дальнейшим «жертвоприношениям». А какова при этом должна быть действительная роль федерального центра? Центр нашего государства не просто должен, но обязан сосредоточиться на решении задач по скорейшему и резкому усилению реинтеграции экономики Сибири и Дальнего Востока в национальную экономику России и тем самым противостоять реальным угрозам дезинтеграции страны с печальной перспективой утраты восточных территорий, а не мнимой угрозе сибирского «сепаратизма».

Литература

1. **Указ** Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
2. **МАСС** теряет в весе // Континент Сибирь. – 2002. – № 40. – URL: <http://www.ksonline.ru/nomer/ks/-/sec/archive/year/2002/month/11/jid/267/> (дата обращения 13.02.2014).
3. **Селиверстов В., Афанаскин Ю.** Три пятилетки «Сибирского соглашения» // Эксперт-Сибирь. – 2005. – № 36. – URL: <http://expert.ru/siberia/2005/36/> (дата обращения 13.02.2014).
4. **Некоторые** аспекты дискуссии о совершенствовании субъектного состава Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2002. – № 17 (173). – URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25583 (дата обращения 13.02.2014).
5. **Токарев А.Н.** Региональная дифференциация налогообложения в нефтяной отрасли России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 73–90.

6. **Lieven D.** Russia as empire: a comparative perspective // Reinterpreting Russia / Ed. by G. Hosking and R. Service. – L.: Hodder Education Publishers, 1999. – 240 p.
7. **Киселев Л.** Сибирский сепаратизм и его роковая судьба. – URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620> (дата обращения 13.02.2014).
8. **Шиловский М.В.** Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков: Мат. науч.-теор. семинара / Отв. ред. Л.М. Дамешек. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2003. – С. 5–21. – URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/> (дата обращения 13.02.2014).
9. **Пятиминутный** путеводитель по... сибирскому сепаратизму // Esquire-Россия. – 2011. – Вып. 71. – URL: <http://esquire.ru/5-min-siberia> (дата обращения 13.02.2014).
10. **Былое:** неизданные номера журнала: В 2 кн. / Сост. Ф.М. Лурье. – Л.: Лениниздат, 1991. – Кн. 1. – 175 с.
11. **Нансен Ф.** В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Петроград: Изд. К.И. Ксидо, 1915. – URL: http://www.emaproject.com/lib_about.html?id=pb00002353 (дата обращения 13.02.2014).
12. **Предвыборная** программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. – URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения 13.02.2014).
13. **Предвыборная** программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). – URL: http://er.ru/party/presidential_election/ (дата обращения 13.02.2014).
14. **Демократия** и качество государства: Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Коммерсантъ. – 2012. – 6 февр.
15. **Жители** Домодедово объявили о создании республики, хотят интегрироваться в Евросоюз. – URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/10/01/n_2551605.shtml (дата обращения 13.02.2014).
16. **Михаил** Прохоров: настоящее будущее: Программа кандидата в президенты. – URL: <http://mdp2012.ru/program/federation.html> (дата обращения 13.02.2014).
17. **Ремнев А.** Призрак сепаратизма. – URL: <http://www.istrodina.com/rodina.php3?year=2000&num=05&sp=1> (дата обращения 13.02.2014).
18. **Козьмин А., Попов А.** Нужны новые смыслы // Эксперт-Сибирь. – 2011. – № 35. – URL: <http://expert.ru/siberia/2011/35/> (дата обращения: 13.02.2014).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.02.2014 г.

УДК 303.4.02
ББК 66.05.я 73

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 67–80

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ЦЕЛЕВОГО ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Л.С. Шеховцева

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

*Исследование выполнено в рамках бюджетной тематики БФУ
им. И. Канта*

Аннотация

Выявлены особенности, структура и типы измерителей уровня экономического развития региона. Установлено, что в экономической теории и практике ограниченность показателей экономического роста преодолевается при переходе к измерению уровня экономического развития. Разработаны основы научной концепции измерения уровня экономического развития региона с использованием субъектно-функционального, системного, организационного и стратегического подходов. Методология измерения уровня экономического развития рассматривается на примере интегральной оценки конкурентоспособности региона. Раскрываются возможности рейтингового, временного и структурного анализа.

Ключевые слова: уровень развития региона, экономические измерения, экономический рост и развитие, концепция, конкурентоспособность региона

Abstract

The paper defines features, structure and types of instruments measuring regional economic development. We establish that in the economic theory and practice limitation of indicators of economic growth is overcome at transition to measurement of level of economic development. We develop a concept to measure the level of economic development of a region on the basis of subject-functional, systematic, organizational and strategic approaches. The article describes the methodology of how to measure regional development level through the example of an integrated estimation of competitiveness of a region. We discuss possibilities of rating, time and structural analyses.

Keywords: regional development level, economic measurements, economic growth and development, concept, competitiveness of a region

В условиях нарастания неопределенности и динамичности современного глобализирующегося мира проблема измерения уровня развития экономики становится все более сложной и многогранной. Это связано с резким изменением самих экономических систем и условий их функционирования, а также со спецификой экономических измерений.

Общее определение категории измерений в экономике дано в Большом энциклопедическом словаре. Там же указаны фундаментальные функции экономической системы. «Измерение – совокупность действий, выполняемых при помощи средств измерений с целью нахождения числового значения измеряемой величины в принятых единицах измерения. Различают прямые измерения (например, измерения длины проградуированной линейкой) и косвенные измерения, основанные на известной зависимости между искомой величиной и непосредственно измеряемыми величинами» [1, с. 437]. Фундаментальные функции экономической системы заключаются в производстве, обмене, распределении и потреблении материальных и нематериальных благ с помощью оборота и прироста капиталов, знаний, информации, технологий.

Первая особенность экономических измерений (в отличие, например, от физических) заключается в наличии разных систем измерений и измерителей: натуральных, стоимостных, гибридных. Если в первой группе измерителей могут быть получены непосредствен-

ные результаты при помощи средств, отградуированных на базе эталонов (например, в тоннах, километрах), то второй тип измерителей не имеет эталонов и позволяет определить косвенные результаты в денежных единицах (например, валовой региональный продукт). В настоящее время получает все большее распространение третий тип гибридных измерителей, интегрирующих натуральные и стоимостные индексы, – таков, например, индекс человеческого развития. Сопоставимость подобных индикаторов обеспечивается путем исчисления специальных индексов или нормированных показателей.

Вторая особенность экономических измерений состоит в применении для определения стоимостных показателей денежных единиц, которые не имеют эталонов и изменяются в зависимости от многих факторов. В результате изменчивостью отличаются (при прочих равных условиях) как предмет измерения (например, экономический рост), так и измеритель (ВРП), а также денежные единицы (покупательная способность рубля, курс по отношению к другим валютам).

Третьей особенностью экономических измерений является их многофункциональность, сложность, многоуровневость, что предопределяет необходимость разработки специальных методик измерения, включая состав показателей и способы их определения. В связи с этим возникает **четвертая особенность**: для части экономических измерителей, статистически наблюдаемой, имеются установленные на уровне международных или национальных организаций методики и показатели, например ВВП, ВРП, индекс человеческого развития и др. Назовем их установленными измерителями. Другая часть измерителей определяется экспертами, – это, например, качество жизни, конкурентоспособность региона. Методика выбора состава и расчета таких показателей устанавливается экспертами в зависимости от объекта, субъекта и задач измерения и требует разработки концепции измерения. Назовем эти показатели оценочными.

Если взять за основу системную концепцию Г.Б. Клейнера [2, 3], то в качестве **пятой особенности** экономических измерений следует отметить дискретность измерения экономических объектов в непрерывном процессе развития. Все системные экономические объекты (регион, фирма) непрерывно изменяются во времени. Поэтому изме-

рение состояния и уровня развития экономических систем осуществляется за определенный период времени.

Структура процесса экономического измерения включает выбор объекта измерения (что измеряется), субъекта измерения (кто измеряет или для кого измеряют), задач измерения (цели, предметы, показатели, методы, модели, методики).

Объектами экономического измерения могут быть народное хозяйство, региональная экономика, экономика предприятия (фирмы, корпорации). Если рассматривать государственно-территориальное устройство, здесь можно выделить федерацию, субъекты федерации, муниципальные образования и отдельные поселения. С точки зрения системного подхода складывается следующая иерархия: макросистема (экономика страны как система регионов или секторов народного хозяйства), мезосистемы (регионы, сетевые хозяйственные структуры, кластеры, муниципальные образования), микросистемы (корпорации, компании, фирмы, поселения).

Субъектами измерения могут быть органы управления, органы статистики, валютно-финансовые, предпринимательские, общественные, научные организации, экспертные сообщества и отдельные эксперты.

Содержание задач измерения тесно связано с принятием управленческих решений и определяется целями этих решений (например, разработка стратегий и программ развития регионов). С целями тесно коррелируют предметы (например, экономический рост), измерители (например, ВРП), методы и модели измерения.

ХАРАКТЕРИСТИКИ КАТЕГОРИЙ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ» И «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ» В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Одной из важнейших характеристик общественного производства в экономических системах считается экономический рост как количественное и качественное совершенствование общественного продукта во времени. В качестве измерителей используются макроэкономические показатели (ВНП, ВВП, ВРП), темпы прироста этих показателей за определенный период времени, а также душевые показатели.

Зарубежные и отечественные ученые единодушны в оценках недостатков измерения экономического роста на основе только ВВП или ВРП и считают необходимым учитывать социальные, экологические, институциональные и другие факторы развития. В результате эволюции экономической науки сложилось более широкое понимание экономического развития, охватывающее перечисленные факторы (см., например, работу [4]).

Термин «экономическое развитие» основывается на более общем понятии «развитие». В словаре С.И. Ожегова развитие трактуется как «процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему» [5, с. 572]. В социальных науках развитие связывается прежде всего с изменениями в экономике, т.е. с экономическим развитием.

Понятие «экономическое развитие» – многоплановое, его содержание со временем изменяется. В современной трактовке оно отражает не только состояние и темпы роста экономики, но и социальные характеристики (качество жизни, репродуктивное поведение населения, социальную активность людей и др.), т.е. является социально-экономическим понятием.

М. Тодаро рассматривает экономическое развитие «как многоплановый процесс, ведущий к радикальным изменениям в социальных структурах, поведении людей, общественных институтах, а также к ускорению экономического роста, сокращению неравенства и искоренению безработицы» [6, с. 30]. Он обобщил подходы западных ученых и сформулировал три главные ценности развития: это обеспечение элементарных условий существования, самоуважение и свобода.

Таким образом, концептуальную основу понятия «развитие» составляют три компонента, отражающих целевые установки для государственного управления, для руководства к действию. Первая цель связана с повышением доходов на душу населения, с обеспечением работой, питанием, жильем, здравоохранением, образованием, здоровой природной средой и другими условиями жизнедеятельности людей, а также с сокращением неравенства. Вторая цель – это создание условий для обеспечения самоуважения личности, ее полезности и самореализации.

Третья цель основана на свободе личности при господстве закона, на умении противостоять внешним неблагоприятным воздействиям, на расширении возможности выбора, участия в жизни общества.

Таким образом, в соответствии с современной экономической теорией развитие – это процесс улучшения качества жизни всего населения, который включает три важнейшие составляющие: 1) повышение за счет экономического роста доходов людей, увеличение потребления продовольствия, повышение уровней образования, медицинского обслуживания и т.п.; 2) создание условий, способствующих росту самоуважения людей в результате формирования социальной, политической, экономической и институциональной систем; 3) укрепление свободы людей путем расширения возможности выбора в экономике и социально-политической сфере, с тем чтобы ослабить их подчиненность и зависимость от других людей и стран, защитить от страданий и невежества.

КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Особую сложность экономические измерения представляют на уровне региона, занимающего срединное положение в иерархии экономических систем и воспринимающего поэтому черты надсистемы (макросистемы), собственной системы (мезосистемы), подсистем (микросистем). Это свойство региональной системы обосновано во многих работах российских ученых-регионалистов (см., например, [7–10]).

Современная региональная экономика как наука о функционировании и развитии сложных социо-эколого-экономических систем мезоуровня интегрирует в себе основы разных наук: экономических, управленческих, социологических и др. Понимание измерения в региональной экономике отражает многоуровневый, многоплановый, многовекторный характер этого процесса, который осуществляется во внеэкономических и экономических плоскостях. Пространство регионального измерения может быть многомерным и одномерным, целевым (управленческим, характеризующим степень достижения целей) и мониторинговым (текущим), стратегическим и тактическим, экономическим, социальным, экологическим и др. Оно может быть представлено также в нескольких плоскостях, может иметь разные векто-

ры. В настоящей статье сделан акцент на целевом измерении регионального развития, для оценки уровня и степени развития используются макроэкономические показатели, устанавливаемые органами государственной статистики. Целевое измерение уровня экономического развития региона – определение целей и степени их достижения с применением показателей, индикаторов, рейтингов в стратегическом управлении (при разработке стратегий региона, мониторинге уровней развития, оценке конкурентоспособности и решении других задач).

Обоснование концепции измерения регионального развития требует рассмотрения экономической природы региона как субъекта развития, что предполагает применение субъектно-функционального, системного, организационного и стратегического подходов. **Субъектно-функциональный анализ** позволяет определить функции региона как государственно-территориального образования. Они направлены на реализацию текущих и стратегических целей, вытекающих из базовых потребностей субъектов-целеносителей: населения, делового сообщества, органов управления. Отсюда вытекает важный принцип измерения – учет целей основных субъектов региона.

Системный подход к региону позволяет выделить его подсистемы, исследовать их связи внутри региона и с внешней средой (рис. 1). Регион имеет внутреннюю среду (структуру) и внешнюю среду (структуру). Внутренняя структура региона на рис. 1 обозначена цифрой 1 и представлена следующими элементами: 1.1. Население региона; 1.2. Бизнес, предприятия, деловое сообщество; 1.3. Органы управления региона; 1.4. Региональные институты; 1.5. Региональная инфраструктура; 1.6. Безопасность региона; 1.7. Природная среда и ресурсы (экология региона). Внешняя среда региона на рис. 1 представлена на двух уровнях: национальном (цифра 2, это микросреда региона) и международном, мировом (цифра 3).

При разработке измерителей регионального развития должны охватываться все указанные элементы экономической системы региона: социальные, экономические, управленческие, институциональные, инфраструктурные, связанные с безопасностью, экологические, – а также их взаимоотношения: инвестиционные, инновационные и др. В зависимости от решаемых задач может использоваться только часть измерителей.

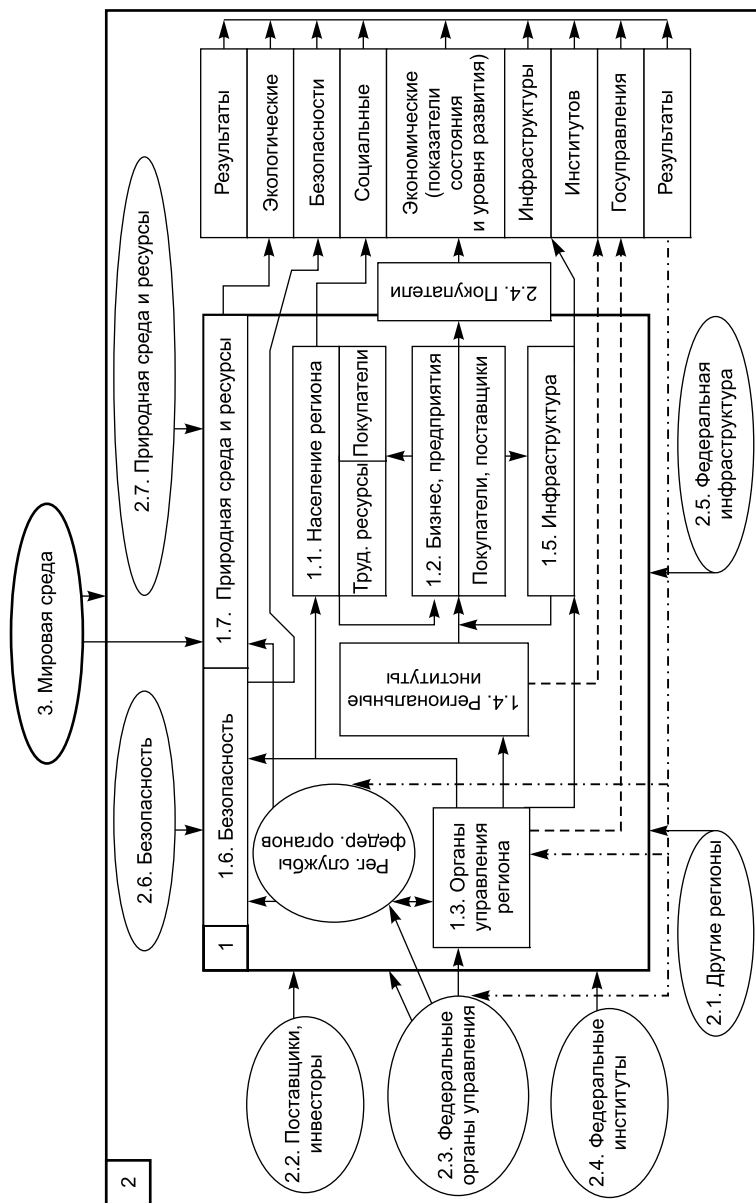

Рис. 1. Структура региона как системы

Организационный подход позволяет определить следующие особенности региона, которые должны учитываться при измерении его развития. Во-первых, регион является сложной многоуровневой организацией, включающей в себя территориальные образования разного типа (республики, края, области, муниципалитеты, поселения); отраслевые, ведомственные, коммерческие и некоммерческие структуры, объединения, союзы; население, деловое сообщество, представителей власти.

Во-вторых, носителями региональных целей являются как системные элементы (органы власти, население, деловые круги), так и индивидуумы, отдельные люди. Существует сложное, противоречивое, иерархическое переплетение целей внутри региона, между регионами, между центром и регионом.

В-третьих, в рыночной системе воздействие региона на бизнес-организации осуществляется преимущественно косвенным путем, через внутреннюю среду региона, которая должна стать средой развития для этих организаций. Через среду региона реализуются его цели развития.

В-четвертых, у региона как безличной структуры формируются обобщенные, типовые цели, выражающие индивидуальные и групповые цели, а также конкретные цели, характеризующие особенности данного региона.

В-пятых, иерархия является неотъемлемым признаком организационных систем. Она означает распределение частей целого (его элементов) по разным уровням в зависимости от общности их функций (свойств). Регион как социально-экономическая система может рассматриваться как сочетание разных иерархических структур (отраслевой, территориальной, функциональной). Поэтому его можно назвать полииерархической системой, организацией. Кроме того, в регионе наряду с вертикальными связями действуют горизонтальные, роль которых с развитием рынка возрастает.

Необходимость формирования конкурентоспособной региональной экономики в условиях глобализации и интеграции предопределяет доминанту **стратегического подхода** к измерению социально-экономического развития региона. Это значит, что поведение региональной организации направлено главным образом не на реагирование пост-

фактум (устранение последствий, адаптацию к среде), а на предвидение, на упреждающие действия. Поведение организации становится не только активным, но и проактивным. Регион обеспечивает не просто экономический рост, а свое качественное изменение, т.е. социально-экономическое развитие.

Таким образом, термин «развитие» становится синонимом понятия «стратегический подход», т.е. означает развивающий подход в условиях глобализации. Стратегический подход реализуется в стратегическом управлении. Стратегическое управление регионом – это управление изменениями, развитием региона, обеспечивающее его конкурентоспособность в условиях глобализации.

В экономике и управлении наибольшее значение имеют такие виды измерителей, как показатели и оценки. В основе показателей лежат систематические наблюдения, главным образом статистические. Оценки, как правило, формируются на базе экспертных суждений.

В.И. Лопатников [11] определяет показатель (индекс, индикатор) как выраженную числом характеристику какого-либо свойства экономического объекта, процесса или решения. Он подразделяет показатели по экономическому содержанию на натуральные, стоимостные, трудовые, по измерению – на объемные, средние, предельные, приростные, индексные. Б.А. Райзберг и Р.А. Фатхутдинов [12] приводят структуру социально-экономических показателей. По уровням они выделяют макро- и микроэкономические показатели, по способам использования – расчетно-аналитические, отчетно-статистические и др., по способам получения – единичные и сводные, по способам расчета – абсолютные и относительные. Исходя, в частности, из работ этих и других авторов будем считать, что в экономике и управлении используется информация как в описательной (вербальной, словесной) форме, так и в смешанной, словесно-количественной (числовой). В последнем случае она называется показателем. Показатели могут быть как простыми (например, среднемесячная оплата труда в регионе составляет 18 тыс. руб.), так и сложными, комплексными, состоящими из нескольких простых показателей (например, уровень жизни). К сложным показателям (по А.П. Панкрухину, высокие слои информации [13]) можно отнести индикаторы, индексы и рейтинги.

Индикаторы – это наборы и ряды статистических данных, которые подобраны специально по какой-либо проблеме и задают общее направление в ее решении. Они являются обобщающими показателями и четко определяют цели. Индикаторы представляют собой переменные величины или функции от нескольких переменных величин, отражающие реальные изменения, происходящие во времени.

Индексы – это слой информации комплексного, интегративного характера: индексы потребительских цен, индексы уровня человеческого развития, индексы конкурентоспособности и многие другие. В индексах различные индикаторы комбинируются в единый числовой показатель (часто с различными удельными весами, коэффициентами значимости), используемый для сравнения явлений независимо от времени и места их происхождения.

Еще один слой информации – рейтинги. Это формализованные чаще всего в виде шкал инструменты сопоставления ряда анализируемых объектов по определенным интегральным характеристикам (индексам, индикаторам).

Названные виды показателей используются и в целевой информации, разница лишь в том, что они отражают желаемое состояние объекта, процесса [12]. Структура цели включает семантическую и измерительную части (рис. 2).

Конкурентоспособность региона является одной из современных стратегических целей развития экономической системы. Для оценки конкурентоспособности региона нами ранее разработаны концепция и методология целевого измерения уровня регионального развития. В общем виде методология оценки конкурентоспособности региона предполагает выбор измерителей, методов их нормирования (для обеспечения сопоставимости) и методов исчисления оценки (определение индикаторов конкурентоспособности). Конкурентоспособность региона может измеряться как набор отдельных показателей (агрегатная оценка) и/или как синтез показателей в виде аддитивной и мультипликативной функций (интегральная оценка). Предыдущие наши исследования позволяют выбрать в качестве интегрального измерителя конкурентоспособности региона мультипликативную функцию. Расчет региональной конкурентоспособности K_j^o предлагается производить по системе индексов, характеризующих уровень жизни,

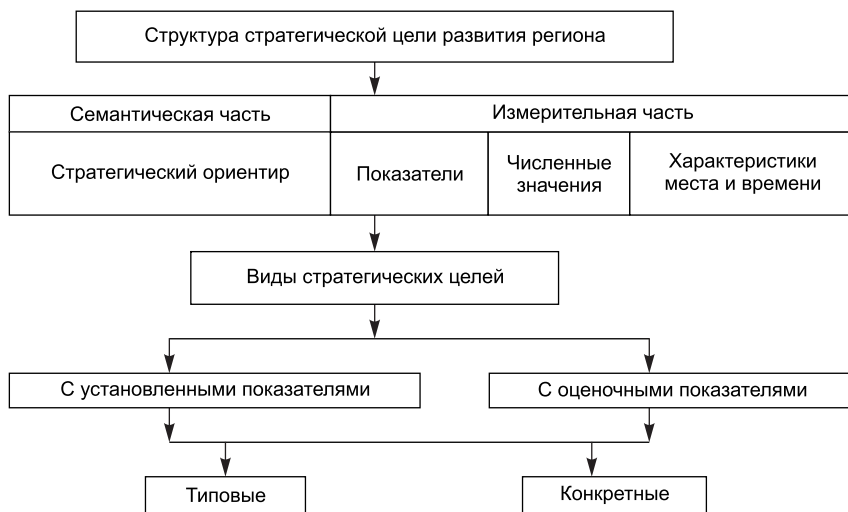

Рис. 2. Структура и виды стратегических целей региона

инвестиционную привлекательность, инновационную активность и уровень развития региона:

$$K_j^o = \sqrt[4]{K_j^c K_j^{ив} K_j^{ин} K_j^э},$$

где K_j^c – социальная конкурентоспособность региона; $K_j^{ив}$ – инвестиционная конкурентоспособность региона; $K_j^{ин}$ – инновационная конкурентоспособность региона; $K_j^э$ – экономическая конкурентоспособность региона.

Каждый вид конкурентоспособности рассчитан также как средне-геометрическая соответствующих нормированных показателей. Например, показатель социальной конкурентоспособности региона определяется по формуле

$$K_j^c = \sqrt[4]{p_{1j} p_{2j} p_{3j} p_{4j}},$$

где K_j^c – показатель социальной конкурентоспособности региона; p_{1j} – нормированный показатель покупательной способности населения;

p_{2j} – нормированный показатель доли населения, живущего выше прожиточного минимума; p_{3j} – нормированный показатель уровня занятости населения; p_{4j} – нормированный показатель среднедушевых денежных доходов населения. Нормированные показатели определяются как отношение значения показателя в регионе к соответствующему показателю по Российской Федерации.

Таким образом формируются и другие индикаторы. Формулы определения других составляющих индексов (инвестиционной, инновационной, экономической конкурентоспособности) аналогичны вышеуказанным. Один из вариантов структуры интегральной оценки конкурентоспособности региона приведен в таблице.

Методология интегральной оценки конкурентоспособности региона позволяет решать задачи экономических измерений и управления:

Структура интегральной оценки конкурентоспособности региона

Индикаторы конкурентоспособности	Нормированные показатели
Уровень жизни	Покупательная способность населения. Доля населения, живущего выше прожиточного минимума. Уровень занятости. Среднедушевые денежные доходы населения
Инвестиционная привлекательность	Инвестиции в основной капитал. Иностранные инвестиции в экономику. Доля частных инвестиций в основной капитал. Удельный вес рентабельных предприятий
Инновационная активность	Число инновационно активных предприятий. Внутренние затраты на исследования. Количество выданных патентов на 1000 чел. Удельный вес затрат на технологические инновации в стоимости продукции
Уровень развития	ВРП на душу населения. Доля сферы услуг в ВРП. Рентабельность активов организаций промышленности. Среднегодовые темпы роста ВРП

1) определять величины индикаторов и рейтинги конкурентоспособности регионов в масштабах России и федеральных округов; 2) анализировать составляющие интегральной оценки; 3) наращивать и изменять состав индикаторов за счет других системных составляющих (экологических, институциональных и проч.); 4) выполнять кластерный анализ регионов; 5) анализировать тенденции развития и выбирать направления экономической политики; 6) выбирать стратегические цели развития регионов и направления стратегий; 7) строить вертикаль измерений на региональном и муниципальном уровнях.

Литература

1. **Большой** энциклопедический словарь / Гл. ред. А.И. Прохоров. – М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 2004. – 1456 с.
2. **Клейнер Г.Б.** Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. – 2008. – № 3. – 27–50.
3. **Мезоэкономика** развития / Под ред. Г.Б. Клейнера; ЦЭМИ РАН. – М.: Наука, 2011. – 805 с.
4. **Нуреев Р.М.** Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Норма, 2008. – 640 с.
5. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.
6. **Тодаро М.П.** Экономическое развитие: Пер. с англ. – М.: Эк. ф-т МГУ; ЮНИТИ, 1997. – 671 с.
7. **Гранберг А.Г.** Основы региональной экономики: Учебник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 493 с.
8. **Минакир П.А.** Системные трансформации в экономике. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 420 с.
9. **Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.** Экономика как синергетическая система. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 266 с.
10. **Важенин С.Т., Злоченко А.Р., Татаркин А.И.** Конъюнктура конкурентоспособности региона // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 3. – С. 23–38.
11. **Лопатников Л.И.** Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
12. **Райзберг Б.А., Фатхутдинов Р.А.** Управление экономикой: Учебник. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1994. – 195 с.
13. **Панкрухин А.П.** Маркетинг территории. – М.: РАГС, 2002. – 267 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

© Шеховцева Л.С., 2014

**УЧЕТ ФАКТОРА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ПРИ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
КРУПНОМАСШТАБНЫХ
РЕГИОНАЛЬНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ:
СТРУКТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Е.Б. Кибалов, А.А. Кин

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект 14-02-00159)*

Неполнота информации и несовершенство обратной связи лежат в основе неустранимого характера неопределенности.

Д. Норт

Аннотация

Показано, что стандартные методики оценки эффективности инвестиционных проектов являются детерминистскими, учет факторов неопределенности и риска в них декларируется, но должным образом в инструментальных терминах не раскрывается. В случае крупномасштабных инвестиционных проектов (КИП), реализация которых влияет на структуру и уровни цен на ресурсы и продукты не только на отраслевых и региональных рынках, но и на национальных, недооценка, например, «внешних эффектов» КИП может привести к дорогостоящим ошибкам. Для решения этой проблемы предлагается использовать модель стратегических игр, где сценарии-контрасты генерируются с помощью моделей семейства оптимиза-

ционной межрегиональной межотраслевой модели экономики России. Приводятся результаты экспериментальных расчетов и пример коммерческого использования указанной модели.

Ключевые слова: крупномасштабные инвестиционные проекты, фундаментальная неопределенность, критерий Гурвица, системный анализ, макро моделирование, институциональный подход

Abstract

The paper presents that standard methods for estimating effectiveness of capital investment projects are deterministic. Uncertainty and risks are introduced and declared but not described with proper terminology. As far as large-scale capital investment projects are concerned, of which implementation influences the structure and price standards not only on departmental or regional markets but also on national ones, underestimation of «external effects», for instance, could lead to costly errors. To resolve this problem, we propose to utilize a strategy games model where contrasting scenarios are generated using models from a family of an optimization interregional–interindustrial model. The article also shows the results of experimental calculations and an example of how to use the described model.

Keywords: large-scale capital investment projects, fundamental uncertainty, Hurwitz criterion, system analysis, macromodeling, institutional approach

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Современный инструментарий оценки эффективности инвестиционных проектов весьма несовершенен: он опирается на ряд явно не оговариваемых предпосылок, например о стационарности характеристик рыночной среды реализации проекта, когда, например, все будущие прибыли и убытки могут быть предугаданы; не учитывает ограниченную рациональность лиц, принимающих инвестиционные решения, и т.д. Следовательно, соответствующие стандартные методики являются детерминистскими, учет факторов неопределенности и риска в них декларируется, но должным образом в инструментальных терминах не раскрывается [1]. Указанные несовершенства снижа-

ют качество обоснований массово осуществляемых «малых» инвестиционных проектов. Однако из-за своей малости каждый проект в отдельности не влияет на систему цен и пропорций в экономике страны как единой системе. Другое дело крупномасштабные инвестиционные проекты (КИП), факт реализации которых влияет на структуру и уровни цен на ресурсы и продукты не только на отраслевых и региональных рынках, но и на рынках национальных. Речь идет уже не о локальных ущербах из-за низкого качества технико-экономических обоснований, а о крупномасштабных потерях для стратегических инвесторов и государства в целом, т.е. о «внешних эффектах» КИП.

Ниже эта проблема рассматривается на примере системы крупномасштабных регионально-транспортных проектов, а именно, проектов сооружения евразийских стратегических железнодорожных магистралей России. Проекты системы, их технико-экономические характеристики, социальная, военно-стратегическая и геополитическая значимость неоднократно и детально обсуждались в открытой печати (см., например, [2]) и освещались в официальных правительственных документах [3]. Подобная ситуация избавляет нас от необходимости приводить общеизвестные цифры и взвешивать аргументы за и против реализации проектов системы или обсуждать очередность сооружения предусмотренных ими железнодорожных магистралей. Исключение составляет лишь один показатель, рассматриваемый в дальнейшем и свидетельствующий о крупномасштабности каждого из этих проектов, – объем затрат по проекту согласно экспертным оценкам (табл. 1).

Сформулированные выше соображения позволяют в дальнейшем сконцентрироваться на методологических, концептуальных моментах оценки КИП, диктующих необходимость учета неопределенности на ранних этапах выбора наиболее предпочтительных решений, т.е. на этапах, обычно связанных со стратегическим выбором при определении инвестиционных намерений участников инвестиционных проектов. Из-за плохой предсказуемости величины и знака внешних эффектов КИП, о которых говорилось ранее, именно они порождают неопределенность в оценке эффективности, причем эта неопределенность носит фундаментальный, невероятностный характер, что делает

Таблица 1

Затраты на строительство новых и реконструируемых железнодорожных крупномасштабных инвестиционных проектов

КИП	Оценка затрат	Источник информации	Год оценки
Северосиб + Баренцкомур	460–690 млрд руб.	http://expert.ru/siberia/2008/16/zhelezhnye_dorogi/	2008
МС+	10–15 млрд долл.	http://aleksandrovsk-sakh.ru/node/2848	2010
ТКМ	99 млрд долл.	http://uhhan.ru/news/2012-03-17-5637	2012
ПМ*	47 млрд руб.	Википедия	1955
ТрансКорея**	7–8 млрд долл.	http://www.kommersant.ru/doc/1037309	2008
УП-УП	350 млрд руб.	http://federalbook.ru/files/TEK/Soderzhanie/Tom%209/IV/Proekt.pdf	2007
Транссиб	560 млрд руб.***	http://er.ru/news/2013/7/25/putin-provedet-soveshanie-po-rekonstrukcii-transsiba/	2013
БАМ			

* Имеется в виду проект железной дороги Чум – Лабытнанга – Салехард – Игарка на момент остановки строительства.

** Транскорейская железная дорога от ст. Хасан в Приморском крае до Раджина (КНДР) и далее до порта Пусан (Республика Корея).

*** Приводятся суммарные затраты на реконструкцию Транссиба и БАМа.

проблему оценки слабоструктуризованной. В свою очередь, подобная констатация требует использовать в процедурах оценки инструментарий системного анализа и экспертные технологии. Важно подчеркнуть: данный аппарат, построенный на полувербальных моделях и логических схемах, не исключает применения в аналитических процедурах классических оптимизационных моделей. Как это делается – будет показано в нижеследующих сюжетах.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Крупномасштабный инвестиционный проект в дальнейшем нами понимается как предприятие – экономический агент, действующий

в экономике в течение его (предприятия) жизненного цикла. Термин «крупномасштабный» употребляется для того, чтобы отличать КИП от маломасштабных инвестиционных проектов в указанном выше смысле. Это, в частности, означает, что при оценке эффективности малых инвестиционных проектов затраты и результаты исчисляются в «параметрических» ценах, задаваемых экзогенно. В отношении КИП такой подход неприемлем, так как в силу масштабности потребляемых и выпускаемых ресурсов и продуктов (услуг) возникает «порочная» круговая зависимость (проект влияет на цены, с помощью которых исчисляется его эффективность), а попытки ее разрыва при оценке приводят к невозможности однозначно предсказать результаты не только в детерминистском, но и в вероятностном смысле. Таким образом, при оценке эффективности создается ситуация фундаментальной неопределенности, имманентная КИП как таковому.

«Вскрыть» фундаментальную неопределенность здесь до конца не удастся по определению, но снизить ее уровень и тем самым повысить достоверность оценок экономической эффективности КИП возможно. На доказательство правомерности такой гипотезы и создание работоспособного (т.е. способного доказать верность гипотезы) экономико-математического и программного инструментария и нацелен подход, освещаемый в настоящей статье.

Основная гипотеза. Для того чтобы избежать возникновения «порочного круга» и снизить уровень воздействия фактора неопределенности на оценку КИП, предлагается использовать модель стратегических игр и трактовать инвестора, желающего получить оценку своего проекта, как игрока, принимающего решение (далее – аналитик), а экономику страны рассматривать как «незлонамеренную, но плохо предсказуемую природу». Взаимодействия указанных игроков могут оцениваться по глобальным критериям теории принятия решений, основным среди которых является критерий Гурвица [4]. Критерий Гурвица и его модификации предназначены для вскрытия фундаментальной неопределенности, имеющей место в интересующем нас случае. Этот критерий и такой тип неопределенности предполагают использование экспертных технологий в ходе процедур оценки КИП

и выявление наиболее предпочтительных проектных альтернатив, если таковые имеются.

Вспомогательная гипотеза состоит в том, что в качестве игрока «незлонамеренная природа» в стратегической игре с аналитиком возможно эффективно использовать глобальную модель экономики Российской Федерации – оптимизационную межрегиональную межотраслевую модель (ОМММ), разработанную в ИЭОПП СО РАН [5]. Данная модель на высоком уровне абстракции отображает экономику России, и предполагается, что к моменту, когда возникает необходимость оценить эффективность нового (новых) КИП, оптимальный в некоторых экзогенно задаваемых условиях долгосрочный план по критерию, например, максимума ВВП с помощью ОМММ уже выбран. Возникает вопрос: как изменится показатель ВВП, если в такую (оптимизированную) модель ввести новый (новые) КИП, народно-хозяйственная эффективность которого (которых) исследуется? Аналогичные вопросы возникают, если в качестве модельного отображения экономики России используются различные, оптимизированные по разным критериям и при разных экзогенно задаваемых условиях ОМММ, трактуемые как возможные **сценарии** поведения «природы».

Для ответа на такой вопрос формируется стратегическая оценочная матрица $A = (u_{ij})$ размерностью $m \times n$. Элементы $u_{ij} = f(x_i, y_j)$ матрицы A являются оценками исходов, соответствующих всем возможным парам $\langle \text{КИП}(x_i) - \text{сценарий}(y_j) \rangle$.

В ситуации фундаментальной неопределенности, когда оценки вероятности актуализации сценариев неизвестны или не имеют смысла, наиболее предпочтительный КИП из множества сравниваемых проектов предполагается определять по правилу Гурвица [4] как наиболее теоретически обоснованному. Именно для определения достоверной величины меры осторожности аналитика, определяющего наиболее предпочтительный КИП из числа конкурирующих, предполагается использовать экспертные технологии в ходе многотуровых экспертиз, формируя оптимальную по составу и численности группу неангажированных экспертов (возможно, не одну).

ОБЪЕКТЫ ОЦЕНКИ

В качестве объектов оценки предлагается взять КИП по созданию трансграничных и трансконтинентальных железнодорожных магистралей, проходящих по территории России, которые в случае реализации проектов создадут мощный потенциал «транзитности» для отечественной экономики. Опираясь на такой потенциал, Россия в обозримой перспективе сможет превратиться в ведущего игрока на мировом транспортном рынке, изменив его конфигурацию радикально. Кроме того, широтные и «меридиональные-диагональные» (типа АЯМ и ТКМ) железнодорожные магистрали создают основу для образования конкурентной транспортной решетки – как результат ответвления от них капиллярных железнодорожных веток, ведущих к месторождениям полезных ископаемых. Конкретно речь идет о новых и реконструкционных железнодорожных проектах (см. рисунок), которые потребуют крупномасштабных инвестиций (см. табл. 1).

Это следующие проекты:

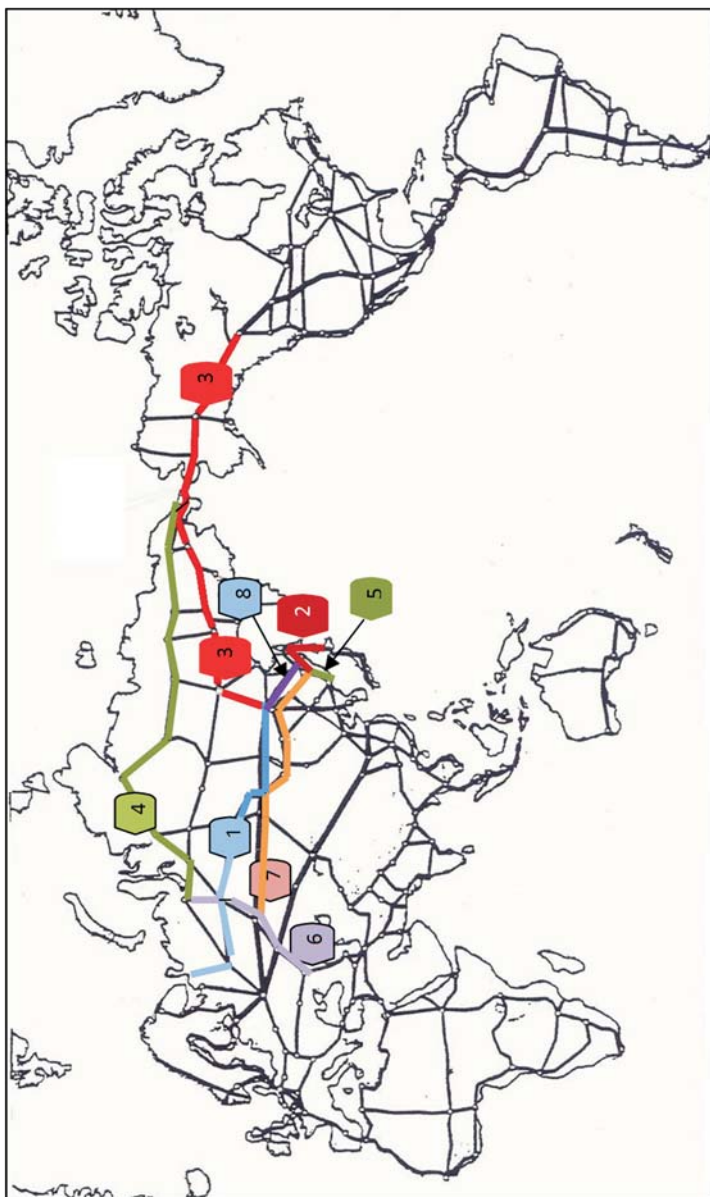
1) проект создания сквозного широтного железнодорожного хода от портов Тихоокеанского побережья России до портов на побережье Баренцева моря. Требуется достройки Северосибирской железнодорожной магистрали и реализации в полном объеме проекта «Баренцкомур» (Северосиб + Баренцкомур);

2) проект «материк – Сахалин», предполагающий не только железнодорожный переход пролива Невельского (мост или тоннель), но и переход пролива Лаперуза с выходом на сеть железных дорог Японии (МС+);

3) проект строительства трансконтинентальной железнодорожной магистрали (ТКМ) через Берингов пролив с выходом на железнодорожные сети Северной и Южной Америки;

4) проект строительства Приполярной железнодорожной магистрали (ПМ) от ст. Лабытнанги на левом берегу р. Обь до п. Уэлен – точки строительства (со стороны России) моста или тоннеля для перехода ТКМ через пролив Беринга;

5) проект «реанимации» Транскорейской железнодорожной магистрали (ТрансКорея), позволяющий восстановить прямое железнодорожное сообщение между Южной Кореей и Россией;

Крупномасштабные железнодорожные проекты Российской Азии в мировой сети железных дорог

6) проект строительства железнодорожной магистрали «Урал промышленный – Урал полярный» вдоль восточного склона Уральских гор с выходом на газовые месторождения полуострова Ямал (УП-УП);

7) проект реконструкции Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиб);

8) проект реконструкции Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ).

Каждый из вышеназванных проектов имеет варианты, и сам их перечень может быть дополнен другими проектами и комбинациями перечисленных. Большинство из них новые, т.е. не вошедшие пока в долгосрочные планы развития экономики, и крупномасштабные. Оценка потенциальной эффективности каждого из них и сравнительной эффективности КИП в рамках предлагаемых методологии и методики, на наш взгляд, не только представляет теоретический интерес, но и может послужить средством для сугубо практических целей – для формирования долгосрочных планов развития России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЬНЫХ РАСЧЕТОВ

Все перечисленные крупномасштабные проекты, осуществляемые или намечаемые к реализации на территории России, «отстраиваются» от действующей железнодорожной сети и образуют расширенную стратегию ее развития в долгосрочной перспективе. В этом смысле официально утвержденная Стратегия развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года (Стратегия-2030) [3] является базовым вариантом, по сути – *системой инвестиционных проектов* разных типов, в число которых входят и некоторые крупномасштабные проекты, названные выше.

Суть предварительных экспериментальных расчетов, осуществленных нами в 2003–2008 гг. с помощью одной из версий ОМММ, состояла в следующем. Из проведенного анализа потребности страны в новом железнодорожном строительстве [5] вытекало, что будущее железнодорожной сети основано на трех векторах развития, ко-

которые определяют три альтернативные стратегии (системы проектов): транспортно-ориентированную, ресурсно-ориентированную, и социально-ориентированную. Первая из них нацелена преимущественно на решение технологических проблем транспортной отрасли, вторая – на новое железнодорожное строительство в основном для освоения природных ресурсов Сибири, третья – на повышение транспортной доступности городов и поселений, пока еще не связанных железнодорожным сообщением, и усиление таким образом связности и открытости в мировую экономику гигантских территорий восточнее Урала.

Трехкомпонентная классификация альтернативных стратегий совмещена с пятикомпонентной классификацией новых железнодорожных линий в разрезе категорий и стоимостных параметров, принятых в Стратегии-2030. По каждому типу проекта строительства указаны ожидаемая сметная стоимость и протяженность линии (табл. 2).

Как видно и по уровню капитальных расходов, и по протяженности железнодорожных линий, система проектов в Стратегии-2030 (в ее «максимальном» варианте) является ресурсно-ориентированной и до-

Таблица 2

Структурный анализ Стратегии-2030

Альтернатива	Категории железнодорожных магистралей					Сумма по альтернативам
	Стратегические	Социально значимые	Грузооб-разующие	Технологические	Высоко-скоростные	
Транспортно-ориентированная	296 (1960)	74 (582)	166 (1006)	553 (4706)	–	1089 (8254)
Ресурсно-ориентированная	803 (5028)	0 (0)	607 (4701)	643 (5018)	–	2052 (14747)
Социально-ориентированная	678 (3943)	269 (1772)	0 (0)	0 (0)	–	947 (5715)

Примечание: по каждому типу проекта строительства указаны ожидаемая сметная стоимость железнодорожной линии (млрд руб., в ценах 2007 г.) и в скобках – протяженность линии (км).

минирует среди альтернативных стратегий. Ответ же на вопрос о том, какая из альтернатив Стратегии-2030 является предпочтительной с точки зрения критерия народно-хозяйственной эффективности, был получен по результатам расчетов с использованием инструментария ОМММ-ТЭК. С его помощью была определена оценка эффекта в реальных ценах, соотношения между которыми соответствуют равносному состоянию экономики России. Критерием эффективности оцениваемой альтернативы при этом было изменение жизненного уровня людей в экономической системе в целом при условии выполнения инвестиционных программ железнодорожной стратегии и создания необходимых на будущее заделов строительства. Расчеты показали, что ресурсно-ориентированный вариант Стратегии-2030 (как системы проектов или мегапроект) по народно-хозяйственному критерию более эффективен, чем вариант социально-ориентированный, несмотря на меньшую затратность последнего.

Таким образом, предварительный анализ выявил следующие проблемы:

- ОМММ-ТЭК чувствительна к изменению ее параметров под влиянием реализации различных стратегий (систем крупномасштабных железнодорожных проектов), но недостаточно учитывает специфику железнодорожного транспорта;
- выбор наиболее предпочтительной стратегии осуществлялся в ситуации определенности, т.е. многовариантность развития внешней среды крупномасштабных проектов не учитывалась;
- к полученному результату следует относиться с осторожностью, поскольку в состав проектов проанализированной Стратегии-2030 из числа КИП, указанных в табл. 1, входил только Северсиб.

Для решения первых двух проблем в последние годы в ИЭОПП СО РАН разрабатывалась ОМММ-ЖД – специальная версия базовой ОМММ, отражающая наиболее полно специфику железнодорожного транспорта вообще и крупномасштабных проектов его развития в долгосрочной перспективе в частности [6]. Соответствующий программно-модельный комплекс на коммерческой основе передан Сибирскому государственному университету путей сообщения. В настоя-

щее время с помощью модельного комплекса и с привлечением экспертов-железнодорожников осуществляются экспериментальные расчеты по оценке эффективности железнодорожных КИП в разных сценариях развития отечественной и мировой экономик, т.е. в описанной выше постановке. ОМММ-ЖД при этом используется для генерации сценариев-контрастов развития внешней среды.

Для решения третьей проблемы сформировано расширенное множество крупномасштабных железнодорожных проектов (см. табл. 2). Оценка сравнительной ожидаемой эффективности этих проектов позволит ранжировать их по степени предпочтительности для решения транспортной проблемы не только восточных районов, но и России в целом.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ И СМЕЖНЫЕ ВОПРОСЫ

В предлагаемом выше подходе исследователь, моделируя соответствующие объекты, как бы абстрагируется от организационных форм и типов институционального устройства анализируемых альтернативных КИП и сценариев-контрастов развития экономики. То есть в традициях неоклассики указанные факторы трактуются как закон гравитации, когда подразумевается, что организации и институты существуют, но в моделях они не отражаются. Понятно, чем такой подход в определенном смысле удобен: он упрощает модели и позволяет выделить ключевые зависимые и независимые переменные [7]. Естественно, возникает вопрос: не выхолащивают ли подобные упрощения экономическое существо проблемы в угоду математическому изяществу применяемого аппарата моделирования, в частности ОМММ, что в последнее время стало дежурным обвинением в адрес специалистов по математической экономике? Словосочетание «оптимизационная межотраслевая многорегиональная модель» как бы указывает на «мнимость», необоснованность подобных сомнений и обвинений. Действительно, с точки зрения содержания ОМММ по определению, отраженному в ее названии, есть модель, в основу которой положен принцип оптимальности, являющийся элементом «твердого неизменного

ядра» неоклассики. Данный принцип модифицируется, но не отрицается новой институциональной теорией. Модификация имеет вид перестройки так называемого «защитного пояса» неоклассической парадигмы и состоит, по К. Кнудсену (см. работу [7]), из трех элементов:

- точного определения типа ситуационных ограничений, стоящих перед агентом;
- точного определения типа имеющейся в распоряжении агентов информации о ситуации, в которой они находятся;
- точного определения типа изучаемого взаимодействия.

В нашем подходе все три элемента защиты применяемого инструментария включены:

- ситуация, в которой аналитик должен оценить КИП, однозначно определена как фундаментальная неопределенность;
- информация, находящаяся в распоряжении аналитика, — экспертная;
- тип изучаемого взаимодействия моделируется как стратегическая игра аналитика (представляющего интересы экономического агента-инвестора) и «незлонамеренной природы» в лице ОМММ (представляющей интересы общества как коллективного экономического агента с интересами, ситуационно меняющимися).

Заметим, что в подобной трактовке снимаются нередко высказываемые в адрес ОМММ обвинения в бессубъектности. Более того, становится возможным моделировать чисто организационные эффекты на макроуровне, используя различные варианты дробления КИП, поскольку каждый из них в силу своей масштабности является на эксплуатационном этапе своего жизненного цикла потенциальным естественным монополистом, и стратегически важно выяснить, какой вариант дробления выгоден с народно-хозяйственных позиций, отражаемых критериями ОМММ.

Все вышесказанное относится к содержательной части проблемы. Относительно адекватности используемого для ее разрешения эконо-

мико-математического аппарата достаточно перечислить дисциплины и инструменты, применение которых следует по умолчанию из постановки проблемы. Это методы теории принятия решений, макромоделирования, элементы институционального подхода, экспертных оценок (в частности, сценарный метод), образующие в своей совокупности прикладную ветвь системного подхода, а именно, системный анализ крупномасштабных инвестиционных проектов и их важнейшей разновидности – проектов регионально-транспортных.

Литература

1. **Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.** Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика: Учеб. пособие. – 2-изд., перераб. и доп. – М: Дело, 2002. – 888 с.
2. **Концепция** развития транспортного комплекса РФ: северо-восточный вектор / Под ред. К.Л. Комарова. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003. – 80 с.
3. **Постановление** Правительства Российской Федерации «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года» от 17.06.2008 № 877-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 29, ч. II. – Ст. 3537.
4. **Системное** моделирование и анализ мезо- и микроэкономических объектов / Отв. ред. В.В. Кулешов и Н.И. Суслов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 488 с.
5. **Бузулуцков В.Ф., Кибалов Е.Б., Нехорошков В.П., Суслов Н.И.** Сибирский вектор развития опорной железнодорожной сети России в XXI веке // Сибирь в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – С. 549–563.
6. **Бузулуцков В.Ф., Сизов А.Н.** Развитие представлений транспортных связей в ОМММ-ТЭК: информационно-методический аспект // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты / Под ред. Е.А. Коломак, Л.В. Машкиной. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2012. – Вып. 11. – С. 120–150.
7. **Эггертссон Т.** Экономическое поведение и институты: Пер. с англ. – М.: Дело, 2001. – 408 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.02.2014 г.

© Кибалов Е.Б., Кин А.А., 2014

*Дорогая
Светлана Владимировна,
поздравляем!*

Коллектив Института экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
многочисленные ученики, друзья
и редакционная коллегия журнала поздравляют
Светлану Владимировну Соболеву,
доктора экономических наук, профессора,
главного научного сотрудника ИЭОПП СО РАН,
члена редакционной коллегии научного журнала
«Регион: экономика и социология»,
с юбилейным днем рождения
и желают ей крепкого здоровья и творческого долголетия!

Поэт – Пушкин, фрукт – яблоко, самое короткое время года – лето... Этот ряд устойчивых ассоциаций обществоведы легко могут дополнить: ученый-демограф в Сибири – Светлана Владимировна Соболева. Ее многолетние глубокие исследования демографических процессов в России и Сибири снискали ей широкую известность и неизменное уважение в профессиональном сообществе.

Хотя Светлана Владимировна верна выбранной еще в годы аспирантуры области научных интересов, диапазон ее исследований широк. Это разработка теоретико-методологических основ оценки социальной и демографической безопасности региона, исследования этнической идентичности малых национальных групп в условиях роста национального самосознания, изучение современных миграционных процессов в Сибири, в том числе иммиграции иностранной рабочей силы.

С.В. Соболева прошла в ИЭОПП СО РАН путь от младшего научного сотрудника до главного. Светлана Владимировна, безусловно, главный специалист по демографии. Во всех документах, разрабатываемых ИЭОПП, – от стратегий социально-экономического развития Сибири до программ сибирских регионов и городов демографический блок выполнен под руководством доктора экономических наук С.В. Соболевой.

Научные рекомендации профессора С.В. Соболевой опираются не только на данные статистики, но и на материалы собственных эмпирических исследований, на сведения и впечатления, полученные в ходе социологических экспедиций по Сибири. Имея репутацию профессионала, ответственного человека, надежного партнера, она является неизменным участником междисциплинарных интеграционных проектов СО РАН.

На счету С.В. Соболевой более двухсот научных работ. Высокая продуктивность Светланы Владимировны как ученого вызывает заслуженное уважение коллег и учеников.

С.В. Соболева принимает активное участие в работе ученого совета ИЭОПП СО РАН и трех специализированных советов по защите докторских диссертаций. Как эксперт в области региональной социальной политики она состоит в Совете при губернаторе Новосибирской области по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, в Межведомственной комиссии при администрации Новосибирской области по вопросам миграции, в Экспертно-консультативном совете по вопросам социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа при полномочном представителе Президента Российской Федерации в СФО.

Вклад С.В. Соболевой как многолетнего члена редакционной коллегии журнала «Регион: экономика и социология» в обеспечение высокого качества публикаций демографической направленности посредством строгих, но доброжелательных рецензий трудно переоценить, а ее собственные статьи задают планку для потенциальных авторов.

УДК 314.04+314.8+314.335.7

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 97–115

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИБИРИ НА ФОНЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

С.В. Соболева

ИЭОПП СО РАН

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП в рамках приоритетных направлений IX.93 (проект IX.93.1.1) и IX.87 (проект IX.87.1.3)

Аннотация

Рассматривается демографическая ситуация в Сибири и России, которая после длительного периода депопуляции начиная с 2006 г. характеризуется улучшением демографических показателей: ростом рождаемости, увеличением ожидаемой продолжительности жизни, выходом на положительный естественный прирост населения. Это только первые успешные шаги в преодолении демографического кризиса, однако рождаемость, несмотря на положительную динамику, еще далека от ситуации конца 1980-х годов и составляет, по данным за 2012 г. для России, только 80% от уровня простого воспроизводства. Проанализированы основные препятствия для роста показателей рождаемости в будущем и отмечается, что для дальнейшего преодоления демографического кризиса целевым ориентиром для семейно-демографической политики в стране должна стать семья с тремя-четырьмя детьми. Именно такая семья должна получить наибольшую экономическую и моральную поддержку со стороны государства и общества.

Ключевые слова: Россия, Сибирский федеральный округ, демографическая политика, депопуляция, демографический потенциал, ожидаемая про-

должительность жизни, естественный прирост, желаемое и ожидаемое число детей

Abstract

The article examines the demographic situation in Siberia and Russia which has improved since 2006, after a long period of depopulation: birth rate is growing, life expectancy is rising, and natural increase has become positive. These are the first successful steps towards overcoming the demographic crisis. Still, birth rate, although positively increasing, is far from that of the late 1980s. According to the data for 2012, it makes only 80% of simple reproduction. We define the main obstacles preventing future childbirth figures from growing and underline that in order to further overcome the demographic crisis, a family with 3–4 children should become a goal for demographic policy in Russia. Such a family should acquire the largest economic and moral support from the government and the society.

Keywords: Russia, Siberian Federal District, demographic policy, depopulation, demographic potential, life expectancy, natural increase, wanted and expected number of children

В 2008 г. в рамках Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2030 г. был разработан образ демографического развития будущего [1]. Предполагалось, что в результате первого этапа реализации стратегии (2009–2011 гг.), несмотря на кризис, произойдут снижение темпов сокращения населения и выход на естественный и миграционный прирост населения Сибири. Сейчас можно уже подвести некоторые предварительные итоги.

Начиная с 2006 г. в Сибирском федеральном округе, как и в стране в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей (рис. 1), что было связано как с общим улучшением демографической ситуации в результате оживления экономики, так и с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере, а также со структурными факторами. По данным за 2007 г., более половины регионов СФО вышли на положительный естественный прирост (это в основном регионы проживания коренных народов Сибири), у половины было положительное сальдо миграции, и, как ре-

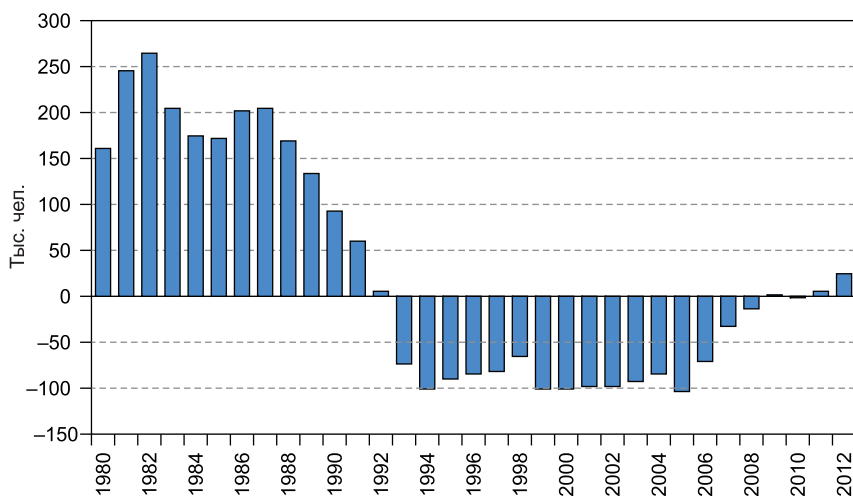

Рис. 1. Динамика естественного прироста населения Сибирского федерального округа за 1980–2012 гг.

зультат, половина регионов имели общую неотрицательную динамику численности населения. Естественная убыль в СФО в этот период, как и в России в целом, стала быстро уменьшаться: с более чем 100 тыс. чел. в 2005 г. до 13 тыс. чел. в 2008 г. А в 2009 г. округ впервые после 1992 г. вышел на хотя и небольшой, но положительный естественный прирост населения – 1221 чел. Однако уже в 2010 г. из-за снижения рождаемости и роста смертности естественный прирост снова стал отрицательным (–851 чел.). В 2011 г. он вновь положителен и равен 6851 чел. А в 2012 г. естественный прирост увеличился еще больше¹ и составил уже 24827 чел. Из всех субъектов СФО только Алтайский край и Кемеровская область имели отрицательный естественный прирост населения – соответственно –2253 и –3817 чел.

Таким образом, усилия, приложенные для улучшения демографической ситуации как на государственном, так и на региональ-

¹ Положительный естественный прирост в 2012 г. имели также Северо-Кавказский (87197 чел.), Уральский (30660 чел.) и Дальневосточный (5547 чел.) федеральные округа.

ных уровнях, оказались вовсе не бесполезными, а наоборот, даже более результативными, чем ожидалось. А ведь некоторые скептики, в том числе специалисты-демографы, еще не так давно утверждали, что убыль населения в России необратима, что совершенно бесполезно вкладывать средства в повышение рождаемости, что сохранять численность населения возможно только за счет миграции из других стран. Между тем поддержание численности жителей за счет замещающей российское население внешней миграции не решает демографических проблем, а только усугубляет ситуацию, вдобавок повышая многочисленные риски межэтнических и межконфессиональных конфликтов, роста этнической преступности и т.д., что значительно ослабляет государство вплоть до возможности его распада.

Позитивные процессы, аналогичные имеющим место сегодня в СФО, происходят и в целом по России, правда, с некоторым запаздыванием. Начиная с 2006 г. естественная убыль населения в России сокращалась весьма быстрыми темпами и составила в 2012 г. всего –4,3 тыс. чел. (–129 тыс. чел. в 2011 г.), в то время как еще 10 лет назад она превышала 900 тыс. чел. **По итогам 2013 г. Россия впервые за последние 22 года вышла на положительный естественный прирост – 22,9 тыс. чел.** Столь быстрые позитивные результаты оказались совершенно неожиданными как для отечественных, так и для западных специалистов. Следует отметить, что ни в одном варианте прогноза Росстата до 2011 г., включая самые оптимистичные, для России не предусматривался даже нулевой естественный прирост, тем более в такие короткие сроки.

А вот что совсем недавно нам пророчили западные ученые. Русская служба Би-би-си (Вашингтон) в обзоре «Ученые США: Россия стремительно вымирает» [2] в 2010 г. приводила мнение профессора Американского института предпринимательства Н. Эберштадта, автора книги «Демографический кризис России в мирное время»: «Это не просто обширный демографический кризис, это далеко идущий всепроникающий кризис человеческих ресурсов». Н. Эберштадт считает, что несмотря на все признаки надвигающейся катастрофы, политическая элита России еще не осознала масштаба происходящих изменений, и уверен, что в ближайшие 20 лет проблема быстрого сокраще-

ния трудоспособного населения скажется на всех сферах жизни российского общества. Из-за резкого демографического кризиса России придется пересмотреть свое место на мировой арене, а возможно, даже свое политическое устройство и географические границы.

Еще более категоричен был Э. Уимбуш, старший вице-президент Института Хадсона, много лет занимающийся исследованиями России: «Пути назад нет, вряд ли Россия будет спасена или спасет себя сама от такого истощения человеческого капитала, которое сделает ее неконкурентоспособной или даже нежизнеспособной». Как следствие, считает Э. Уимбуш, такая страна, как Россия в ее нынешнем виде, очень скоро может вообще перестать существовать. И по его предсказанию, место России на мировой арене должно принципиально измениться.

В.В. Путин на состоявшемся 26 февраля 2013 г. заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, посвященном мерам, направленным на улучшение демографической ситуации в России, заявил: «В свое время некоторые эксперты считали, что невозможно увеличить рождаемость с помощью господдержки. Но, наверное, не только господдержка сыграла определенную роль, но она не в последнюю очередь, это очевидно. Отдельные наши коллеги, международные эксперты, в том числе работавшие по линии ООН, предсказывали вообще достаточно тяжелые времена для России. По прогнозу экспертов ООН, который был сделан в 2000 году, население России к настоящему времени должно было бы сократиться до 133 миллионов человек. То есть нам пророчили, по сути, необратимое вымирание. Мы не дали себя деморализовать такими прогнозами, запустили системные демографические проекты, и сегодня население России, как вы знаете, 143 миллиона человек – на десять миллионов больше, чем предсказывали эти самые эксперты. Десять миллионов жизней – это успех. ...Рождаемость в России продолжала расти даже на фоне экономического кризиса, причем увеличилось число именно вторых и третьих рождений: доля вторых рождений выросла с 30 с небольшим процентов в 2007 году до 36,6 процента в 2012 году, а доля третьих – с 7,6 в 2007 до 10,8 в 2012 году. В то же время мы видим и серьезные демографические вызовы в предстоящие десятилетия. Решать поставленные задачи придется

в сложных условиях. Но, глубоко убежден, наши активные целеустремленные шаги по поддержке семьи – это именно то, чего сегодня ждут от нас наши граждане» [3].

Хорошо, что власть в лице президента понимает всю серьезность демографической ситуации, несмотря на достигнутые несомненные успехи, и готова активно действовать и в будущем. Впереди нас ждут трудные времена, усугубляемые глобальной нестабильностью.

До недавнего времени борьбе с депопуляцией существенно помогала возрастная структура населения: пополнение самых активных репродуктивных контингентов шло за счет относительно высокой рождаемости 1980-х годов, а в возраст старше трудоспособного вступали относительно малочисленные контингенты рожденных в годы войны (рис. 2). Соответственно, даже при условии той же интенсивности рождаемости и смертности происходили рост числа родившихся и сокращение прироста числа пожилых людей, на которых приходится большинство умерших. Образно говоря, в движении по преодолению депопуляции в наши паруса дул попутный ветер. В настоящее время в связи с особенностями возрастной структуры населения, которая всегда играет большую роль в демографических процессах, в стране происходят значительные изменения: активные репродуктивные контингенты пополняются за счет малочисленных родившихся в 1990-х годах, а в возраст старше трудоспособного вступают относительно многочисленные родившиеся в годы послевоенного роста рождаемости. В 2025 г. в России будет почти в 2 раза меньше женщин самых активных фертильных возрастов (20–30 лет), чем в 2010 г.

Таким образом, в ближайшие годы даже для того, чтобы удержаться на нулевом естественном приросте, придется значительно увеличить усилия.

Конечно, выход на естественный прирост должен расцениваться как несомненный успех, однако он может оказаться кратковременным. Слишком сильное и долговременное негативное воздействие на демографическую сферу оказали реформы 1990-х годов. В России за 1987–1993 гг. количество родившихся за год упало почти вдвое (до 55%), а количество умерших выросло почти на 40%. И если последствия всех предыдущих многочисленных катастрофических воздействий в XX в., оказавших сильнейшее негативное влияние на

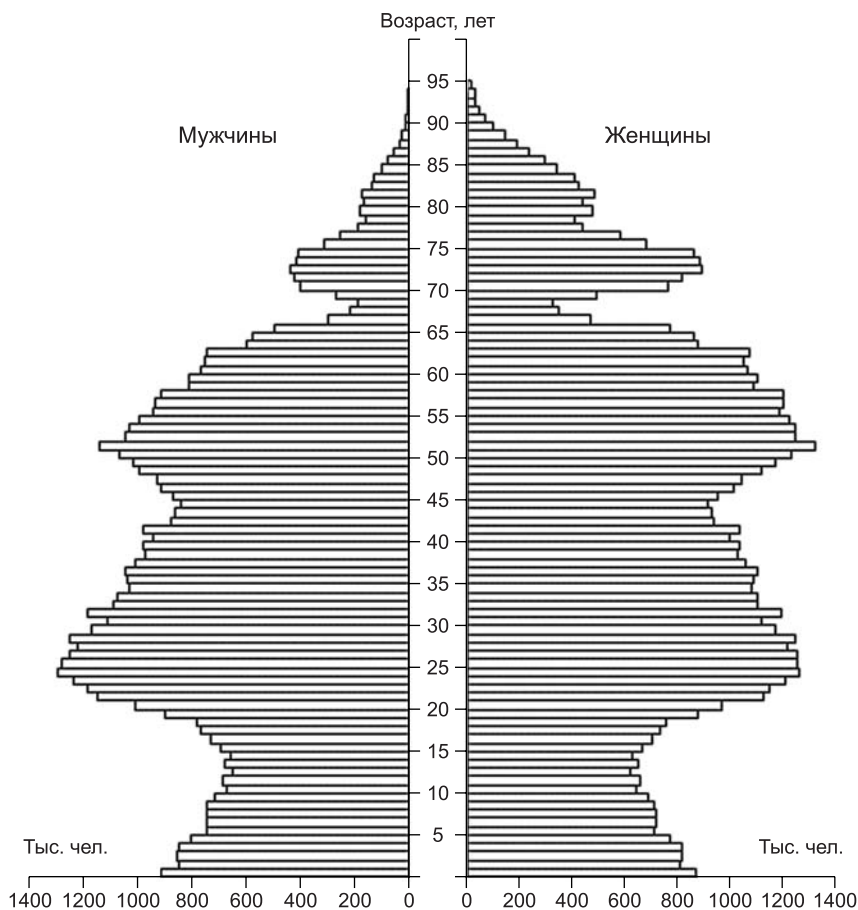

Рис. 2. Половозрастная структура населения России на начало 2012 г.

рождаемость и смертность в нашей стране и надолго оставивших свой след на половозрастной пирамиде, были преодолены в кратчайшие сроки за счет традиционно высокой рождаемости, то последствия политики 1990-х годов еще далеки от преодоления и сегодня (см. рис. 2). Положительные тенденции весьма неустойчивы и не дают основания для успокоения.

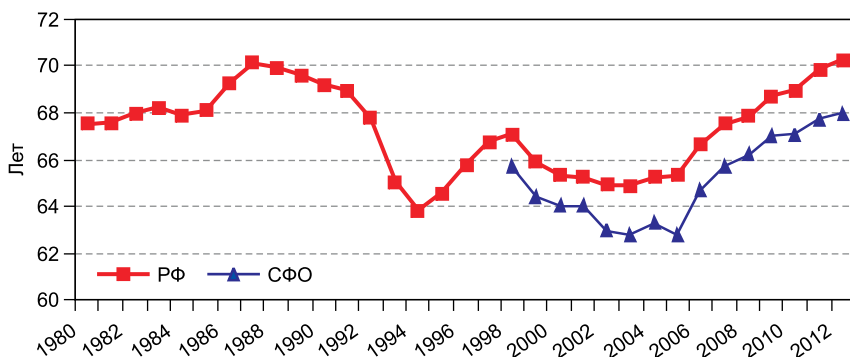

Рис. 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России и Сибирского федерального округа за 1980–2012 гг.

Ожидаемая продолжительность жизни в России в 2012 г. достигла наивысшего показателя за всю историю, превзойдя дореформенный максимум 1987 г. – 70,1 года, и составила 70,2 года (рис. 3). Соответствующий показатель для Сибири всегда был ниже, но и он демонстрирует рост.

Ситуация же с рождаемостью, несмотря на также положительную динамику, еще далека от ситуации того же 1987 г., и по данным за 2012 г., рождаемость в России составляет только 80% от уровня простого воспроизводства (рис. 4). В СФО рождаемость несколько выше среднероссийской, но тоже недостаточна: суммарный коэффициент рождаемости составил 1,86, причем в городе он еще меньше – всего 1,62, в то время как на селе – 2,78. Следует отметить, что с 2010 г. рождаемость сельского населения Сибири превысила уровень простого воспроизводства с суммарным коэффициентом рождаемости, равным 2,31.

Таким образом, депопуляция может возобновиться с новой силой, и нужно быть готовыми к этому. Необходимо значительно усиливать меры поддержки рождаемости. Нисколько не преуменьшая значение высокой смертности, все-таки ключевой составляющей депопуляции следует считать низкую рождаемость. Поскольку если поколения детей малочисленнее поколений родителей на протяжении некоторого времени, то рано или поздно с неизбежностью наступит депопуляция: количество умерших будет превышать количество родившихся.

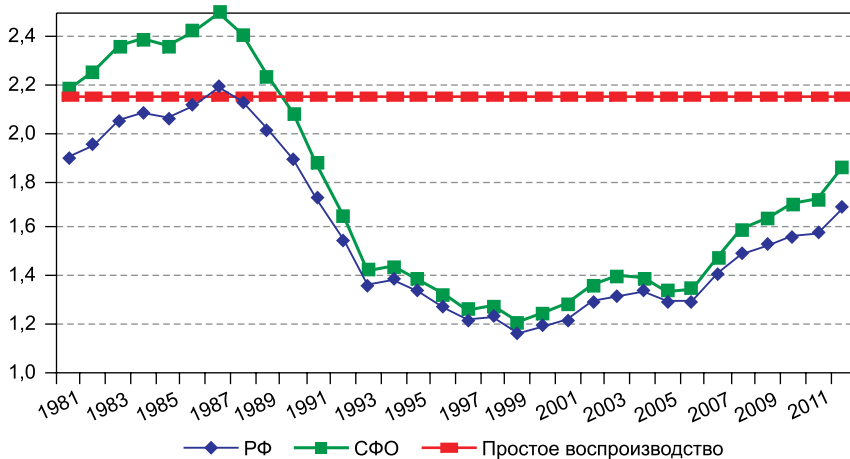

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Сибирском федеральном округе за 1981–2012 гг.

С другой стороны, ближайшие годы – последний наиболее благоприятный период для активизации мер государственной поддержки семей с детьми. В настоящее время в России имеется наибольшее количество молодежи самых активных репродуктивных возрастов (см. рис. 2). Кроме того, это последнее поколение, в котором более половины были детьми второй и последующей очередности рождения. Они в большей степени, чем единственные в семье дети, являются носителями ценности двух-трехдетной семьи. После 2010 г. вступают в репродуктивный период поколения, где преобладают единственные дети.

Для того чтобы в долгосрочной перспективе наше население не убывало, необходимо, чтобы на смену двум родителям приходили двое детей, т.е. суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину за репродуктивный период) был не менее 2,15, – это уровень простого воспроизводства населения при текущей смертности. Однако из-за особенностей российской половозрастной пирамиды, даже если мы в ближайшее время каким-то чудесным образом достигнем суммарного коэффициента рождаемости 2,15, т.е. воспроизводить себя будут только репродуктивные контингенты,

у нас еще много лет будет идти депопуляция за счет накопленного неблагоприятного для воспроизводства потенциала из-за того, что будут вымирать старшие, более многочисленные поколения (см. рис. 2). Следовательно, нужно, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был еще выше. Отсюда приходим к выводу, что **целевым ориентиром для нашей демографической политики должна стать семья с тремя-четырьмя детьми**, поскольку только такая семья способна вытащить Россию из трясины депопуляции. Именно такая семья должна получить наибольшую экономическую и моральную поддержку со стороны государства и общества.

Однако данные социологических обследований еще не так давно показывали снижение ценности семейного образа жизни, ослабление потребности в двух и более детях, благоприятное отношение к одноклетности и явное повышение ценности бездетной семьи. Например, по данным всероссийского опроса 1600 мужчин и женщин, проведенного «Левада-центром» в июне 2006 г., среднее число детей, которое семья может себе позволить, составило 1,57. При этом 10% респондентов заявили, что лучше не иметь детей вообще, чтобы не ущемлять себя. Опросы также показали, что чем больше разъединение и отчуждение между старшим и младшим поколениями, тем сильнее малодетные и внесемейные ориентации у респондентов. У молодежи желаемое количество детей становится меньше по сравнению с более старшими поколениями. Результаты переписи свидетельствуют о все большем распространении внебрачных сожителств (табл. 1), что, конечно, отнюдь не способствует высокой рождаемости, так как брачное состояние является важнейшим фактором, влияющим на уровень рождаемости. Даже только откладывание регистрации брака зачастую ведет к откладыванию рождения детей, которое может и не реализоваться вовсе, например, по причине ухудшения здоровья, развода, экономического кризиса с сопутствующими ему ростом безработицы или угрозой потери работы, снижением доходов и т.д.

Другая проблема заключается в том, что все больше людей не только не хотят, но и не могут иметь детей по причине плохого здоровья, в том числе бесплодия (подробно об этом см. в работах [4, 5]). Частота бесплодных браков в России составляет 15–20%. По данным

Таблица 1

Доля состоящих в незарегистрированном браке, по данным переписи населения 2010 г., % от числа состоящих в браке

Возраст, лет	Женщины (18–44 года)	Мужчины (18–59 лет)
До 25	27,6	33,1
25–29	17,4	19,5
30–34	16,2	16,5
35–39	15,2	15,9
40 и старше	13,5	11,8

ВОЗ, показатель 15% является критическим, при котором бесплодие может рассматриваться как фактор, значительно влияющий на демографические показатели в стране и представляющий собой серьезную государственную проблему. Важнейшими причинами бесплодия являются перенесенные аборт и заболевания, передающиеся преимущественно половым путем.

Аборты² не только существенно снижают текущую рождаемость (в 2 раза и более), но и сокращают рождаемость в будущем через рост заболеваемости репродуктивной сферы, в том числе бесплодия, и проблем с вынашиванием и рождением детей в будущем, ослабляют здоровье будущих матерей и их новорожденных детей. По закону наше государство, которое более двух десятков лет находилось в состоянии депопуляции, включает данный вид хирургической операции в перечень «услуг», финансируемых за счет обязательного медицинского страхования наравне с медицинской помощью в случае беременности, родов и в послеродовом периоде, т.е. бесплатно для желающих. Несмотря на уменьшение числа абортов, их количество все еще оста-

² Россия стала первой в мире страной, узаконившей аборт. В 1920 г. вышло постановление СНК «Об искусственном прерывании беременности», которое допускало бесплатное производство операции по прерыванию беременности по желанию женщины. В западных странах подобное регулирование появилось на 40–50 лет позже: например, в 1967 г. – в Великобритании, в 1973 г. – в США, в 1975 г. – во Франции и Австрии, в 1976 г. – в ФРГ, в 1978 г. – в Италии.

ется очень большим, а это важнейший интегральный показатель социального неблагополучия. Причем данные официальной статистики не учитывают аборт, производимых в частных клиниках, в которых прерывание беременности на любом сроке – это лишь вопрос уплаченной суммы, а также фармакологических безоперационных аборт на ранних сроках.

В СФО только с 2008 г. официальное число аборт стало меньше числа родов. По этому показателю в 2012 г. СФО занимал третье место среди федеральных округов (66 аборт на 100 родов) после Дальневосточного и Уральского (78 и 69 соответственно, в РФ – 56). Особенно неблагополучна ситуация с абортами в Новосибирской области, которая на протяжении длительного времени занимает устойчивое первое место в СФО. Только в 2011 г. число аборт в ней стало меньше числа родов (94), а в 2002 и 2006 гг. (201 и 172 соответственно) область занимала первые места в стране по этому показателю.

Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции бы не было. Оценка демографических потерь, связанных с абортами, показывает огромные резервы восстановления численности российского населения в XXI в. и возможности роста его демографического потенциала.

Без изменения системы ценностей рассчитывать на повышение уровня рождаемости при условии улучшения материального положения нельзя. Необходимо проводить работу по созданию привлекательного образа устойчивой семьи с детьми через средства массовой информации, образовательные программы, рекламу и т.д. Нужно воспитывать у молодежи ответственное отношение к материнству и отцовству, к продолжению рода, в том числе к сохранению и укреплению своего здоровья как основы здоровья будущих поколений. Следует показывать больше положительных, созидательных примеров из жизни. В связи с этим необходимо в корне пересмотреть политику в отношении СМИ, и в первую очередь телевидения, которые стали средством морального разложения общества, внедрения в общественное сознание негативных образцов поведения, как общественного, так и семейного, жесткой и ежедневной пропаганды образа жизни, весьма далекого от традиционных ценностей. Разрушительные образы, тира-

жируемые масс-медиа, оказывают самое негативное влияние на нашу жизнь и, таким образом, подрывают национальную безопасность страны, в том числе демографическую.

В соответствии с планом мероприятий по реализации в 2011–2015 гг. второго этапа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в сентябре–октябре 2012 г. Росстатом было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в 30 субъектах Федерации [6]. Для выявления репродуктивных ориентаций определялось желаемое и ожидаемое число детей (табл. 2). Эти показатели традиционно используются в отечественных исследованиях репродуктивного поведения.

Немногим более половины (51,7%) опрошенных женщин и 47,8% мужчин при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а около четверти респондентов (24,9% женщин и 24,3% мужчин) – троих. В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (50,3% женщин и 47,9% мужчин). Ограничиться

Таблица 2

Распределение женщин и мужчин по желаемому и ожидаемому числу детей, 2012 г., % опрошенных

Число детей	Женщины		Мужчины	
	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	0,7	1,8	1,9	4,3
1	12,3	24,2	12,5	21,8
2	51,7	50,3	47,8	47,9
3	24,9	13,3	24,3	14,6
4	4,0	2,1	4,1	2,2
5 и более	2,7	0,9	4,1	1,2
Трудно сказать	3,6	7,2	5,3	7,9
Среднее	2,28	1,92	2,30	1,92

одним ребенком собирались 24,2% женщин и 21,8% мужчин, а троих и более детей намеревались иметь 16,3% женщин и 18% мужчин. Среднее желаемое число детей у мужчин на 0,02 выше, а среднее ожидаемое число детей у женщин и у мужчин совпало. При этом среднее ожидаемое число детей (1,92) выше, чем в среднем имеют сейчас женщины, заканчивающие процесс деторождения. Интересно, что оно почти совпадает с целевым ориентиром суммарного коэффициента рождаемости в Концепции демографической политики – в 1,5 раза больше уровня 2006 г. (1,3), т.е. 1,95. Следует также отметить рост среднего ожидаемого числа детей в российских семьях как для женщин, так и для мужчин: в 2009 г. по результатам аналогичного выборочного обследования «Семья и рождаемость» этот показатель составлял для женщин 1,72, для мужчин – 1,9 [7].

Среди причин, мешающих рождению ребенка при наличии желания иметь еще детей, доминируют материальные трудности, неуверенность в завтрашнем дне и жилищные проблемы (табл. 3). Затем стоят проблемы, связанные с устройством ребенка в дошкольные учреждения (или «не с кем оставить ребенка, когда жена начнет работать»). Наименьшее влияние оказывают стремление интереснее проводить досуг и нежелание родственников. Обращают на себя внимание высокая (выше трети) доля причин, связанных с отсутствием мужа (жены), большой занятостью на работе и дома, отсутствием работы, и неудовлетворительное состояние здоровья.

Поражает уровень среднедушевых доходов в российских семьях, зафиксированный в 2009 г. в выборочном обследовании «Семья и рождаемость» [7] (табл. 4). Опрос проводился среди супружеских пар и незамужних матерей. Почти треть опрошенных имели уровень среднедушевых доходов ниже уровня выживания и больше половины – не выше 1,5 прожиточного минимума. Это, конечно, не может не оказывать негативного влияния на всю демографическую сферу. И даже в таких условиях люди, рожая детей, сознательно идут на существенное снижение своего материального уровня на многие годы, а иногда и на всю жизнь, в том числе из-за особенностей российского менталитета, поскольку в России родители часто помогают уже взрослым детям и внукам.

Таблица 3

Оценки причин, мешающих рождению ребенка при желании иметь большее число детей, 2012 г., % от числа ответов по каждой причине*

Причина	Женщины	Мужчины
Материальные трудности	75,4	70,6
Неуверенность в завтрашнем дне	71,3	67,8
Жилищные трудности	60,2	54,8
Трудно устроить ребенка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	49,5	41,2
Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	44,2	36,7
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (детей)	37,3	28,3
Отсутствие мужа (жены)	36,7	35,8
Большая занятость на работе	36,7	34,8
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому, сильно устаю (жена сильно устает) из-за «двойного рабочего дня»	36,4	35,1
Отсутствие работы	36,0	37,7
Неудобный режим работы	33,9	29,3
Неудовлетворительное состояние моего здоровья	32,8	28,2
Боязнь ущемить интересы имеющих детей	29,1	25,3
Сложности во взаимоотношениях в семье	28,7	25,9
Стремление достичь успехов в работе	27,7	23,7
Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	26,2	26,9
Нежелание мужа (жены)	24,4	33,7
Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены)	21,6	30,6
Стремление интереснее проводить досуг	18,2	20,9
Родственники пока против рождения еще ребенка (детей)	16,1	11,7

* Остальные ответили, что данный фактор «не мешает» иметь ребенка.

Таблица 4

Распределение женщин и мужчин по среднедушевому доходу в семье, выраженному в региональных прожиточных минимумах, 2009 г., %*

Доход в региональных ПМ	Женщины	Мужчины
0–1	31,4	28,5
1,001–1,500	26,5	25,4
1,501–2,000	16,4	17,0
2,001–2,500	11,2	12,8
2,501 и выше	14,5	16,2

* При расчетах использовалась величина прожиточного минимума (на конец августа 2009 г.) в регионах, попавших в выборку.

Иметь детей в современных условиях экономически невыгодно, тем не менее воспитание ребенка является важнейшей жизненной целью для подавляющего большинства опрошенных женщин и занимает первое место, и только на втором месте у них материальное благополучие, а на третьем – собственное жилье. У мужчин ситуация несколько отличается: на первом месте – материальное благополучие, на втором – воспитание ребенка, на третьем – собственное жилье. Цель вырастить двоих детей оценили как очень важную почти две трети женщин и мужчин – 61,6 и 64,1% соответственно. Цель иметь троих детей очень важна для 13,2% женщин и 17,1% мужчин. Цель иметь двоих детей, так же как и цель иметь троих детей, для мужчин более значима, чем для женщин (табл. 5).

Таким образом, несмотря на все принимаемые меры и положительные сдвиги в изменении демографической ситуации, **в числе важнейших задач органов власти остается решение тех проблем современной семьи, которые обусловили существование в нашей стране феномена отложенных рождений:** бедности, отсутствия жилья или плохих жилищных условий, отсутствия условий для сочетания трудовой деятельности с родительскими обязанностями, отсутствия полноценной инфраструктуры для оказания качественных и доступных каждой семье социальных услуг.

Таблица 5

**Оценка женщинами и мужчинами степени важности лично для них
жизненных целей**

Цель	Женщины		Мужчины	
	Средний балл	% давших оценку «5»	Средний балл	% давших оценку «5»
Собственное благоустроенное современное жилье	4,69	81,5	4,72	82,0
Жить в зарегистрированном браке с супругом, своей семьей	4,25	66,1	4,46	72,2
Воспитать ребенка	4,88	92,5	4,81	88,1
Материальное благополучие	4,80	85,6	4,85	88,5
Получить образование, постоянно повышать квалификацию	4,08	47,8	3,87	42,2
Иметь свое собственное семейное дело, чтобы работать только в нем	3,25	28,1	3,71	43,8
Вырастить двоих детей	<i>4,04</i>	<i>61,6</i>	<i>4,22</i>	<i>64,1</i>
Иметь успех, продвижение на работе	4,13	49,6	4,36	59,0
Интересно проводить досуг	3,99	40,4	4,04	43,7
Много общаться с друзьями	3,56	26,9	3,65	27,3
Иметь троих детей	<i>2,19</i>	<i>13,2</i>	<i>2,46</i>	<i>17,1</i>
Быть свободной, независимой и делать то, что хочу только я	2,41	14,5	2,60	14,9

Нельзя сворачивать мероприятия, которые уже доказали свою эффективность. В частности, речь идет о материнском капитале, с предложениями отменить который после 2016 г. выступало Министерство финансов РФ. Наоборот, нужно усиливать и расширять меры поддержки семей с детьми, так как впереди нас ждут очень сложные времена на фоне развивающегося мирового кризиса. Материнский капитал помогает семьям иметь желаемое число детей, т.е. более полно удовлетворить потребность в детях и родить больше детей, чем планировали. Важнейшее отличие материнского капитала от пособий, которыми

предлагалось его заменить, состоит в том, что он способствует решению жилищных проблем семей с детьми. Проблема с жильем стоит на третьем месте в списке причин, препятствующих рождению детей, и актуальна для более чем половины семей (см. табл. 3). Кроме того, материнский капитал стимулирует жилищное строительство, а значит, и развитие экономики, в том числе увеличение занятости и пополнение местных бюджетов, особенно на селе и в малых городах, т.е. положительно влияет на региональное развитие. Почти весь материнский капитал (97%) расходуется на жилье, 60% ипотечных кредитов берется с использованием материнского капитала [8].

Следует отметить, что заложенный в конце прошлого столетия негативный потенциал еще не успел развернуться во всю силу, и общество пока далеко не в полной мере осознает будущие угрозы, когда в трудоспособный и репродуктивный возраст вступят малочисленные поколения с худшими показателями здоровья, рожденные в годы реформ. Это скажется на всех сферах жизни российского общества, в том числе на динамике ВВП. Небольшая передышка, подаренная «застойным» СССР 1980-х годов, не должна служить поводом к успокоению относительно того, что демографическая проблема решена и может быть снята с повестки дня, а должна стать временем для дальнейшего наращивания усилий с целью преодоления негативных последствий политики 1990-х годов.

Президент В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в мае 2006 г. большое внимание уделил вопросам демографии, назвав самой острой проблемой современной России именно демографическую проблему и признав, что положение в этой сфере критическое³. На заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 26 февраля 2013 г. президент отметил: «В культуре нашего народа – любовь к детям, безусловная ценность многодетной семьи. Напомню, что в начале XX века в российских семьях, причем как в дворянских, так и в крестьянских, в среднем было 6–7 детей. Сейчас у нас на одну маму приходится меньше двух ребятишек. Но социологи подтверждают: значительное число наших граждан хотело бы, чтобы в семье было трое

³ Результаты реализации последующих мер российского государства в этой приоритетной сфере деятельности отражены на рис. 1, 3 и 4.

детей и больше. Особенно велико желание продолжать род, воспитывать детей у сельских жителей. Кстати, в городах 5 процентов семей – многодетные; в сельской местности 13 процентов имеют трех и более детей. Надо создать все условия для того, чтобы миллионы российских семей смогли сделать свое стремление, свою мечту о детях реальностью, убрать те препятствия, которые мешают семьям рожать и воспитать детей. Решение этих проблем должно определить дальнейшее содержание демографического проекта. ...Многодетная, традиционная семья должна вновь стать символом России. И вокруг этой задачи мы должны объединить усилия государства, общества, религиозных организаций, отечественной культуры, всех неравнодушных граждан нашей страны» [3].

Литература

1. **Соболева С.В.** Приоритеты и важнейшие направления демографической политики Сибири // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 83–95.
2. **Васильева М.** Ученые США: Россия стремительно вымирает. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/08/100806_russia_demography_us_research.shtml (дата обращения 31.01.2014).
3. **Заседание** Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике (стенограмма). – URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17586> (дата обращения 31.01.2014).
4. **Перспективы** и риски развития человеческого потенциала в Сибири / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с.
5. **Григорьев Ю.А., Соболева С.В.** Современное состояние репродуктивного здоровья как фактор сокращения рождаемости населения Сибири // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 2 (78). – С. 215–236.
6. **Аналитический** отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (дата обращения 31.01.2014).
7. **Краткие** итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения 31.01.2014).
8. **Семьям** будет дано больше прав на использование маткапитала. – URL: <http://izvestia.ru/news/558962> (дата обращения 31.01.2014).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.02.2014 г.

УДК 314.3

ББК 60.5+60.7

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 116–136

ЛОВУШКА НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В МОСКВЕ: ВЫСОКООБРАЗОВАННЫЕ БЕЗДЕТНЫЕ?

Т.М. Малева, А.О. Тындик

*Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

Аннотация

Анализируется фактическое и нормативное репродуктивное поведение жителей г. Москвы. Показано, что высокие темпы рождаемости в Москве в значительной мере определяются миграционными притоками с периферии женщин репродуктивных возрастов. С использованием данных социологического обследования «Москва и москвичи» выявлены характер связи между уровнем образования и рождением детей и отличия по этим показателям Москвы от России в целом. Показано, что в Москве значимые масштабы приобретает явление бездетности. Самое большое влияние на снижение рождаемости оказывает рост уровня образования у женщин, а от доходов семьи количество детей почти не зависит. Вместе с ростом доли бездетных семей растет и общественная лояльность к этому явлению. «Перманентное откладывание» рождения детей – результат смещения приоритетов в пользу образования и карьеры, и оно чревато перерастанием в бездетность. Москву, с ее ориентацией на новые социальные модели поведения в демографической сфере, во многом следующие моделям поведения жителей западных мегаполисов, можно рассматривать как регион-инноватор, который со временем транслирует свои практики другим крупным городам России. Распространение феномена чайлдфри в российских мегаполисах, которые не имеют столь мощной миграционной подпитки, как Москва, может привести к нарастанию проблем, связанных с низкой

рождаемостью. В статье даются рекомендации относительно перспектив социально-демографического развития региона.

Ключевые слова: Москва, демографическая ситуация, рождаемость, эмпирические данные, образование, феномен чайлдфри

Abstract

The article analyzes actual and normative reproductive behavior of the Muscovites. It demonstrates that high birth rate in Moscow is largely determined by women of reproductive age who are migrating from province. Having used data of sociologic study entitled *Moscow and the Muscovites* (*Moskva i moskvichi*), we define the character of relation between education and birth rate, as well as how the figures differ in Moscow and in Russia in whole. The paper discusses a childfree phenomenon which is spreading widely in Moscow. It is the growing women's education level that influences the most on declining birth rate, while family income practically does not affect the number of children. The more the proportion of childless families is, the less judgmental the society becomes. Constant delay in giving birth is the result of shift in priorities towards education and career fraught with childlessness. Moscow with its demographic development and a focus on new social behavior patterns, largely following those of western cities, can be considered as an innovative region that will eventually translate its practices to other major Russian cities. An expanding childfree phenomenon in Russian megalopolises which lack such a strong migration inflow (as Moscow has) may lead to aggravation of low birth rate problems. We give recommendations on further socio-demographic development of the region.

Keywords: Moscow, demographic situation, birth rate, empiric data, education, childfree phenomenon

Демографические детерминанты – низкая рождаемость и старение населения во многом задают направление и пределы социально-экономического развития страны на макроуровне. Неравномерность регионального демографического развития, а часто и разнонаправленность его векторов свидетельствуют о том, что в современной России не только сложилось устойчивое воспроизводство неравенства социально-экономического развития регионов, но и сформировались различные модели репродуктивного поведения населения [1]. Традиции

онные модели с установкой на большое число детей в семье, практикуемые в некоторых южных и алтайских регионах, соседствуют с инновационными моделями, распространяющимися в крупных городских агломерациях, для жителей которых на первый план выходят усиление конкуренции на рынке труда и обострение дилеммы «рождение или занятость?». От того, каким темпом и в каком направлении идут процессы трансформации модели рождаемости в России и ее регионах, будет зависеть демографическое будущее страны. Взвешенный подход к демографической политике возможен только при детальном изучении актуальных тенденций репродуктивного поведения населения, и прежде всего в его региональном измерении. В первую очередь это касается регионов, продвинувшихся по пути трансформации модели рождаемости. Москва, так же как и во многих других областях социально-экономического развития, в демографических координатах относится к регионам-инноваторам: в последние годы здесь наблюдаются рост рождаемости, увеличение продолжительности жизни, интенсивный миграционный приток.

Наиболее важным достижением Москвы считается рост рождаемости, который совпал с введением в действие мер демографической политики. В этой связи возникают вопросы: в чем состоят особенности модели рождаемости в Москве и вправе ли мы ожидать, что эти особенности со временем станут нормой для других территорий страны?

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И РЕПРОДУКТИВНЫМИ УСТАНОВКАМИ

В Москве наблюдается ежегодный прирост числа рождений, а с 2007 г. он особенно сильный. Ключевым фактором этого роста выступает возрастная пирамида населения, а именно то, что последние годы характеризовались наличием многочисленных поколений наиболее активных репродуктивных возрастов. Это «эхо» высокого числа рождений середины 1980-х годов. Эксперты в области демографии и народонаселения ожидают, что в ближайшее время ежегодные числа родившихся станут ниже в связи с тем, что на смену придут малочисленные поколения, рожденные в начале 1990-х годов. Эта ситуа-

ция характерна для России в целом, однако в отношении Москвы есть два немаловажных момента. Во-первых, возрастная кривая рождений здесь значительно смещена к поздним возрастам. Население Москвы характеризуется наибольшей склонностью к откладыванию рождения первенца, и это означает, что часть женщин из сегодняшних многочисленных поколений активных репродуктивных возрастов еще будет «добирать» свои рождения в ближайшие годы. Во-вторых, высокий миграционный прирост Москвы за счет юношей и девушек из других регионов России продолжит сглаживать объективное падение числа рождений.

Субъект Федерации г. Москва характеризуется самым высоким уровнем образования населения, и это важнейший фактор, определяющий как социальную, так и демографическую ситуацию в столичном регионе. Образование – один из наиболее весомых социальных факторов, дифференцирующих рождаемость. На макроуровне снижение рождаемости в странах Запада и бывших республиках СССР, происходившее в течение последних десятилетий, нередко связывают именно с ростом образованности женщин¹. Связь между получением образования и рождением ребенка имеет три направления:

- репродуктивные намерения или фактические рождения детей оказывают влияние на дальнейшие планы в отношении образования. Рождение ребенка в период обучения нередко приводит к его досрочному завершению;
- внешние детерминанты могут влиять и на образовательные, и на репродуктивные биографии;
- образование оказывает комплексное воздействие на нормативное и фактическое репродуктивное поведение.

В контексте заинтересованности властей в развитии ответственного родительства и повышении рождаемости в семьях с высоким потенциалом человеческого капитала важно понимать различия в репродуктивном поведении населения с разным образовательным уровнем. Прежде всего, образование является источником формирования даль-

¹ См., например, работу [2].

нейшего социально-экономического положения индивида, влияя и на возможности данного индивида на рынке труда, и на величину его потенциальных доходов. В более широком контексте образование населения выступает основополагающим фактором модернизации общества, которая приводит к изменению всего комплекса социальных норм поведения, в том числе репродуктивного.

Несмотря на то что демографическая ситуация в Москве благополучна, что следует из регулярных статистических данных, мы по-прежнему очень мало знаем о реальных процессах в этой сфере. Является ли рост рождаемости результатом изменения в репродуктивном поведении жителей Москвы? Насколько этот процесс устойчив? Действительно ли уровень образования женщин имеет столь выраженное влияние на модели репродуктивного поведения? Статистика не может ответить на эти вопросы, и на помощь приходят выборочные социологические исследования².

Репродуктивные установки, подвергаясь изменениям на протяжении жизненного пути индивида, изначально формируются в детстве и опираются на модель родительской семьи. Так называемая «ловушка низкой рождаемости»³ состоит в том, что по мере снижения числа детей в семьях начинают снижаться и репродуктивные установки у следующих поколений. На рисунке 1, где показан размер родительской семьи респондентов, видно нарастание доли тех, кто воспитывался единственным ребенком в семье: с 17% в самой старшей возрастной группе до 44,1% в группе 18–29-летних. Среди самых молодых респондентов доля выходцев из однодетных семей уже превысила долю тех, кто имеет только брата или сестру (по матери).

Обследование «Москва и москвичи» позволяет выделить уровень образования у матери респондента лишь в том случае, когда она про-

² Настоящая статья опирается на эмпирические данные обследования «Москва и москвичи», проведенного Институтом гуманитарного развития мегаполиса в 2013 г. по репрезентативной общегородской выборке (N = 3109). Оно позволяет проанализировать не только фактическое репродуктивное поведение москвичей, но и нормативные представления мужчин и женщин о том, сколько детей им следует иметь.

³ Концепция «low-fertility trap hypothesis» была опубликована в работе [3].

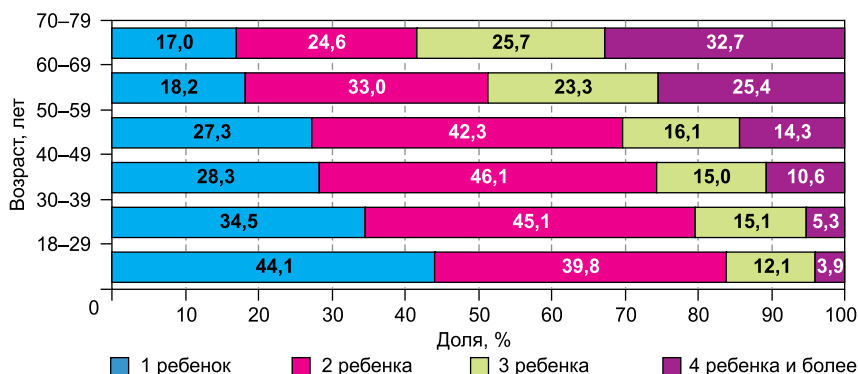

Рис. 1. Распределение семей респондентов по числу детей у их матерей в разрезе возрастных групп респондентов

живает вместе с ним в одном домохозяйстве (табл. 1). Анализ этой подвыборки показал, что чем выше уровень образования у матери респондента, тем меньше у нее было детей.

Среди респондентов с высшим образованием доля тех, у кого было не более одного брата или одной сестры, максимальна, тогда как в группах с низким уровнем образования больше представительство выходцев из многодетных семей. Считается, что от числа детей в родительской семье зависит желаемое число детей (то число детей, которое хотел бы иметь респондент при наличии всех необходимых условий). Действительно, у единственных детей выше, чем у прочих, установки на бездетность (10,9%) и однодетность (37,6%), тогда как

Таблица 1

Распределение матерей респондентов по числу детей в разрезе уровня образования матерей, % по строке

Уровень образования	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
Начальное профессиональное и ниже	36,2	50,9	12,9
Среднее профессиональное	53,2	34,2	12,6
Высшее	67,2	27,6	5,2

Таблица 2

Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе числа детей у их матерей, % по строке

Число детей у матери респондента	Желаемое респондентом число детей				
	Без детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
1 ребенок	10,9	37,6	38,6	11,6	1,4
2 ребенка	4,1	24,2	54,5	14,6	2,5
3 ребенка	2,6	23,2	50,3	19,4	4,5
4 ребенка и более	3,0	9,4	54,5	26,1	7,0

установки на двухдетность уже значительно ниже: 38,6% против 50–54% по остальным респондентам (табл. 2). Учитывая тот факт, что репродуктивные установки реализуются, как правило, не полностью, можно ожидать, что в дальнейшем доля однопородных и даже бездетных мужчин и женщин в Москве будет только нарастать.

Уровень образования выступает хорошим индикатором ценностных установок индивида, а получение высшего образования нередко связано с высокими карьерными устремлениями. Показателем, отражающим ценностное влияние образования на репродуктивное поведение, также служит желаемое число детей. Оно позволяет выявить на уровне установок отклонение от господствующей социальной нормы двухдетной семьи.

Следует отметить, что во избежание неверного толкования структурных эффектов необходимо учитывать различия в образовательном уровне у разных поколений. Чем шире та или иная образовательная группа, тем она разнороднее. На текущий момент это особенно актуально в отношении высшего образования, которое становится все более массовым. Среди респондентов с высшим образованием, особенно в младших и средних репродуктивных возрастах, выше доля тех, кто предпочитает остаться бездетным. При этом по сравнению с лицами со средним профессиональным образованием у них выше установки на двухдетность и ниже – на однопородность. Группа лиц 30–39 лет со

Таблица 3

Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе возраста и уровня образования респондентов, % по строке

Уровень образования	Возраст, лет	Желаемое респондентом число детей			
		Без детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
Начальное профессиональное и ниже	18–29	5,7	22,5	58,2	13,6
	30–39	8,1	38,5	35,2	18,1
	40–49	2,3	21,0	56,5	20,3
Среднее профессиональное	18–29	10,2	22,0	50,9	16,9
	30–39	4,6	29,8	45,0	20,6
	40–49	5,6	32,9	38,8	22,7
Высшее	18–29	12,6	16,5	57,1	13,8
	30–39	7,1	23,3	47,8	21,9
	40–49	4,3	35,3	42,3	18,0

средним профессиональным образованием демонстрирует отклоняющиеся от средних значения, но это можно считать скорее выбросом, нежели тенденцией (табл. 3). В целом нужно учитывать, что лица с образованием начальным профессиональным и ниже становятся в Москве все более узкой и маргинальной социальной группой и их поведение может значительно отличаться от поведения остальных.

Как правило, у мужчин прослеживается положительная взаимосвязь между желаемым числом детей и достигнутым уровнем образования. Здесь может сказываться эффект дохода: у мужчин экономическая отдача от образования относительно высока и, значит, выше возможности для воспитания нескольких детей. В связи с тем, что в российском обществе по-прежнему преобладает традиционное распределение ролей внутри семьи, косвенные издержки, связанные с воспитанием детей, для мужчин остаются низкими почти независимо от уровня их образования. Для женщин характерна «переверну-

тая» U-образная зависимость желаемого числа детей от достигнутого уровня образования.

Относительно новый, но, пожалуй, самый существенный феномен в модели рождаемости мегаполиса Москва – это выраженная тенденция к высокой доле окончательно бездетных, так называемый феномен чайлдфри, т.е. добровольный, осознанный и окончательный отказ людей от рождения детей. Согласно данным переписи, в Москве в поколении женщин 1970 г. рождения доля бездетных вплотную подходит к 15%⁴.

Обследование «Москва и москвичи» содержало два вопроса, позволяющих косвенно оценить отношение респондента к феномену бездетности. Первый из них подразумевал оценку респондентом того, насколько взрослый человек «может быть по-настоящему счастливым», будучи бездетным. По всем образовательным группам респондентов высока доля затруднившихся ответить: у мужчин от 14% среди имеющих высшее образование до 19,5% среди лиц со средним профессиональным образованием; у женщин эта доля несколько ниже – 10–15%. В целом, женщины традиционно более склонны поддерживать точку зрения, что «дети – необходимое условие для того, чтобы быть по-настоящему счастливым». Однако их мнения достаточно различаются по образовательным группам. Так, если среди женщин с образованием начальным профессиональным и ниже только 14,6% склонны полагать, что быть счастливым можно и не имея детей, то среди женщин с высшим образованием высказывающих такое мнение уже 20,9%. С учетом затруднившихся ответить только для примерно двух третей высокообразованных женщин дети остаются необходимым условием счастья. У мужчин оценки еще более либеральные. Вторую точку зрения поддерживают 23–29%, а с учетом затруднив-

⁴ Уровень бездетности в ныне рождающих поколениях в Восточной Европе составляет от 5% в Болгарии до 15% в России. В Западной и Северной Европе бездетность стабилизируется на уровне примерно 20%, а в Восточной Азии и Южной Европе бездетных женщин 25–30%. В нашей стране сегодня, по данным Федеральной службы государственной статистики, из 42 млн российских семей 48% не имеют детей, причем лишь 5 млн – по медицинским показателям [4].

Таблица 4

Оценочные суждения* респондентов в отношении бездетности в разрезе образовательных групп, %**

Уровень образования	Разделяют первую точку зрения	Разделяют вторую точку зрения	Затруднились ответить
<i>Мужчины</i>			
Начальное профессиональное и ниже	52,5	29,0	18,6
Среднее профессиональное	56,6	23,9	19,5
Высшее	60,0	26,0	14,0
<i>Женщины</i>			
Начальное профессиональное и ниже	70,4	14,6	14,9
Среднее профессиональное	73,1	17,0	9,8
Высшее	69,1	20,9	10,0

* Распределение ответов на вопрос: «Одни считают, что если у взрослого, зрелого человека нет детей, то он не может быть по-настоящему счастливым. Другие – что человек может быть по-настоящему счастливым, даже если у него нет детей. Какая точка зрения – первая или вторая – вам ближе?».

** Подвыборка респондентов репродуктивного возраста (18–49 лет).

шихся ответить 52,5–60% мужчин придерживаются традиционных взглядов (табл. 4).

Таким образом, среди столичного населения не только повышается число фактически бездетных, но и само явление бездетности становится социально приемлемым. Однако до сих пор открытым остается вопрос о том, в какой мере бездетность является добровольной, а в какой – вынужденной. Под вынужденной бездетностью мы понимаем как физическую невозможность иметь детей, так и декларирование нежелания их иметь под влиянием сложившихся жизненных обстоятельств. Для ответа на этот вопрос мы использовали подвыборку бездетных респондентов 18–49 лет. Бинарная логистическая регрессия

Таблица 5

Результаты логистического регрессионного анализа факторов, влияющих на установку на бездетность

Фактор	<i>B</i>	Exp(<i>B</i>)
Женщины		1 *
Мужчины	0,353	1,423*
18–29 лет		1 ***
30–39 лет	–0,328	0,720
40–49 лет	1,067	2,907***
3 ребенка и более в родительской семье		1 **
2 ребенка в родительской семье	0,690	1,994*
1 ребенок в родительской семье	1,059	2,882***
Имеет опыт совместного проживания с партнером		1
Нет опыта совместного проживания с партнером	0,037	1,037
Начальное профессиональное образование и ниже		1 *
Среднее профессиональное образование	0,676	1,967*
Высшее образование	0,718	2,050**
Средний и низкий уровни дохода		1
Высокий уровень дохода	0,350	1,419*
Мнение: «Человек не может быть счастливым без детей»		1 ***
Мнение: «Затрудняюсь ответить, можно ли быть счастливым без детей»	0,036	1,037
Мнение: «Человек может быть счастливым, даже если нет детей»	0,637	1,891***
Место рождения за пределами Москвы		1 *
Место рождения – Москва	0,572	1,773*
Мнение: «Брак нужно регистрировать сразу»		1 *
Мнение: «Сначала нужно пожить год-два, а потом регистрировать брак»	0,001	1,001

Окончание табл. 5

Фактор	<i>B</i>	Exp(<i>B</i>)
Мнение: «Официальная регистрация брака не обязательна»	0,646	1,908**
Nagelkerke R-squared	0,159	
Log likelihood	–348,5	
χ^2 (df), значим на $p < 0,01$	84,1 (14)	
Число наблюдений в модели	815	

* $p < 0,1$.** $p < 0,05$.*** $p < 0,01$.

оценивала желание респондента когда-либо иметь детей; зависимая переменная принимала значение 0, если респондент детей хотел, и 1 – если нет. В целом, среди бездетных респондентов 17% ответили, что не хотели бы иметь детей⁵. В качестве независимых переменных выступали пол, возраст респондента, а также его социально-экономические характеристики и установки в отношении феномена бездетности и регистрации брака (табл. 5).

Направления влияния статистически значимых факторов хорошо согласуются между собой. Если респондент – мужчина, то шансы, что он будет высказывать установки «чайлдфри» выше, чем если респондент – женщина (в 1,4 раза). Факт рождения в столице повышает шансы иметь установки на бездетность в 1,8 раза, а наличие относительно высокого уровня дохода (по субъективной оценке) – в 1,4 раза. Значимое влияние оказывают отсутствие братьев и сестер (повышает шансы в 2,9 раза), наличие среднего или высшего профессионального образования (в 2 раза). Склонность к суждениям «брак регистрировать не обязательно» и «человек может быть счастливым, не имея детей» также значимо повышает шансы на нежелание иметь детей (и то,

⁵ Для сравнения: по данным обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в целом по России доля таковых колеблется на уровне 5–6%.

и другое – в 1,9 раза). Наличие опыта совместного проживания с партнером (партнершей) или супругом (супругой) при контроле прочих факторов не оказывает статистически значимого влияния.

Однако отметим, что наибольший эффект имеет принадлежность к старшей возрастной группе. По сравнению с младшей группой при контроле прочих факторов принадлежность к старшей повышает отношение шансов в 2,9 раза. Это означает, что чем меньше реальных возможностей завести детей, тем больше проявляется склонность к оправданию фактической бездетности ценностными установками. Другими словами, не родив в молодом возрасте по тем или иным причинам, далее люди интерпретируют свою бездетность как собственное рациональное решение, но не факт, что это истинно добровольная бездетность. Это также означает, что нынешнее поколение бездетных еще не «настоящие чайлдфри», но движение в эту сторону в Москве уже началось. Важно, что происходит дальнейшее распространение установок на бездетность на более молодые поколения, и среди них доля чайлдфри может вырасти⁶.

Как было показано выше, респонденты, родившиеся за пределами Москвы, реже имеют установку на бездетность. Следует отметить, что молодые приезжие (в подавляющем большинстве внутренние мигранты) в целом отличаются более высокими репродуктивными установками. По сравнению с коренными москвичами они реже высказывают установки на одноплодность, чаще – на многоплодность. Более молодая возрастная структура приезжих предполагает, что они обладают высоким репродуктивным потенциалом. Несмотря на то что переезд и рождение детей – конкурирующие события, приезжие демонстрируют более высокие показатели детности по сравнению с москвичами (табл. 6). Таким образом, молодые внутренние мигранты способны оказывать постоянное позитивное воздействие на режим естественного воспроизводства населения в Москве.

Между тем интрига в отношении «новых москвичей» далеко не раскрыта. Всегда ли их репродуктивные планы превращаются в ре-

⁶ В Москве чайлдфри среди тех, кто не имеет детей, – 21% мужчин и 14% женщин [5].

Таблица 6

**Распределение респондентов по желаемому числу детей в разрезе
длительности проживания в Москве, % по столбцу в подгруппе**

Возраст, лет	Число детей	Длительность проживания в Москве		
		Всю жизнь (родился в Москве)	Более 10 лет	10 лет и менее
20–29	Без детей	13,0	6,6	3,7
	1 ребенок	19,2	18,1	16,6
	2 ребенка	56,1	51,2	55,2
	3 ребенка и более	11,7	24,1	24,4
30–39	Без детей	6,9	5,6	3,2
	1 ребенок	30,8	16,2	11,3
	2 ребенка	45,8	47,0	43,8
	3 ребенка и более	16,4	31,2	41,7
40–49	Без детей	4,5	2,2	1,4
	1 ребенок	32,3	20,5	20,5
	2 ребенка	46,7	49,1	52,2
	3 ребенка и более	16,5	28,2	25,9

альное репродуктивное поведение? Не происходит ли быстрое освоение молодыми провинциалками столичных стандартов и социальных норм? Все ли рожденные в Москве дети становятся москвичами? Например, студентки, обучающиеся в Москве и родившие детей, после завершения учебы вместе с детьми могут покинуть столичный регион и вернуться в регион выбытия. Коль скоро есть поколенческая связь между репродуктивным поведением людей, значит ли это, что дети «новых москвичей», как и их родители, также и в будущем склонны к большему числу детей, чем «москвичи со стажем»?

Эти и другие вопросы – предмет дальнейших исследований, но они уже сейчас имеют прямое отношение к демографическому будущему Москвы.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОБРАЗОВАНИЕМ И ФАКТИЧЕСКИМ РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Многочисленные эмпирические исследования не дают однозначного ответа на вопрос о форме зависимости между уровнем образования и фактическим репродуктивным поведением. Многие из них показывают, что высокообразованные женщины имеют меньшее число детей. Однако существуют также свидетельства и противоположной связи (в Великобритании, США, Норвегии и других странах⁷). Исходя из результатов анализа культурных и институциональных особенностей ряда стран есть основания полагать, что негативное влияние уровня образования на репродуктивное поведение населения проявляется чаще в тех странах, где издержки рождения и воспитания детей для женщин выше.

Согласно московским данным, среднее число детей, рожденных женщинами с высшим образованием, ниже по сравнению с числом детей, рожденных женщинами с другим уровнем образования (табл. 7). Среди мужчин средних возрастов самое меньшее число детей у тех, кто имеет образование начальное профессиональное и ниже. Однако в Москве это достаточно маргинальная группа, она может просто «не котируются» на брачно-семейном рынке.

Если в отношении связи уровня образования и числа детей дискуссии продолжаются, то в отношении влияния образования на возраст деторождения все проще: чем выше уровень образования, тем позднее происходит рождение первого ребенка. В рамках теории жизненного пути это объясняется конкуренцией событий и стремлением отложить рождение как минимум до окончания учебы [7, 8]. Касается это в первую очередь женщин, тогда как для московских мужчин зависимость носит U-образный характер (рис. 2). Среднее профессиональное образование «добавляет» у женщин почти год к среднему возрасту первого рождения, а высшее образование – уже два года.

Исходя из данных о желаемом и фактическом числе детей можно говорить о том, что лица с высшим образованием демонстрируют наи-

⁷ См. подборку исследований в работе [6].

Таблица 7

Распределение респондентов по общему числу рожденных детей в разрезе пола, уровня образования и возраста респондентов, % по строке

Уровень образова- ния	Возраст, лет	Общее число рожденных детей				В сред- нем
		Нет детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более	
Мужчины						
Начальное профес- сиональное и ниже	До 49	57,9	23,0	16,9	2,2	0,64
	50 и старше	8,7	31,6	48,5	11,2	1,64
Среднее профессио- нальное	До 49	40,2	44,2	11,2	4,4	0,80
	50 и старше	9,2	44,9	36,5	9,4	1,48
Высшее	До 49	45,5	36,0	16,6	2,0	0,76
	50 и старше	7,3	41,4	46,7	4,6	1,49
Женщины						
Начальное профес- сиональное и ниже	До 49	34,2	36,0	21,0	8,8	1,06
	50 и старше	8,9	33,6	50,3	7,3	1,58
Среднее профессио- нальное	До 49	24,8	46,1	25,4	3,7	1,08
	50 и старше	6,5	40,6	45,1	7,8	1,55
Высшее	До 49	37,9	46,9	13,6	1,7	0,79
	50 и старше	9,6	49,0	37,9	3,5	1,35

большее расхождение между ними (рис. 3). Тот факт, что желаемое число детей в зависимости от уровня образования меняется не столь сильно, как фактическое, указывает на разницу в культуре контрацептивного поведения и в отношении к незапланированным беременнос-

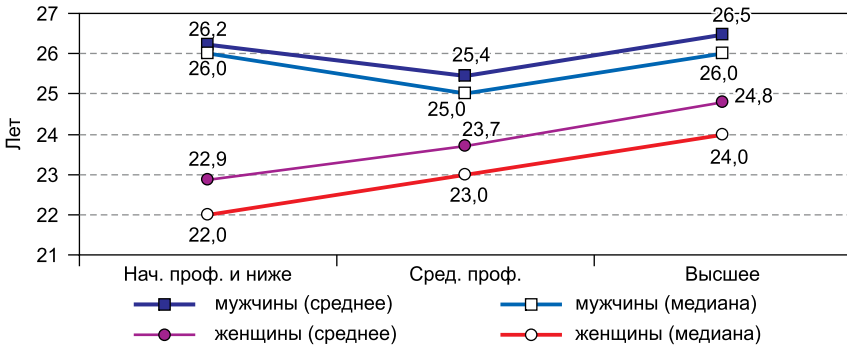

Рис. 2. Возраст рождения первого ребенка в разрезе пола и уровня образования респондента

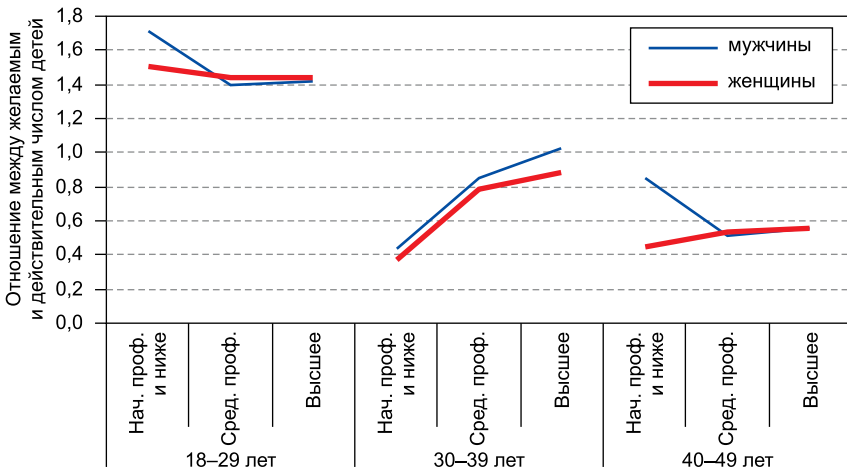

Рис. 3. Разрыв между желаемым и имеющимся числом детей по полу, возрасту и уровню образования респондента

там. Более образованные мужчины и женщины лучше планируют рождение детей, в частности чаще используют современные методы контрацепции и реже прибегают к такому методу регулирования рождаемости, как аборт [9].

* * *

За статистически фиксируемой позитивной демографической динамикой в Москве, и особенно за динамикой рождаемости, кроются сложные и порой противоречивые тенденции в репродуктивном поведении жителей мегаполиса. Специальное социодемографическое исследование «Москва и москвичи» показало, что репродуктивное поведение населения Москвы имеет отличительные особенности, в том числе это касается влияния уровня образования. Для России в целом характерны довольно единообразное поведение лиц с начальным и средним профессиональным образованием и резкий отрыв группы лиц с высшим образованием. В Москве, с ее более широкой группой высокообразованных, такого уже не наблюдается. Эта категория мужчин и женщин становится все более разнородной, и отличия нужно искать в разрезе специальностей или статуса высших учебных заведений. Они могут наблюдаться уже на уровне «московский вуз – провинциальный вуз», но проверить данную гипотезу на имеющемся материале нельзя. У нас есть основания полагать, что для Москвы более сильным фактором может оказаться уровень востребованности специальности на рынке труда. В то же время все острее проявляются отличия в поведении лиц с низким уровнем образования – начальным профессиональным и ниже. Эта категория среди лиц молодых и средних возрастов становится все меньше и постепенно маргинализируется.

Москва давно отличается самой «старой» рождаемостью в стране. Однако сегодня в регионе значимые масштабы, сопоставимые с таковыми в некоторых крупных западных городах, приобретает явление бездетности. Вместе с ростом доли бездетных растет и общественная лояльность к этому явлению. Можно утверждать, что среди московского населения она пока не норма, но социально допустимая жизненная позиция. И нельзя исключать опасного расширения феномена чайлдфри и превращения его в одну из социальных норм репродуктивного поведения жителей мегаполиса. Результаты исследования феномена бездетности показывают явные провалы современной демографической политики, ориентированной на стимулирование вторых и последующих рождений, в то время как для значительных по численности социальных групп, видимо, стоит вопрос о первых рождениях. Если не будет первых рождений, то стимулирование вторых и третьих не даст должного результата. Перед демографической поли-

тикой, таким образом, появились новые вызовы, связанные с урбанизацией и ростом образованности населения. Без учета этих факторов все труднее и труднее будет стимулировать рост рождаемости, опираясь на материальные и денежные стимулы, на которые в первую очередь опиралась демографическая программа последних лет.

Что можно противопоставить росту феномена бездетности? Прежде всего необходимо обратить внимание на информирование населения о репродуктивном здоровье. Процесс откладывания начала деторождения в России быстро набирает обороты. При этом низкая репродуктивная культура российского населения сказывается в том, что женщины, решающие родить ребенка после 30 лет, впервые обращаются в женские консультации и только тогда обнаруживают проблемы с репродуктивной функцией. Нераспространенность вспомогательных репродуктивных технологий также препятствует реализации их намерений. «Перманентное откладывание» рождения детей, свойственное людям с высшим образованием, – это не просто результат смещения приоритетов в пользу образования и карьеры. Оно чревато перерастанием в бездетность, которая часто интерпретируется людьми как добровольное решение, но реальной ее причиной является то, что эти люди не успели родить детей в более молодых возрастах. Бездетность такого рода можно также предотвратить широкой программой информирования населения о репродуктивном поведении и опасностях чрезмерно длительного откладывания рождений.

Информирование о рисках – важный, но не единственный инструмент демографической политики. Более полная реализация репродуктивных установок населения из разных образовательных групп возможна за счет осуществления политики, отвечающей интересам каждой из них. Женщины с высоким уровнем образования и ориентированные на карьеру (особенно те, кто уже на момент рождения ребенка занимает руководящие позиции), зачастую не полностью используют даже оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до полутора лет. И если проблема обеспечения местами в детских садах детей от трех лет в Москве практически решена, то совсем иначе обстоят дела с возможностью устройства детей в ясельные группы с полутора или двух лет, – уже сегодня явно выражена неудовлетворенность потребности москвичей в «ранних яслях».

Откладывание рождений для женщин, ориентированных на образование и карьеру, – долгосрочная и глобальная демографическая тенденция, уже проявившаяся в большинстве западных стран. Москва, судя по всему, движется по аналогичной траектории. Бессмысленно противодействовать глубинным изменениям в социальных и демографических стратегиях людей, добровольно делающих выбор относительно того, сколько иметь детей и когда. Однако целесообразно содействовать более ранним рождениям в тех случаях, когда женщины хотели бы родить ребенка раньше, но не могут реализовать свои намерения из-за многочисленных барьеров, как то: конфликт между занятостью (учебой) и уходом за ребенком, отсутствие жилья и социальной инфраструктуры, низкий уровень доходов и проч. В этом отношении любые действия по устранению таких барьеров будут способствовать росту числа рождений.

Высокие темпы рождаемости в Москве в значительной мере обусловлены мощными миграционными притоками в столицу молодых женщин с периферии, т.е. статистический московский бэби-бум – результат «импорта» в Москву женщин репродуктивных возрастов. Одновременно это означает «недорождение» детей в регионах выбытия: если бы молодые женщины оставались в своих регионах, эти рождения «достались» бы периферийным территориям. В настоящее время такие регионы теряют дважды: сегодня это сокращение нынешней численности экономически активного населения, через полтора десятилетия – следующего поколения. И это не что иное, как фактор дальнейшего воспроизводства и усугубления неравномерности демографического и, как следствие, социально-экономического неравенства в региональном развитии. В то же время влияние регионов на демографическое развитие Москвы потенциально может иметь и обратный вектор. Москву, с ее ориентацией на новые социальные модели поведения, во многом следующие моделям поведения жителей западных мегаполисов, можно рассматривать как регион-инноватор, который со временем транслирует свои практики другим крупным городам России. Однако в российских мегаполисах, которые не имеют столь мощной «миграционной подпитки», как Москва, распространение феномена чайлдфри может привести к нарастанию проблем, связанных с низкой рождаемостью.

В настоящий момент нет оснований утверждать, что в остальной части России процессы, характерные для Москвы, уже начались. Но, возможно, их зачатки можно будет найти в других крупнейших городах, прежде всего во втором по численности населения городе страны Санкт-Петербурге (с его традиционно поздней и низкой рождаемостью) и третьем по численности Новосибирске. Если растущий уровень образования – причина такого рода изменений, то эти модели репродуктивного поведения жителей названных мегаполисов также могут пойти по траекториям, характерным для сегодняшней Москвы. И ответ на соответствующий вопрос требует проведения глубоких региональных, межрегиональных и сравнительных исследований.

Литература

1. **Независимый** институт социальной политики. Социальный атлас российских регионов. – URL: <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/demography/index.shtml#indicators> (дата обращения 11.02.2014).
2. **Angela L., Thévenon O.** Does economic development drive the fertility rebound in OECD countries? // INED Working Paper. – 2010. – No. 167. – P. 1–45.
3. **Lutz W., Skirbekk V.** Policies addressing the tempo effect in low-fertility countries // Population and Development Review. – 2005. – No. 31 (4). – P. 699–720.
4. **Селивинова Е.** Чайдффри: без паники. Социологический взгляд. – URL: http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=246&Itemid=1 (дата обращения 01.09.2010).
5. **Бездетность** становится социально приемлемой. – URL: http://www.mn.ru/society_sociology/20130315/339963834.html (дата обращения 20.02.2014).
6. **Tavares L.P.** Who delays childbearing? The relationships between fertility, education and personality traits // EconPapers. – 2010. – No. 9. – P. 1–39.
7. **Blossfeld H.P., Huinink J.** Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation // American Journal of Sociology. – 1991. – V. 97, No. 1. – P. 143–168.
8. **Kreyenfeld M.** Time-squeeze, partner effect or self-selection? An investigation into the positive effect of women's education on second birth risks in West Germany // Demographic Research. – 2002. – V. 7, No. 2. – P. 15–48.
9. **Сакевич В.И.** Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. – М.: НИСП, 2009. – Вып. 2. – С. 119–138.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

© Малева Т.М., Тындик А.О., 2014

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТРАСТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

И.И. Корель

Новосибирский государственный технический университет

Л.В. Корель

ИЭОПП СО РАН

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 130200319)

Аннотация

Визуализацию итогов межрегиональной борьбы за уникальный дефицитный ресурс – человеческий капитал, разворачивающейся в миграционном пространстве России, обеспечивает модель семикластерной современной миграционной структуры российских регионов, использующая 10 признанных классическими миграционными показателей. Базу данных составляют материалы Федеральной службы государственной статистики. В статье показано, что сконструированная авторами кластерная миграционная структурная композиция регионов, имея в географическом пространстве отчасти лоскутный характер, полна глубоких, устойчивых во времени миграционных контрастов и диссонансов, подтверждающих в целом пролонгирование в начале второго десятилетия XXI в. опасной миграционной тенденции предшествующих трех десятилетий: межрегиональные миграции имеют мощную центростремительную направленность, оголяя восточные и северные рубежи страны, практически не реагируя на скромные попытки выправления ситуации, предпринимаемые правительством. Показано, что миграционное пространство России «самоорганизовано» и структурировано по иерархическому принципу. Наверху находится са-

мый «благополучный» кластер (I) – полюс миграционного притяжения, мощно всасывающий население извне, на нижней ступени пребывает кластер «миграционного бедствия и катастрофы» (VII), несущий невосполнимые миграционные потери человеческих ресурсов на фоне бурлящего миграционного оборота, дестабилизирующего экономическую и социокультурную среду входящих в него регионов.

Ключевые слова: внутренняя межрегиональная миграция, кластерный анализ, показатели миграции, кластеры миграционного бедствия, концепция государственной миграционной политики, миграционные контрасты, иерархия, миграционные угрозы, человеческий капитал

Abstract

The paper proposes a way to visualize an interregional competition for a unique scarce resource, namely human capital assets, which is unfolding in the Russian migration space. It may be done within a model of a current seven-cluster structure of migration in regions of Russia which uses ten classic indicators of migration. The database comprises material from Russian Federal State Statistics Service. We show that our cluster structure of migration in regions, although slightly «patched-up» in its geography, has profound and stable migration contrasts and dissonances. They prove a dangerous migration trend of the last three decades which still generally remains in the second decade of the XXI century: migration flows are highly center-oriented; these flows leave eastern and northern frontiers of the country deserted and does not react to any modest attempts to rectify the situation made by the government. We confirm that the Russian migration space is «self-organized» and has hierarchical structure. The Cluster No. I stands on top; being a pole of attraction for migration flows, it accumulates population from the borders. The cluster of «migration catastrophe» (Cluster No. VII) is the lowest; it creates catastrophically large migration loss within human resources against the background of raging migration turnaround that destabilizes economic and sociocultural environment in the regions of the cluster.

Keywords: internal interregional migration, cluster analysis, indicators of migration, clusters of migration catastrophe, concept of state migration policy, migration contrasts, hierarchy, migration threat, human capital

В конце XX – начале XXI в. проблема закономерностей внутренней межрегиональной миграции в России оказалась на периферии на-

учных и общественных интересов. Ученые и политики сконцентрировали свое внимание на относительно новых видах миграции, носящих большей частью катастрофический характер: бегстве русскоязычного населения из стран СНГ, утечке интеллектуальной элиты за рубеж, обвальной бесконтрольной иммиграции низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, нелегальной и криминальной международной миграции, в том числе обслуживающей секс-индустрию, детоторговлю и прочие сегменты криминального бизнеса.

Однако во второй половине первого десятилетия XXI в. и в последующие годы второго десятилетия проблемы внутренней миграции, опасной и разрушительной для государства по своему проявлению и последствиям, заставили обратить на себя внимание политиков и правительства. В 2006 г. была принята государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом [1], нацеленная также и на решение проблем компенсации сокращения общей численности населения России, купирования мощных миграционных потерь населения во многих стратегически важных российских регионах. Позднее, 14 сентября 2012 г., президент В.В. Путин подписал указ, сделавший программу бессрочной и содержащий новую ее редакцию, предусматривающую дополнительные преференции соотечественникам-переселенцам. Наконец, 13 июня 2012 г. президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2], а Правительство РФ разработало план мероприятий по реализации этой концепции [3].

Хотя в центре Концепции государственной миграционной политики остаются проблемы внешней миграции (что подтверждается числом пунктов и количеством страниц в документе), в ней также уделено внимание проблемам внутренней межрегиональной миграции. Выражена обеспокоенность тем, что основным вектором межрегиональных внутренних миграций является поток, направленный с востока страны в ее центр, и в частности в Московский регион, что усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации. Этот тезис справедлив, однако, как будет показано ниже, несколько примитивизирует сложившуюся миграционную ситуацию,

поскольку, во-первых, «полнос притяжения населения» имеет более сложную географическую конфигурацию и, во-вторых, мощное, разрушительное для территорий исхода центростремительное движение в Московский регион направлено не только с востока, но и, что важно, из центра, с юга и севера России. В разделе 24 Концепции (п. «в») очерчены основные направления государственной миграционной политики в области содействия развитию внутренней миграции российских граждан. В разделе 26 актуализируется весьма важная, хотя и очевидная, идея проведения научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза миграционной ситуации. В разделе 27, где приводится перечень основных механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, предусматриваются формирование приоритетных направлений государственной миграционной политики для различных типов регионов с учетом складывающейся миграционной ситуации (пункт «д»), постоянный мониторинг и анализ происходящих миграционных процессов и их влияния на социально-экономические, демографические и иные аспекты развития страны, а также последующая корректировка конкретных мер государственной миграционной политики (пункт «ж»).

Завершает документ характеристика трех этапов реализации миграционной политики, при этом на финише, по итогам реализации третьего этапа, к 2026 г. предполагается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока¹. Заметим, что пространство внутренних миграций в России затрагивает интересы всех субъектов Федерации, а потому его следовало бы более детально структурировать и представить в утвержденном документе, чтобы каждый регион увидел в нем свое место и свои перспективы, способы решения миграционных проблем.

К сожалению, не обнаружено и следов научной парадигмы, объясняющей современный механизм межрегионального перераспределения населения России, хотя бы на гипотетическом уровне, на которую

¹ Это весьма расплывчатые ориентиры, поскольку, например, в последние годы в Сибири целый ряд регионов выигрывают население во внутренней миграции, а в центре России, о чем забыли упомянуть в Концепции государственной миграционной политики, многие регионы стабильно его проигрывают.

бы опиралась утвержденная концепция. Вне рамок научной парадигмы такого рода, объясняющей, как и почему именно так, а не иначе работает данный механизм, какие конкретно детерминанты и факторы лежат в его основе, иными словами, ответственны за векторы миграционного перемещения населения, весьма проблематичным представляется достижение декларируемых целей, предполагающих смену направлений этих векторов.

Остались за скобками и главные блоки механизма реализации данной концепции, в первую очередь каналы, источники ресурсов, сами ресурсы (и инвестиции), вкладываемые в экономику, образование и культуру регионов «миграционного бедствия». К сожалению, не прописаны субъекты и институты, несущие прямую ответственность за реализацию/нереализацию концепции.

Российское межрегиональное миграционное пространство представляет собой единую систему, которая включает большое число субфедеральных регионов (сегодня их 83), обменивающихся, подобно сообщающимся сосудам, населением и находящимся в постоянной конкурентной борьбе за этот ключевой, жизненно важный мобильный ресурс. Сложность многорегионального миграционного пространства России делает необходимым его структурирование [4]. Один из возможных способов структурирования – кластеризация (типологизация) на базе комплекса миграционных характеристик. Кластеризация позволяет свести все многообразие регионов к легко обозримому количеству их миграционных кластеров, выступающих носителями актуальных специфических миграционных проблем, обеспечивая визуализацию и кластеров, и проблем. Этот метод дает исследователям возможность, во-первых, диагностировать миграционные проблемы в привязке к кластерам (идет ли речь, например, об опустошающем территорию бегстве населения вовне или же о высоком миграционном вале, разрушающем до основания социокультурную среду), а во-вторых, иерархизировать по результатам борьбы за дефицитный ресурс – население – сами кластеры.

Мы прибегли к семикластерной версии структуризации миграционного пространства с достаточно широким охватом миграционных показателей (их было отобрано 10). При этом принималось во внима-

ние, что одни миграционные показатели являются производными от других. В построении данной типологии использовались, во-первых, все абсолютные показатели миграции, позволяющие судить о масштабах миграционных процессов в регионе: численность прибывших, численность выбывших, оборот миграции, абсолютное сальдо миграции. Во-вторых, применялись относительные показатели миграции, т.е. абсолютные показатели миграции, отнесенные либо к численности населения региона, либо к объему миграционного вала, либо соотношенным между собой (например, потоки прибывших и выбывших), дающие представление об интенсивности, а следовательно, значимости, существенности, результативности миграционных процессов для конкретных регионов.

Кластерная модель была построена с использованием метода k-means++ [5] – модифицированного популярного метода k-средних (k-means), в котором для разбиения регионов на заданное число кластеров минимизируются их евклидовы расстояния до главных точек (центров кластеров):

$$\min_s \sum_{i=1}^K \sum_{x_j \in S_i} |x_j - \mu_i|^2,$$

где $i = 1, 2, \dots, K$ – индексы кластеров S_i ; μ_i – центры кластеров; x_i – N -мерные векторы с миграционными параметрами регионов, N – число миграционных параметров в модели. Отличием метода k-means++ от его предшественника является эффективная инициализация начальных центров кластеров, предвещающая собственно минимизацию по k-means.

Информационной базой послужили статистические материалы Федеральной службы государственной статистики. При характеристике миграционных процессов для погашения возможных случайных отклонений брались усредненные показатели миграции за ряд лет, а именно, за 2010–2012 гг.

Распределение российских регионов по миграционным кластерам представлено в табл. 1. В целом семикластерная структурная композиция регионов имеет в географическом пространстве пестрый, лоскутный (дискретный, прерывный) характер, полна миграционных

Таблица 1

Распределение регионов России по миграционным кластерам

Кластер	Число регионов	Регионы, входящие в кластер
I – полюс миграционного притяжения, или миграционный магнит России	5	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская обл.
II – успешно конкурирующий в миграционной борьбе за население	10	Ростовская обл., Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Свердловская обл., Ханты-Мансийский АО, Челябинская обл., Алтайский край, Новосибирская обл., Красноярский край
III – удерживающий (слабо привлекающий) население в миграционном обмене	12	Воронежская обл., Ленинградская обл., Республика Дагестан, Пермский край, Нижегородская обл., Оренбургская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Иркутская обл., Кемеровская обл., Омская обл., Приморский край
IV – кластер эквивалентного миграционного обмена	16	Владимирская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Курская обл., Липецкая обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Ярославская обл., Вологодская обл., Калининградская обл., Новгородская обл., Астраханская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Амурская обл.
V – проигрывающий население: пик неэквивалентности объемов встречных миграционных потоков (прибывших и выбывших) на фоне сдержанного (среднего по интенсивности) вала миграции	10	Костромская обл., Орловская обл., Республика Карелия, Псковская обл., Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Хакасия, Сахалинская обл.
VI – кластер миграционного катаклизма, несущий масштабные абсолютные миграционные потери на фоне высокой интенсивности миграционного вала	18	Белгородская обл., Брянская обл., Тверская обл., Тульская обл., Республика Коми, Архангельская обл., Мурманская обл., Волгоградская обл., Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская обл., Пензенская обл., Ямало-Ненецкий АО, Республика Бурятия, Забайкальский край, Томская обл., Республика Саха (Якутия), Хабаровский край

Окончание табл. 1

Кластер	Число регионов	Регионы, входящие в кластер
VII – полюс миграционного бедствия и катастрофы (максимальные величины коэффициентов миграционного оборота и отрицательного сальдо миграции)	12	Ненецкий АО, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Камчатский край, Магаданская обл., Еврейская авт. обл., Чукотский АО

контрастов и диссонансов (ближайшие территориальные соседи могут демонстрировать альтернативные профили миграции и проч.). И все же ее конфигурация в известном смысле исполнена внутренней гармонии и симметрии: имеются центр – кластер эквивалентных межрегиональных обменов и два крыла – левое (его образуют три неблагоприятных в миграционном отношении кластера) и правое (объединяет три благополучных кластера). Однако если мы обратимся к наполняемости кластеров конкретными регионами, то увидим, что почти половина регионов (40) попадают все же в неблагоприятные кластеры (левое крыло) и только одна треть (27) – в благополучные (правое крыло).

При всей относительности понятий «благополучный кластер» и «неблагополучный кластер» в своих содержательных оценках и интерпретациях мы исходили из современного российского контекста (низкий естественный прирост населения и проч.), в котором в общем случае миграционный прирост населения (его отражают в первую очередь сальдовые показатели миграции) есть явление положительное: регионы, притягивающие население, находятся в выигрышной ситуации во многих отношениях, а потому прямо заинтересованы в приросте этого дефицитного экономического ресурса. Другое дело – валовые показатели миграции, отражающие уровень территориальной мобильности населения. Высокая территориальная мобильность, отражая свободу передвижения (последнюю в истории из свобод, завоеванную просвещенным человечеством вслед за свободой слова и совести), не обладает универсальной во времени и пространстве са-

моценностью. В общем случае она действительно выступает залогом экономических успехов государства, обусловленных становлением и развитием рынка². Однако в исторической практике, напротив, нередко имеет вынужденный и «патологический» характер: сопутствует войнам, экономическим спадам, кризисам и катастрофам, экологическим и природным бедствиям, выступая их маркером. Мы придерживаемся точки зрения, что в современной России низкая территориальная мобильность населения не является тормозом развития экономики страны, как это представлено в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а напротив, она избыточна и деструктивна, поскольку оказывается результатом опасной экономической разбалансировки и устрашающих межрегиональных неравенств, побуждающих население депрессивных регионов к бегству в разные края и стороны, к перманентным возвратным, челночным движениям в места исхода в связи с трудностями обустройства на новых местах, и массово превращает людей в «вечных отходников», бездомных нищих бродяг.

Миграционные показатели, характеризующие выделенные семь кластеров, приведены в табл. 2.

1 кластер – полюс миграционного притяжения, или миграционный магнит России, объединил самые привлекательные для населения страны регионы. Коэффициент миграционного прироста имеет здесь «астрономические» на фоне других кластеров значения (93 на 10 тыс. чел. населения) при средней интенсивности миграционного вала (47%). Полюс этот географически рассредоточен в разных частях страны и представлен, во-первых, городами Санкт-Петербургом, Москвой и ближайшим территориальным окружением последней – Московской областью. Во-вторых – Тюменской областью³, куда с начала нефтедобычи ехали на заработки в прошлом веке и едут в нынешнем люди со всех концов России и из стран СНГ. И наконец, в-третьих – Краснодарским краем, который всю вторую половину

² Известен экономический закон о росте миграционной подвижности населения с развитием рыночных отношений.

³ Включая Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (входят в состав Тюменской области, оставаясь равноправными субъектами Федерации).

Таблица 2

Миграционные показатели центров кластеров

Миграционные показатели	Кластеры (классы регионов)						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Абсолютные значения миграционных показателей центров кластеров за 2010–2012 гг.</i>							
1. Численность прибывших, чел.	476000	236000	154000	67600	46300	89500	23000
2. Численность убывших, чел.	297000	223000	153000	67300	51900	98000	26400
3. Оборот миграции, чел.	771000	460000	307000	135000	98200	188000	49400
4. Абс. сальдо миграции, чел.	180000	12800	502	316	–5530	–8500	–3400
<i>Относительные значения миграционных показателей центров кластеров</i>							
5. Коэф. прибытия, на 1000 чел. нас.	28,3	26,2	21,4	21,7	22,4	26,0	30,4
6. Коэф. убытия, на 1000 чел. нас.	19,0	24,7	21,1	21,7	25,0	28,7	34,4
7. Коэф. миграционного оборота, на 1000 чел. нас.	47,2	50,9	42,5	43,3	47,4	54,6	64,9
8. Относит. сальдо миграции – коэф. миграционного прироста/убыли, на 10 тыс. чел. нас.	93,1	15,3	3,0	0,0	–25,0	–27,0	–40,0
9. Результативность миграции – численность прибывших, на 1000 убывших	1670	1070	1020	1020	891	919	911
10. Эффективность миграции – уд. вес миграционного прироста/убыли в миграционном обороте населения, на 1000 мигрантов	238	31	2	5	–60	–48	–61

XX в. и первое десятилетие XXI в. постоянно был миграционным магнитом для российского населения, не избалованного теплом, фруктами и солнцем. Федеральные инвестиции в инфраструктуру края, которые в последние годы достигли крупномасштабных размеров в связи с Олимпиадой в г. Сочи, лишь укрепили стандарт (имидж) его уникальной привлекательности.

II кластер успешно конкурирует в миграционной борьбе за население с другими регионами. Относительное сальдо миграции здесь положительное и составляет 15,3 на 10 тыс. чел. населения при весьма высокой интенсивности миграционного оборота – 50,9‰ (это третья позиция среди всех семи кластеров). Коэффициент прибытия (26,2‰) незначительно превышает коэффициент убытия (24,7‰), навевая мысль о неустойчивости сложившихся миграционных трендов. Численность прибывших на 1000 выбывших составляет 1070 чел., а эффективность миграции, исчисляемая как прирост/убыль на 1000 мигрантов, составляет 31%. Это в 8 раз меньше, чем в I кластере. Однако других соперников у II кластера среди выделенных кластеров нет (ближайший его конкурент по эффективности миграции – IV кластер имеет значение, в 6 раз меньшее). Как видим, II кластер, с одной стороны, привлекателен для жителей других регионов страны, с другой – либо не способен в значительных масштабах закрепить прибывающих, которые вскоре же убывают, либо имеет мощные негативные факторы среды, выталкивающие «собственное» постоянное население за пределы своей территории. Не исключено, что имеют место оба процесса. И все же данный кластер имеет в целом весьма позитивный миграционный профиль и представляет собой своего рода несущую конструкцию в российской системе расселения населения, обеспечивая ее относительную устойчивость, надежность, поскольку входящие в него регионы удерживают население в пределах своих географических границ.

Административно-географически II кластер представлен 10 регионами (см. табл. 1). Примечательно, что из восьми федеральных округов центры четырех – Южного, Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского расположены именно в этом кластере. Важно также отметить, что в данном кластере шесть регионов имеют своими административными центрами города-миллионники, – это Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Красноярск. Статус города-миллионника де-факто позволяет им принимать участие в большом количестве федеральных программ и проектов, что дает ощутимые экономические, политические, коммуника-

ционные, социокультурные и прочие предпочтения. Города-миллионники в России исторически являются местами сосредоточения и притяжения человеческих, трудовых, промышленных, культурных, экономических ресурсов и центрами социально-экономического развития как для своего региона, так и обычно сразу для нескольких окружающих регионов, а некоторые из них (Москва и расположенные относительно близко к государственным границам Новосибирск, Ростов-на-Дону и др.) – также для ряда стран СНГ и Азии. Значимость городов-миллионников в этом качестве зависит не только от числа жителей, но и от других социально-экономических факторов, важнейшими из которых являются уровень доходов населения, состояние рынков труда (трудоновые вакансии) и жилья (масштабы жилищного строительства), накопленный экономический и культурный потенциал, а также специфика соседних регионов, для которых города-миллионники являются транспортными узлами, центрами высшего образования, торговли, логистики, культуры, коммуникаций и проч.

III кластер, удерживающий (слабо привлекающий) население в миграционном обмене, объединил 12 регионов страны (см. табл. 1). Его миграционные характеристики таковы: коэффициенты прибытия и выбытия составляют 21,4 и 2,1% соответственно, миграционного оборота – 42,5%, результативности – 1020 прибывших на тысячу убывших, эффективности миграции – 2%, относительное сальдо миграции – 3 чел. на 10 тыс. чел. населения. Весьма представительно в данном кластере число городов-миллионников, – это Воронеж, Пермь, Нижний Новгород, Самара, Омск, а Саратов является субмиллионником. Однако и по уровню «столичности» (наличие одного центра федерального округа против четырех во II кластере), и по доле городов-миллионников (пять на 12 регионов против семи на 10 регионов во II кластере) он заметно уступает более «мощному» в географо-административном и экономическом отношении II кластеру.

IV кластер – «самодостаточный», или кластер эквивалентного миграционного обмена с другими регионами, т.е. в миграционном обмене отдает столько человек, сколько и получает. Относительное сальдо миграции здесь столь незначительно, что характеризуется ну-

левым значением (см. табл. 2). Численность прибывших на 1000 убывших составляет 1020 чел., а из каждой тысячи мигрантов, образующих своеобразный миграционный вал (сумма прибывших и выбывших), оседает в кластере только 5 чел. Интенсивность же миграционного оборота (43,3 на 1000 чел. населения) одна из самых низких среди всех кластеров (еще ниже, причем незначительно, она лишь в III кластере – 42,5 на 1000 чел. населения).

Кластер объединил 16 регионов (см. табл. 1), имеющих схожий миграционный профиль. Одиннадцать из них исторически образуют центрально-европейское ядро страны, находящееся в зоне непосредственного притяжения двух крупнейших городов мультимиллионников – Москвы и Санкт-Петербурга. Фактом своего преимущественного географического расположения эти 11 регионов, с одной стороны, притягивают к себе население, увлекаемое центростремительными силами из географически удаленных от центра страны субъектов Федерации, а с другой стороны, они сами обречены нести существенные миграционные потери, будучи не в состоянии противостоять притягательной мощи крупнейших агломераций – Московской (18 млн чел.) и Санкт-Петербургской (6 млн чел.). Не исключено, что упомянутые 11 регионов данного кластера выступают своеобразной перевалочной базой, промежуточным этапом на пути мигрантов, следующих из отдаленных регионов страны в ее столицы. Как следствие – равенство объемов (и интенсивности) встречных миграционных потоков: 21,7% составляют коэффициенты и выбытия, и прибытия.

У кластер проигрывает население в конкурентной борьбе, на него приходится пик неэквивалентности объемов встречных миграционных потоков (прибывших и выбывших) на фоне сдержанного (среднего по интенсивности) вала миграции. По своим миграционным параметрам этот кластер близок к VI и VII кластерам, а кроме того, к I и II кластерам. К VII кластеру он близок, во-первых, по эффективности миграции, фиксирующей «сухой остаток» миграционного оборота, т.е. двух встречных миграционных потоков в регион и из региона, в расчете на 1000 мигрантов (этот показатель составляет –60 чел. для V кластера, –61 чел. – для VII) и, во-вторых, по результативности миграции, т.е. по численности прибывших на 1000 выбывших. Соотноше-

ние показателей сравниваемых кластеров здесь такое: 890 чел. в V кластере против 910 чел. в VII. В свою очередь, он идентичен VI кластеру по показателю «относительное сальдо миграции» (–25 на 10 тыс. чел. населения против –27 в VI кластере), а по коэффициентам выбытия и прибытия – VI и II кластерам (см. табл. 2). Одновременно у этого кластера худший показатель результативности миграции – неэквивалентности миграционного обмена, поскольку на 1000 выбывших прибывает лишь 890 чел. (ближайший по этому показателю VII кластер имеет чуть лучший результат – 910 чел.). В то же время его относительное миграционное сальдо много лучше, чем у VII кластера, а коэффициент миграционного оборота аналогичен этому показателю у I кластера, причем по нему данный кластер занимает срединное положение среди всех семи кластеров (47%). По «градусу бурления» миграционного вала, т.е. по абсолютным и относительным миграционным потерям, он выглядит «приличнее» (его коэффициент оборота заметно ниже) не только VI и VII кластеров, но и весьма благополучного, привлекающего население II кластера. Иными словами, V кластер имеет все же свой яркий миграционный образ, выделяющий его среди других кластеров, теряющих население. В данный кластер вошли 10 регионов (см. табл. 1), в том числе Костромская, Орловская, Псковская области и Республика Карелия, находящиеся в зоне прямого воздействия со стороны Московской и Санкт-Петербургской агломераций. В этом кластере нет городов-миллионников, нет центров федеральных округов. В то же время четыре субъекта Федерации являются окраинными и граничат с другими государствами.

VI кластер, охарактеризованный как кластер миграционного катаклизма, несет самые масштабные абсолютные и высокие относительные миграционные потери населения на фоне мощной интенсивности миграционного вала. Весьма удручающе выглядят его миграционные тренды. По большинству миграционных параметров в их негативном проявлении данный кластер уступает лишь VII кластеру и лидирует среди всех кластеров по величине абсолютного сальдо миграции с отрицательным знаком, т.е. по объему миграционных потерь. Он имеет весьма высокие значения коэффициента миграционного оборота (55% против 65% в VII кластере), коэффициента выбытия (29%

против 34‰ в самом проблемном кластере – VII), т.е. население не удерживается и «голосует ногами» против жизненного обустройства в этом кластере, а также устрашающее по величине относительное сальдо миграции (–27‰ – это второе место среди семи кластеров – против –40‰ в VII). Что спасает данный кластер от полной миграционной катастрофы, переживаемой самым «худшим» VII кластером? Относительно высокий коэффициент прибытия населения, не намного уступающий соответствующему показателю I кластера (26‰ против 28‰ в I кластере). Судя по миграционной ситуации, VI кластер имеет мощные магниты, притягивающие население извне, однако удержать прибывших либо свое постоянное население, а возможно, тех и других, не в состоянии. Мы склонны считать, что здесь в первую очередь имеет место феномен «отходников», в челночном режиме курсирующих между родным домом и местами временных заработков «на стороне», где они не могут закрепиться и обустроиться.

Кластер включает 18 регионов (см. табл. 1) из 10 административно-географических районов страны (всего районов – 11), иными словами, имеет своих резидентов практически в каждом районе, кроме Северо-Западного. В него входят один город-миллионник – Волгоград, ранее дважды терявший этот статус (в 1999 и 2005 гг.), но сумевший вернуть его в 2010 г., и одну административную «столицу» – Хабаровск, центр Дальневосточного федерального округа. Половина регионов данного кластера либо целиком входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, либо какой-то своей частью (отдельные города, административные образования). Бегство населения из этих регионов, как известно, обусловлено не только постперестроечной разрухой экономики страны, самым пагубным образом сказавшейся на данной группе регионов, но и крайне не совершенной, слабой системой льгот населению, проживающему и работающему в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Географическое и административное положение, экономический, демографический, социокультурный и этнический ландшафты регионов, входящих в этот кластер, весьма различны и порой даже диаметрально противоположны (в первую очередь это касается географического месторасположения, отраслевой структуры эко-

номики), однако всех их объединяет общая беда – масштабные потери населения.

VII кластер образует полюс миграционного бедствия и катастрофы: он имеет максимальные величины коэффициентов отрицательного сальдо миграции и миграционного оборота, т.е. худшие относительные показатели миграции. Напомним, что именно относительные показатели миграции дают представление о конечном эффекте (последствиях) миграционных процессов для конкретной территории. Данный кластер характеризуется максимально высокими среди всех кластеров коэффициентом миграционного оборота (65%), миграционными потерями населения (–40 чел.) и потерями населения в ходе миграционного обмена (–61 чел. в «сухом остатке» от всех перемещающихся). Иными словами, миграционный котел бурлит под воздействием потоков выбывающих и прибывающих (относительные коэффициенты и выбытия, и прибытия на 1000 чел. – 34 и 30% соответственно – не имеют аналогов ни в одном кластере), дестабилизируя социокультурную и экономическую среду, связи и отношения населения, и в конечном счете с беспрецедентной интенсивностью отдаёт население из этих стратегически важных регионов России.

Кластер объединил 12 регионов (см. табл. 1). Примечательно, что семь из них являются национальными республиками (Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Алтай, Тыва), два – автономными округами (Ненецкий и Чукотский; в последнем проживает 50,8 тыс. чел., плотность населения составляет 0,07 чел./кв. км). То есть 10 регионов из 12 представляют собой национальные образования. Почти все регионы, кроме Республики Адыгеи, являются окраинными и пограничными. Они окаймляют Россию почти сплошной линией (с небольшими разрывами) по всем ее южным, юго-восточным, восточным и северо-восточным рубежам, а Ненецкий АО – с севера-запада страны по береговой линии Белого моря. Причинами столь мрачной миграционной картины, какая наблюдается в этом кластере, выступают крайне неблагоприятные социально-экономические параметры развития этих территорий, традиционные, начавшиеся еще в царские времена, продолжавшиеся в сталинский период, эпоху «развитого социализма» и обострившиеся до кри-

тического состояния в период перестройки и строительства капитализма «с человеческим лицом» отсталость и запущенность.

* * *

В Концепции государственной миграционной политики мы не находим четкого ответа на возникающие вопросы. Каким образом, посредством какого механизма верховная власть России собирается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока к 2026 г.? Какая судьба ждет регионы Крайнего Севера и приравненные к нему местности, расположенные на Урале и в европейской части страны, которые несут масштабные миграционные потери населения? Почему без внимания остаются территории миграционного катаклизма, входящие в VI и VII кластеры и расположенные не за Уралом, а в Европейской России?

Построенная на базе 10 показателей миграционная типология российских регионов представила собой достаточно отчетливую и полную драматизма (в силу губительного для страны «передела» населения между кластерами) пространственную карту семи миграционных кластеров, каждый из которых объединяет регионы, близкие по содержанию, природе, характеру переживаемых миграционных проблем, и одновременно обладает ярким, индивидуальным, неповторимым миграционным профилем.

Сконструированная семикластерная структурная композиция регионов, как уже говорилось, имеет в географическом пространстве пестрый, лоскутный характер, полна миграционных контрастов и диссонансов (ближайшие территориальные соседи могут демонстрировать альтернативные профили миграции и проч.). И все же само миграционное пространство в известном смысле «самоорганизовано» и структурировано по иерархическому принципу: вверху находится самый «благополучный» I кластер, мощно высасывающий население извне на фоне относительно «сдержанного» миграционного вала, ниже на ступеньках иерархической лестницы (строго по порядку) располагаются все менее и менее «благополучные» кластеры, так

что на самой нижней пребывает кластер «миграционного бедствия и катастрофы» (VII).

Американский ученый и государственный деятель, один из авторов Конституции 1787 г. Бенджамин Франклин высказал мысль: «Большая империя, как и большой пирог, легче всего объедается с краев». Увы, именно такой сценарий представляется наиболее вероятным для большей части российских регионов, окаймляющих Россию с юга, юго-востока, востока, северо-востока и северо-запада. К сожалению, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации не явилась тем документом, который бы посеял крупицу оптимизма в отношении того, что в ближайшие 15 лет можно ожидать сколько-нибудь благоприятных перемен (не говоря уже о переломе) в весьма драматичной картине современного межрегионального перераспределения человеческого капитала России.

Литература

1. **Указ** Президента Российской Федерации от 22.06.2006 «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.
2. **Указ** Президента Российской Федерации от 13.06.2012 «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: www.kremlin.ru (дата обращения 20.06.2012).
3. **Распоряжение** Правительства Российской Федерации от 21.08.2012 № 1502-р «О плане мероприятий по реализации в 2012–2025 годах (первый этап) “Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года”» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4858.
4. **Зайончковская Ж.А.** Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3. – С. 3–18.
5. **Arthur D., Vassilvitskii S.** «k-means++: the advantages of careful seeding» // Proceedings of the Eighteenth Annual ACM-SIAM Symposium on Discrete Algorithms / Society for Industrial and Applied Mathematics, Philadelphia, PA, USA. – 2007. – P. 1027–1035.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

© Корель И.И., Корель Л.В., 2014

УДК 316.3:314.4

ББК 60.56+60.7

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 155–169

О ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ АФФЕКТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Я.А. Лещенко

Восточно-Сибирский научный центр экологии человека СО РАН

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект 11-06-00540)*

Аннотация

Рассмотрены практики оценки качества жизни на основе объективной, субъективной и комплексной моделей. Показаны принципиальные различия между понятиями «качество жизни индивида» и «качество жизни популяции (общества)». Отмечена проистекающая из этих различий недостаточная разработанность методологии оценки исследуемого феномена на популяционном уровне. Предложены подходы к дифференцированной оценке аффективной составляющей качества жизни региональных сообществ на основе применения специфических социально-демографических индикаторов и соответствующие критерии. Итогом такой оценки является определение уровней психосоциального (духовного) неблагополучия.

Ключевые слова: качество жизни общества, аффективная составляющая, духовное неблагополучие, социально-демографические индикаторы

Abstract

The paper considers approaches to the well-being assessment from the critical point of view based on the objective, subjective and complex patterns.

We indicate the principal differences between the following notions: individual well-being and population's (society's) well-being. Based on these differences, the assessment methodology for the phenomenon is insufficiently developed on the population level. We suggest approaches of differential assessment for an affective component of well-being in regional societies using specific socio-demographic indicators and corresponding criteria. As a result of this assessment it is possible to find the levels of psychosocial (spiritual) ill-being.

Keywords: society's living standards, affective component, spiritual ill-being, socio-demographic indicators

Долгое время считалось, что главным условием жизненного благополучия является материальный достаток. Для описания социально-экономического статуса человека, характеризуемого материальным достатком и обеспечиваемыми им благами, в научный лексикон была введена экономическая категория «уровень жизни», однако со временем становилась все более очевидной ограниченность данной категории. Поэтому наряду с сугубо экономической категорией «уровень жизни» появилась и стала получать все большее распространение системная категория «качество жизни», которую стали рассматривать как многоаспектную характеристику жизненного статуса индивида, социальной группы и, наконец, общества в целом.

Сущность категории «качество жизни» в процессе социогенеза и сопряженного с ним научного познания закономерностей общественного развития уточняется и дифференцируется при отнесении ее к различным субъектам, а также в зависимости от сфер приложения. К показателям качества жизни стали относить обеспеченность доходами, жильем и продуктами питания, занятость и условия трудовой деятельности, здоровую физическую и социальную среду, возможность вести здоровый образ жизни, общественную и личную безопасность, доступность и качество медицинской помощи, возможности получения образования, социального и культурного развития.

Сложная, многоаспектная и неоднозначно понимаемая категория качества жизни обычно применяется на индивидуальном, реже – на групповом уровне. Так, по определению ВОЗ, восприятие индивидом своего положения в культурном и ценностном контекстах его жизни

и в связи с целями, потребностями, стандартами и интересами этого индивида характеризует качество его жизни [1].

Большое значение имеет научная разработка категории «качество жизни» применительно к этносу или, что более правильно, к обществу, поскольку данную категорию необходимо обязательно рассматривать в контексте конкретного этапа социального развития.

Применительно к индивиду и обществу имеется принципиальное различие в оценке, например, такой важнейшей категории, как «благополучие» (физическое, психическое, социальное, репродуктивное и др.). Так, если в организме отдельного человека поражается (заболевает, травмируется) какой-нибудь орган или часть тела, то он, даже если все остальные органы целы и здоровы, испытывает общее неблагополучие, т.е. он весь неблагополучен и совершенно четко это осознает. Другое дело – общество, этнос. Какая-то его часть может испытывать удовлетворение по всем параметрам своего бытия (качества жизни), т.е. находиться в состоянии полного благополучия, в то время как состояние других частей будет характеризоваться той или иной степенью неблагополучия. При этом неблагополучным может оказаться, и даже в значительной мере, общество в целом. Для того же, чтобы выявить, оценить и доказать факт такого неблагополучия, его масштабы и последствия, нужны соответствующие показатели (индикаторы) и методология их оценки.

В последние десятилетия в социологии сложилось два подхода к оценке качества жизни: посредством измерения объективных показателей условий жизни и посредством измерения субъективных оценок условий жизни. В рамках этих подходов применяют две концептуальные модели качества жизни, которые в литературе обозначаются как «объективная» и «субъективная».

Согласно *объективной модели* качество жизни определяется по совокупности различных статистических показателей: природно-географических параметров, уровня загрязнения окружающей среды, характеристик социально-экономического развития и т.д. Эта модель позволяет получить статистическую оценку состояния физических, социально-экономических (материальных) факторов окружающей среды и условий жизнедеятельности в соответствии с существующи-

ми на данный момент критериями (экономическими, экологическими, демографическими, научными нормативами человеческих потребностей и степени их удовлетворения) [2, 3].

Согласно *субъективной модели* истинная сущность качества жизни отражается в субъективных ощущениях индивидов, сознательных и подсознательных психофизиологических и поведенческих реакциях. Субъективные индикаторы качества жизни подразделяют на две составляющие: когнитивную (рациональную) и аффективную (эмоциональную).

Когнитивная составляющая включает оценку общей удовлетворенности жизнью и оценки удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности (здоровье, безопасность, доходы, жилье, образование, трудовая деятельность, брак и семейная жизнь, другие сферы).

Аффективная составляющая отражает совокупность (соотношение) позитивного и негативного аффектов. Позитивные аффекты на уровне индивида характеризуются соответствующими биологическим нормам показателями психофизиологического и психоэмоционального статуса, свидетельствующими о благоприятных условиях жизнедеятельности. Негативные аффекты выражаются в явлениях депрессии, тревожности и стресса (основные факторы стресса – негативные жизненные обстоятельства, неясность ролевых функций, социальные конфликты).

Стремление учесть множество факторов в комплексном анализе явления сопряжено с определенными трудностями вследствие сложного характера взаимосвязей между объективными показателями и субъективными оценками качества жизни. Здесь нельзя обойти вниманием семантический парадокс, содержащийся в используемой терминологии. Даже авторы, проводящие исследования на основе объективной модели, нередко отмечают, что применяемые при этом методы и подходы (отбор показателей, установление весовых коэффициентов, способ агрегирования информации и др.) оказываются в большей или меньшей степени субъективными, поскольку несут на себе отпечаток пристрастий, предпочтений и методических установок исследователя [2, 4]. Накопленный к настоящему времени опыт

эмпирических наблюдений показывает, что методически корректные исследования на основе субъективной модели дают более точную, т.е. более объективную, оценку качества жизни. Именно поэтому построение индекса качества жизни на основе субъективной самооценки человека в теории и практике исследования данной проблемы считается, как правило, более адекватным реальности. Предполагается, что определение самим индивидом своего жизненного положения, степени удовлетворенности своих потребностей дает наиболее достоверную картину.

Более сложной задачей является оценка качества жизни общества, т.е. оценка, осуществляемая на уровне популяции или субпопуляции (например, региональной). В этом случае можно также исходить из вышеприведенной посылки о большей точности оценок, получаемых на основе субъективной модели. Но здесь исследователь сталкивается с серьезными организационно-методическими трудностями, обусловленными сложностью прямого измерения психосоциального (психоэмоционального и психологического) благополучия (неблагополучия) применительно к обществу в целом, так как для этого необходимо проводить весьма трудозатратные и дорогостоящие массовые социологические, психофизиологические и психодиагностические обследования населения. По этой причине широко практикуемая в науке разработка процедур оценки качества жизни на основе объективной модели – итог неизбежного признания невозможности рассчитывать индекс на основе субъективных оценок в силу трудностей сбора этих субъективных оценок у населения.

Имеются и другие трудности при проведении массовых социологических и психодиагностических исследований. Например, когнитивная составляющая сильно зависит от формирующихся в обществе и различных его слоях представлений о личных потребностях (рациональных, нерациональных). В немалой степени зависит она и от уровня притязаний разных социальных групп на достижение считающегося престижным образа жизни [5], что, в свою очередь, обуславливается масштабами социального диспаритета, а также декларируемыми СМИ приоритетными (по меркам общества потребления) социальными ценностями и критериями жизненного успеха. Под влиянием

этого могут существенно изменяться оценки, получаемые при социологических опросах.

Даже при массовых опросах вследствие организационных трудностей из поля зрения исследователей обычно выпадают маргинальные и близкие к ним слои населения (нищие, бездомные, социопатические семьи, дети и подростки, оставшиеся без попечения родителей, асоциальные и криминальные элементы и т.п.). А между тем, по нашему мнению, численность этих слоев, их доля в популяции играют очень важную, нередко определяющую роль при оценке качества жизни общества как целостного социального организма. Ведь именно за счет указанных групп главным образом распространяются социальная патология, различные формы девиантного и делинквентного поведения, противоправные действия, т.е. все те явления, по которым судят об уровне благополучия (неблагополучия) общества.

Возникает вопрос: можно ли оценивать качество жизни общества на основе субъективной модели, преодолев проблему проведения массовых социологических и психодиагностических исследований? На наш взгляд, это возможно, если подойти к решению не с позиций измерения и обобщения индивидуальных социологических, психологических и психоэмоциональных показателей, а с позиций рассмотрения некоторых специфических социально- и медико-демографических данных, имеющих в демографической статистике и характеризующих в той или иной степени когнитивную и аффективную составляющие качества жизни общества.

Исследованию когнитивной составляющей качества жизни посвящено большое число работ, сутью и целевой установкой которых является диагностика социального самочувствия населения. Под социальным самочувствием многие авторы понимают ощущение индивидом комфортности/дискомфортности своего бытия в социуме (см., например, [6, 7]). Социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, от их производства и распределения: чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие [8]. Следует заметить, что в этом весьма разум-

ном подходе ощутим заметный крен в сторону презумпции благосостояния (которая, по существу, утверждает примат системы социальных благ, т.е. фактора экономической природы). Такой подход, возможно, вполне приемлем по отношению к обществам, не находящимся в состоянии цивилизационного кризиса. В России же при переходе от прежней социально-экономической модели к нынешней самое сильное негативное влияние на социальное самочувствие общества (большей его части) оказали радикальные изменения в социокультурной среде, системе жизненных ценностей и координат традиционного российского общества, которые, судя по вызванным этими изменениями последствиям, имеют явно деструктивный характер.

Для измерения и оценки социального самочувствия предложено множество подходов, однако все они основываются на материалах социологических опросов, без которых, по-видимому, невозможно обойтись и в тех случаях, когда объектом исследования являются большие этносоциальные общности (например, региональные популяции). В настоящей статье мы не будем касаться этой сложной проблемы, заслуживающей специального рассмотрения.

По нашему мнению, подход, базирующийся на данных медико-демографической статистики, на популяционном уровне применим в большей степени к исследованию аффективной составляющей качества жизни, так как последняя формируется главным образом в подсознании психофизиологическими, психосоматическими и психоэмоциональными механизмами. Следовательно, она не подвержена, как рассудочные (когнитивные) оценки, флуктуациям и искажениям, возникающим под воздействием информационной среды, и поэтому более точно и объективно характеризует интегральное психофизическое отражение субъектами всего спектра факторов и явлений, детерминирующих качество их жизни.

Применяя указанный подход, необходимо определиться с понятием **аффекта на популяционном уровне**. В психологии и психиатрии аффектами называются сильные и кратковременные эмоциональные переживания, наступившие в результате воздействия определенных раздражителей. Следует подчеркнуть, что понятие «аффект» всегда использовалось применительно к индивиду, и в этом случае

аффект, как и любое другое эмоциональное проявление, представляет собой психофизиологический процесс внутренней регуляции деятельности, отражающий бессознательную субъективную оценку текущей ситуации.

Мы не встретили в литературе определения понятия «аффект» применительно к обществу, поэтому считаем возможным рассматривать в качестве аффекта на уровне общества наиболее выраженные проявления *психосоциального неблагополучия*. При этом очевидно сходство причин психосоциального неблагополучия общества и причин индивидуального аффекта: таковыми являются противоречие между разными потребностями или стремлениями человека, а также противоречие между требованиями, которые предъявляются к нему, и его возможностями выполнить их, конфликт с другими людьми. Можно лишь уточнить, что применительно к психосоциальному неблагополучию популяции речь должна идти о конфликте с существующей социально-экономической системой (ее государственными и/или негосударственными структурами).

По нашему мнению, психосоциальное неблагополучие населения России в 1990–2000-е годы складывалось из двух крупных составляющих: психосоциального стресса (обуславливает развитие психоэмоционального напряжения) и нарушений психологического (духовного) здоровья (обуславливают психологическое, духовное неблагополучие).

Механизм влияния психосоциального стресса на здоровье популяции (заболеваемость, смертность) включает психосоматический и психогенный компоненты. *Психосоматический* компонент представляет собой патофизиологическую реакцию, когда чрезмерный и затяжной стресс снижает сопротивляемость организма и может вызвать развитие характерных патологических изменений, психосоматических болезней (сосудистые заболевания сердца и мозга, эндокринопатии и др.). *Психогенное* воздействие на популяцию выражается в основном в изменении образа жизни с широким разбросом поведенческих реакций: от простого безразличного отношения к своему здоровью, игнорирования болезней и необращения за медицинской помощью до разрушающего здоровье поведения (алкоголизм, наркома-

ния и т.п.). Этот механизм ведет к увеличению заболеваемости и смертности от экзогенных причин.

Остановимся на нарушениях психологического (духовного) здоровья (духовном неблагополучии). Этот фактор стал оказывать выраженное влияние на психосоциальный статус общества, особенно контингентов молодого возраста, вследствие получивших распространение таких явлений, как потеря жизненных ориентиров в условиях ценностно-мотивационного хаоса, десоциализация, вызвавших увеличение распространенности аномалий личности и, соответственно, случаев девиантного и разрушающего здоровье поведения. Эти факторы также ведут (особенно в молодежных контингентах) к росту распространенности социальных болезней, увеличению смертности от внешних (неестественных) причин.

Итак, психосоциальный статус (неблагополучие) общества можно оценивать по показателям заболеваемости и смертности. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением показателей смертности, поскольку эта медико-биологическая характеристика считается одной из наиболее полно учитываемых и точных в мировой санитарной статистике (при всех недостатках учета и регистрации), что позволяет проводить межстрановые и межрегиональные сравнения, а также на основании обобщения эмпирических данных формировать критерии оценки.

При изучении структуры смертности в качестве социально-демографических индикаторов воздействия фактора психологического (духовного) неблагополучия используются показатели смертности от насильственных причин (убийств) и показатели частоты самоубийств. Для оценки уровня психологического (духовного) неблагополучия по показателям смертности предлагаем подходы, основанные на применении эмпирически установленных и принятых в мировой санитарной статистике социально-демографических критериев.

Первый критерий – **критический уровень самоубийств**: 20 случаев на 100 тыс. чел. населения обоего пола (критерий ВОЗ). По-видимому, критический уровень самоубийств в Сибири и регионах Крайнего Севера несколько выше, так как, согласно наблюдениям психиатров, население, проживающее в суровых климатогеографических условиях, более подвержено суицидальному поведению [9].

Мы предлагаем оценивать уровень психологического (духовного) неблагополучия по степени отклонения от критического уровня (в сторону повышения) фактических показателей самоубийств (табл. 1). Для примера оценим с помощью предложенных критериев уровень самоубийств и уровень психологического неблагополучия населения Иркутской области в период 1990–2011 гг. (табл. 2).

В качестве второго социально-демографического индикатора духовного неблагополучия считаем возможным использовать *соотношение общих показателей самоубийств и убийств*. По данным мировой санитарной статистики, в социально благополучных странах показатель смертности от насильственных причин (убийств) в 5–10 и более раз ниже показателя самоубийств [10]. На этом основании предлагаем критерии оценки уровня духовного (психологического) неблагополучия (табл. 3). Для примера оценим с помощью предло-

Таблица 1

Критерии оценки уровня психологического (духовного) неблагополучия по показателю самоубийств

Показатель самоубийств, на 100 тыс. чел. населения	Уровень психологического неблагополучия
Менее 20,0 (для РФ в целом и регионов европейской части страны)	Фоновый уровень (условное благополучие)
Менее 25,0 (для регионов Сибири и Крайнего Севера)	
20,0–29,9 (для РФ в целом и регионов европейской части страны)	Умеренно повышенный уровень неблагополучия
25,0–29,9 (для Сибири и регионов Крайнего Севера)	
30,0–39,9	Повышенный
40,0–49,9	Высокий
50,0–59,9	Очень высокий
60,0 и более	Чрезвычайно высокий

Таблица 2

**Оценка уровня психологического (духовного) неблагополучия населения
Иркутской области по показателю самоубийств**

Год	Показатель самоубийств, на 100 тыс. чел. нас.	Оценка уровня психологического неблагополучия
1987	30,5	Повышенный
1990	36,7	Повышенный
1991	37,3	Повышенный
1992	41,9	Высокий
1993	54,3	Очень высокий
1994	60,5	Чрезвычайно высокий
1995	63,5	Чрезвычайно высокий
1996	55,0	Очень высокий
1997	54,6	Очень высокий
1998	54,0	Очень высокий
1999	60,7	Чрезвычайно высокий
2000	58,2	Очень высокий
2001	61,4	Чрезвычайно высокий
2002	62,2	Чрезвычайно высокий
2003	57,8	Очень высокий
2004	56,7	Очень высокий
2005	55,0	Очень высокий
2006	49,8	Высокий
2007	50,7	Очень высокий
2008	46,9	Высокий
2009	44,6	Высокий
2010	43,1	Высокий
2011	43,9	Высокий

Таблица 3

Критерии оценки уровня психологического (духовного) неблагополучия по соотношению показателей самоубийств и убийств

Отношение показателя самоубийств к показателю убийств	Кратность отношения показателя самоубийств к показателю убийств	Уровень духовного неблагополучия
1: (0,2 и менее)	5 и более	Фоновый (условное благополучие)
1: 0,21 – 1:0,7	4,8–1,42	Умеренно повышенный
1:0,71 – 1:1	1,41–1,0	Повышенный
1:1,01 – 1:1,24	0,99–0,81	Высокий
1:1,25 – 1:1,4	0,80–0,71	Очень высокий
1: (1,41 и более)	0,70 и менее	Чрезвычайно высокий

женных критериев уровень духовного (психологического) неблагополучия населения Иркутской области в период 1990–2011 гг. (табл. 4).

При комплексной оценке уровня духовного неблагополучия, т.е. с одновременным учетом обоих вышеуказанных критериев, в случае расхождения оценок по каждому из них на одну градацию предлагается окончательную оценку ставить по более «мягкому» показателю. Например, если по показателю самоубийств уровень духовного неблагополучия оценен как «очень высокий», а по соотношению показателей самоубийств и убийств как «чрезвычайно высокий», то комплексной (окончательной) оценкой будет «очень высокий». В случае расхождения оценок на две градации предлагается окончательную оценку ставить по промежуточной градации. Например, если по показателю самоубийств уровень духовного неблагополучия оценен как «высокий», а по соотношению показателей самоубийств и убийств – как «умеренно повышенный», то окончательной оценкой будет «повышенный».

Мы отдаем себе отчет в том, что установленные градации показателей смертности по причине суицидов и от насильственных причин достаточно условны. Например, эта условность в той или иной мере вызвана недостатками диагностики и регистрации причин смерти.

Таблица 4

**Оценка уровня психологического (духовного) неблагополучия населения
Иркутской области по соотношению показателей самоубийств и убийств**

Год	Показатель самоубийств (ПС), на 100 тыс. чел. нас.	Показатель убийств (ПУ), на 100 тыс. чел. нас.	Кратность отношения ПС/ПУ	Уровень духовного неблагополучия
1987	30,5	17,6	1,73	Умеренно повышенный
1990	36,7	31,9	1,15	Повышенный
1991	37,3	36,9	1,01	Повышенный
1992	41,9	55,0	0,76	Очень высокий
1993	54,3	80,7	0,67	Чрезвычайно высокий
1994	60,5	81,0	0,75	Очень высокий
1995	63,5	65,5	0,97	Высокий
1996	55,0	55,4	0,99	Высокий
1997	54,6	49,3	1,11	Повышенный
1998	54,0	47,7	1,13	Повышенный
1999	60,7	59,5	1,02	Повышенный
2000	58,2	70,4	0,83	Высокий
2001	61,4	75,1	0,82	Высокий
2002	62,2	89,0	0,70	Чрезвычайно высокий
2003	57,8	91,5	0,63	Чрезвычайно высокий
2004	56,7	70,5	0,80	Очень высокий
2005	55,0	72,5	0,76	Очень высокий
2006	49,8	50,2	0,99	Высокий
2007	50,7	38,8	1,31	Повышенный
2008	46,9	37,4	1,25	Повышенный
2009	44,6	31,0	1,44	Умеренно повышенный
2010	43,1	28,2	1,53	Умеренно повышенный
2011	43,9	26,6	1,65	Умеренно повышенный

Причем в значительной мере указанные недостатки касаются именно класса внешних причин смертности. Так, в постсоветский период в структуре смертности от внешних причин существенно выросла доля умерших по причине повреждений с неопределенными намерениями. Их удельный вес увеличился в 1990–2000-е годы в 2 раза, и исследователи полагают, что здесь могут с большой вероятностью скрываться насильственные и суицидальные смерти [11, 12]. Резервуаром травматической смертности, ее латентной составляющей некоторые исследователи считают класс «симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках» [13]. По нашим данным, этот класс вносил вклад в общую смертность трудоспособного населения Иркутской области, сопоставимый с вкладом классов болезней органов дыхания и пищеварения.

Недостатки диагностики и регистрации причин смерти ведут к занижению фактических показателей смертности в связи с суицидами и особенно в связи с насильственными причинами, что, конечно, вносит определенную погрешность в оценку уровня психологического неблагополучия (скорее в сторону занижения этого уровня, чем наоборот).

Мы также выполнили с использованием предложенных критериев оценку уровня психосоциального неблагополучия общества по России в целом (за соответствующий период). Установлено, что негативные изменения среднероссийских значений показателей самоубийств и убийств, а также показателя их соотношения не были столь выраженными, как во многих сибирских регионах (Иркутская область является характерным примером). Так, ни в один из годов периода наблюдения уровень психологического неблагополучия, определяемый по показателю самоубийств, не оценивался по среднероссийским данным как очень высокий и чрезвычайно высокий, в то время как в Иркутской области такая ситуация наблюдалась в период 1993–2007 гг. (см. табл. 2). Из этого можно сделать вывод, что в сибирских регионах качество жизни населения снижалось в гораздо большей степени, чем в европейской части страны.

Экспертное сопоставление с опубликованными социологическими, демографическими, социально-экологическими и другими аналитическими материалами показывает хорошее логическое соответствие на-

ших оценок с междисциплинарными оценками изменения качества жизни населения страны и ее восточных регионов в 1990–2000-е годы.

Литература

1. **WHOQOL-HIV** Instrument. – URL: http://www.who.int/mental_health/media/en/613.pdf (дата обращения 23.03.2013).
2. **Исакин М.А.** Построение интегральных индикаторов качества жизни населения региона // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 11. – С. 92–109.
3. **Шмуйло Т.П.** Исследование и использование методик оценки уровня и качества жизни // Теория и практика социально-экономических процессов в регионе / Тр. Института экономики КарНЦ РАН. – Вып. 10. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. – С. 36–42.
4. **Индекс** качества жизни регионов России: методология и методика оценки. – М.: Ин-т рег. информации МГУ, 2010. – 20 с.
5. **Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н.** Демографические процессы в России XXI века. – М.: ИД «Грааль», 2002. – 168 с.
6. **Михайлова Л.И.** Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // СОЦИС. – 2010. – № 3. – С. 45–49.
7. **Асланова О.А.** Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 59–63.
8. **Магун В.С.** Потребности и психология социальной деятельности личности. – Л.: Наука, 1983. – 176 с.
9. **Дмитриева Т., Положий Б.** Роль клинической суицидологии в системе мер по снижению преждевременной смертности и увеличению продолжительности жизни населения // Медицинская газета. – 2005. – 26 окт.
10. **Тишук Е.А.** Медицинские и медико-социальные аспекты рождаемости и смертности в современных условиях // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 1996. – № 2. – С. 11–16.
11. **Иванова А.Е., Семенова В.Г.** Новые явления российской смертности // Народонаселение. – 2004. – № 3. – С. 85–93.
12. **Семенова В.Г., Евдокушкина Г.Н.** Травмы и отравления в 2005–2008 годах: гендерные особенности, тенденции, приоритеты. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/151/30/lang.ru> (дата обращения 06.09.2012).
13. **Семенова В.Г., Евдокушкина Г.Н., Гаврилов Л.А. и др.** Социально-демографические потери, обусловленные смертностью населения России в период реформ (1989–2007 гг.). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/103/30/lang.ru/> (дата обращения 06.09.2012).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

© Лещенко Я.А., 2014

УДК 330.34

ББК 65.01

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 170–184

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РОССИИ

К.И. Грасмик

Сколковский институт науки и технологий

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект 13-06-98042)*

Аннотация

Показано, что важнейшим компонентом инновационной системы, ее базисом является инновационная сеть, т.е. совокупность социальных связей между участниками инновационного процесса. Выполнен анализ информации об инновационной деятельности, о взаимодействии участников инновационного процесса, о мерах поддержки инновационных проектов на территории Томской области и Краснодарского края. Выявлено, что в более инновационно активной Томской области меры поддержки инноваций разнообразнее и масштабнее. В регионе сложился круг венчурных инвесторов. В Краснодарском крае система поддержки более централизована и, как результат, в гораздо меньшей степени содействует формированию инновационной сети.

Ключевые слова: инновация, инновационная система, инновационная сеть, социальные связи, инновационные территории

Abstract

The paper shows that the main component and the basis of an innovative system is an innovative network, i.e. a set of social relations between participants of the innovation process. We analyzed data on the current innovation activities, interaction between participants of the innovation process, support measures for innovation projects in Tomsk Oblast and Krasnodar Krai. We discover that in Tomsk Oblast, which is generally more active in terms of innovation, support measures for innovation are more diverse and ambitious. The region now holds a range of venture-capital investors. In Krasnodar Krai the support system is more center-oriented, and, as a result, it participates much less in formation of innovative network.

Keywords: innovation, innovative system, innovative network, social relations, innovative territories

Регионы России существенно различаются по уровню инновационной активности предприятий, по доле инновационной продукции в отгруженной и по иным показателям, характеризующим эффективность региональной инновационной системы (см., например, [1]). И эти различия не могут быть объяснены исключительно научными параметрами – объемом финансирования НИОКР, численностью исследователей, количеством полученных и используемых патентов и т.п., да и факторами ресурсного порядка в целом. Не меньшую роль играют факторы институционального порядка, влияние которых выражается в величине транзакционных издержек, связанных с взаимодействием субъектов инновационного процесса. Непосредственно на величину этих издержек влияет уровень доверия друг к другу участников инновационного процесса. Высокий уровень доверия позволяет переводить отношения в неформальную плоскость, другими словами, не подкреплять их составлением детальных формальных контрактов. Тем самым снижаются затраты ресурсов на мониторинг и верификацию результата. Уровень доверия, в свою очередь, зависит от параметров (и вообще от наличия) инновационной сети в данном регионе, а именно, от плотности социальных связей и их продолжительности. Иначе говоря, чем насыщеннее связи внутри

сети, чем больше действующих и потенциальных проектов, тем меньше у агентов желания нарушать свои обязательства. Действуют эффекты репутации и конкуренции.

Концепция инновационной системы к настоящему времени детально разработана. Определения инновационной системы, предлагаемые разными учеными, различаются, однако эти различия несущественны. Приводя определения инновационной системы, их авторы подчеркивают важность взаимодействия между ее институтами. Инновационная система – это «набор различных институтов, которые совместно и по отдельности способствуют разработке и распространению новых технологий. В рамках данных институтов осуществляется государственное воздействие на инновационный процесс. Как таковая, это система взаимосвязанных институтов, предназначенных для создания, сохранения и передачи знаний, умений и артефактов, которые формируют новые технологии» [2, р. 32]. Соответственно, если в регионе недостаточно развита система формальных и неформальных институтов, опосредующих взаимодействие субъектов инновационного процесса, то трансформация результатов научных исследований в инновационные проекты проходит гораздо труднее. Фактически это означает, что в регионе отсутствует должная инновационная среда.

Разработка понятия «инновационная система» применительно к различным уровням анализа (национальному, региональному, локальному, отраслевому) позволила акцентировать внимание на проблеме полноты элементов инновационной инфраструктуры в регионе и эффективности их функционирования. Однако вопросам взаимодействия субъектов инновационного процесса, в том числе неформального, интенсивности и направленности социальных связей, источников их возникновения и их влияния на инновационную активность уделялось недостаточно внимания. Это привело к появлению в 1990-х годах работ по формированию концепции инновационной сети.

Концепции инновационной системы и инновационной сети близки по содержанию ввиду общности объекта исследования. Связь между ними является двунаправленной. С одной стороны, базисом инно-

вационной системы любого уровня служат связи между потенциальными элементами системы, точнее, устойчивость и плотность данных связей. В том случае, когда связи носят не разовый характер, а являются устойчивыми, имеет смысл говорить о наличии инновационной сети. С другой стороны, федеральная инновационная политика, проводимая с использованием институтов инновационной системы, приводит к образованию новых инновационных сетей. И часто последнее является основной целью инновационной политики [3].

Общепризнанного определения понятия «инновационная сеть» пока не выработано. Однако, например, К. Кошацки (K. Koschatzky), Ч. Дилк (Ch. Dilk), Р. Глей (R. Gleigh) и А. Уолд (A. Wald) склонны считать, что инновационная сеть представляет собой все формы *взаимодействия* агентов, расположенные в промежутке между рынком и иерархией, направленные на организацию создания знаний, обмена знаниями и информацией и на стимулирование процессов взаимного обучения¹. Сегодня главным препятствием к созданию сетей является отсутствие сетевых организаторов, т.е. недостаток координации.

Для трансфера знания характерны географическая концентрация и межличностные контакты как основной канал коммуникации. Это обусловлено неявностью (некодифицируемостью) знания, лежащего в основе многих инновационных идей [5]. Кроме того, знания легче распространяются внутри фирм, чем между ними. Это связано, во-первых, с желанием сохранить втайне от конкурентов ключевые интеллектуальные активы, а во-вторых, с тем, что патенты конкурентов цитируются реже, поскольку существует опасность дальнейших судебных разбирательств. Если принять во внимание плотность межличностных связей, то влияние территориально-организационного фактора снижается. Другими словами, если связи между субъектами инновационного процесса достаточно крепки, устойчивы, то их поддержание не требует территориальной (организационной) близости. Межличностные связи особенно важны при трансфере некодифицируемого знания.

¹ Цитируется по работе [4].

Инновационная сеть характеризуется числом участников, плотностью связей (отношение между фактическим количеством двусторонних связей и потенциальным), наличием центральных элементов, степенью стабильности. Сила связей определяется взаимным доверием, эмоциональной наполненностью, объемом взаимных услуг и зависит прежде всего от когнитивной близости субъектов, т.е., условно говоря, от их способности понять друг друга. При этом конфигурация сети, практики взаимодействия ее элементов должны различаться в зависимости от ее направленности. Во-первых, это поиск новых практик, во-вторых, улучшение практик текущих. Так, если миссией сети являются производство и продвижение некоторого продукта, то сеть должна быть менее плотной и более стабильной и централизованной, поскольку, во-первых, знание становится более кодифицированным, чем на этапе НИОКР, во-вторых, необходимо реализовать отдачу от масштаба и, в-третьих, нужно снизить затраты на поддержание отношений. Связи могут быть неоднородными внутри сети, а именно, сильными, устойчивыми между элементами некоторого ядра и слабыми, исключительно для получения новой информации с остальными участниками. Кроме того, выявлено, что ведущую роль в трансфере технологий в рамках некоторой экономической системы (кластер, регион) играют центральные фирмы. При наличии таких субъектов ускоряется создание нового знания, привлекаются известные ученые, растут расходы на НИОКР фирм-партнеров и т.п. В ряде работ (см., например, [6]) с помощью кейс-анализа показана роль крупных фирм в координации инновационного процесса, в притоке знаний в регион извне, соответственно, в стимулировании инноваций со стороны фирм-партнеров.

Процесс функционирования сети сопряжен с рядом рисков. Во-первых, это риск запираания (lock-in), который возникает в связи с инвестициями в создание долговременных, устойчивых отношений между агентами: при разрыве отношений потребуются новые инвестиции. Во-вторых, это риск перелива, когда посторонние могут получить доступ к знаниям, на которых основываются ключевые компетенции фирмы, ее конкурентное преимущество.

Существенным недостатком концепции инновационной сети является то, что при изучении последней возникают значительные методологические проблемы. В первую очередь это обусловлено отсутствием четких количественных показателей, характеризующих параметры сети (уровень доверия, интенсивность взаимодействия и т.п.), влияние сети на инновационную активность, а также динамику развития инновационных сетей. К примеру, выявить наличие связи между агентами можно посредством социологического исследования, но как оценить влияние наличия контакта с некоторой организацией на развитие данной фирмы? Что лучше: иметь больше контактов с разными агентами или тесные связи с небольшим количеством организаций? Кроме того, информация о сетевых контактах, об их направленности представляет собой коммерческую тайну. Моделирование инновационных сетей представляется нам малопродуктивным в плане возможности эмпирической верификации и формулирования практических рекомендаций. Более оправданным является использование кейс-анализа.

Выявление инновационных сетей и их характеристика – задача не тривиальная ввиду очевидных трудностей в сборе необходимой информации². Ниже мы рассмотрим, в какой мере региональные власти способствуют формированию инновационных сетей и есть ли различия в этом между регионами. Объектом анализа будут Томская область и Краснодарский край. Выбор этих регионов обусловлен, с одной стороны, тем, что Томская область считается передовой в России в части инновационной политики, а Краснодарский край является мощным в экономическом отношении субъектом Федерации, в будущем способным, по образцу Калифорнии, создать зону предпринимательства, связанного с высокими технологиями.

² Источником информации послужила справочно-правовая система «Консультант Плюс. Региональный выпуск» (поскольку любая осознанная политика находит свое выражение в конкретных действиях, например в выделении субсидий, а значит, в издании соответствующего нормативно-правового акта), а также публикации по теме исследования (см., например, [7]).

Ресурсная обеспеченность инновационной деятельности

Показатель	2006		2007		2008	
	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.
Затраты на НИОКР, млн руб.	2185,4	2763,7	2947,8	3710,7	3260,0	5235,1
Численность занятых НИОКР, чел.	7324	8257	6997	8511	6452	8374
Затраты организаций на технол. инновации, тыс. руб.	1495,1	1815,6	1239,5	2371,9	1116,0	2170,1
Уд. вес затрат на технол. инновации в общем объеме отгружен. продукции, %	0,70	1,10	0,30	1,30	0,30	1,30

По данным статистики, ВРП Краснодарского края в 2011 г. был в 3,64 раза выше, чем ВРП Томской области. Специализация этих регионов – сельское хозяйство и добывающий сектор. Однако доля обрабатывающей промышленности (основной генератор инноваций) в валовой добавленной стоимости у них примерно одинакова: 10,5% в Краснодарском крае и 11,5% в Томской области. Обеспеченность научных исследований ресурсами в рассматриваемых регионах также сопоставима, но тенденции развития разные. Если в 2006 г. внутренние затраты на НИОКР и численность персонала в этой сфере у них были примерно равны, то к 2012 г. превосходство Томской области стало ощутимым (табл. 1). За исключением 2012 г., отношение затрат на инновации к объему отгруженной продукции в Томской области значительно выше, хотя нельзя не отметить рост данного показателя в Краснодарском крае.

Анализ результативности инновационной деятельности в рассматриваемых регионах показывает, что инновационная система Том-

Таблица 1

в Краснодарском крае и Томской области

2009		2010		2011		2012	
Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.
3202,6	5513,8	3260,3	5869,6	3826,6	7319,5	4817,6	8206,7
6379	8560	6256	8687	6059	8795	6504	8802
665,9	3446,6	1519,9	2038,4	3717,5	4094,3	11458,6	6710,2
0,20	2,08	0,36	1,01	0,81	1,56	2,52	1,54

ской области функционирует эффективнее. Так, здесь стабильно выше доля инновационной продукции в отгруженной. Хотя объемы выпущенной инновационной продукции довольно сильно колеблются год от года, заметно, что если до 2009 г. по абсолютному значению данный показатель был выше в Краснодарском крае, то после 2009 г. он растет в Томской области и устойчиво снижается в Краснодарском крае (табл. 2).

Как видно из табл. 2, уровень инновационной активности промышленных предприятий устойчиво выше в Томской области. Однако это может быть связано с различиями в отраслевой структуре промышленности. Для того чтобы устранить влияние данного фактора, мы рассчитали нормативный уровень инновационной активности как сумму произведений долей каждой из отраслей в регионе в общей численности занятых в промышленности, умноженную на уровень инновационной активности данного вида деятельности в России в целом. Соответственно, если нормативный уровень превышает факти-

Результативность инновационной деятельности

Показатель	2006		2007		2008	
	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.
Уд. вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной, %	2,1	1,7	1,1	2,6	2,1	2,9
Инновацион. активность организаций, %	7,5	18,4	7,9	16,9	6,8	16,0
Норматив. уровень инновацион. активности организаций, %	9,8	12,6	9,6	12,6	10,2	12,1
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	4353,6	2885,4	4717,4	4748,3	7652,7	4837,4

ческий, то это означает, что компании данного региона более интенсивно реализуют инновационные проекты; верно и обратное. Наши расчеты показывают, что инновационная активность, которая в рассматриваемых регионах должна быть на одинаковом уровне, в Краснодарском крае устойчиво ниже, а в Томской области устойчиво выше (за исключением 2012 г.) нормативного уровня.

Итак, при сопоставимом уровне затрат на инновации, более высокой ресурсной обеспеченности, выгодных географических, климатических условиях, значительных бюджетных инвестициях в инфраструктуру региональная инновационная система Краснодарского края функционирует менее эффективно, чем инновационная система Томской области. Соответственно, мы выдвигаем гипотезу, что эти различия обусловлены, в числе прочего, разными подходами к созданию инновационной системы, тем, что в Томской области ведется более активная политика по формированию институтов, опосредующих взаимодействие субъектов инновационного процесса.

Таблица 2

в Краснодарском крае и Томской области

2009		2010		2011		2012	
Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.	Краснодарский край	Томская обл.
1,8	2,8	1,2	2,7	0,8	4,2	0,7	1,6
5,4	15,3	6,2	18,4	6,1	15,7	7,4	11,4
9,7	11,6	9,6	11,4	11,6	13,5	11,6	13,3
6050,3	4668,4	5033,8	5365,1	3826,8	11143,8	3135,7	6913,9

В Томской области создан ряд формальных институтов, призванных обеспечивать координацию научно-исследовательской деятельности. Помимо органов власти сюда относятся Совет ректоров, Президиум Томского научного центра СО РАН, а также ассоциация научно-образовательных учреждений «Межведомственный научно-образовательный центр» [7]. Указанная ассоциация является аналитическим центром Томской области в сфере инноваций. Именно туда, наряду с региональным статуправлением, поступают результаты мониторинга инновационной деятельности предприятий региона. Осуществляется сбор не только информации, требуемой Росстатом, но и дополнительных сведений, в том числе данных о совместных проектах организации-респондента с другими структурами (поставщиками, потребителями, университетами, НИИ и др.). Факт сбора такой конфиденциальной информации говорит, во-первых, о наличии доверия между властью и высокотехнологичными компаниями

региона и, во-вторых, о выстраивании отношений с бизнесом с учетом интересов последнего.

Интенсификация взаимодействия участников инновационного процесса в Томской области достигается при содействии совещательного органа при администрации региона – Координационного совета по инновационной деятельности, к полномочиям которого относятся разработка и рассмотрение программ по стимулированию инноваций. В состав совета входят представители всех элементов инновационной системы, включая ведущие высокотехнологичные предприятия Томской области. Еще одна структура, обеспечивающая координацию, – Межведомственный центр нанотехнологий «Томскнанотех», созданный рядом вузов и НИИ Томска. Центр имеет соглашение о сотрудничестве с госкорпорацией «Роснано». Интерес «Роснано» не случаен: корпорация стремится получать высокую отдачу на инвестируемый капитал, следовательно, ей необходимо иметь полную информацию о предлагаемых проектах (об их истории, квалификации исполнителей, компаниях-партнерах и т.д.).

В Краснодарском крае в состав советов по инновационной деятельности помимо чиновников входят в основном представители банковских структур. При этом отсутствуют программы субсидирования инноваций, институты по координации деятельности в отдельных секторах (к примеру, в науке). Из мероприятий необходимо отметить присуждение молодежной премии «IQ года» и создание так называемых агротехнопарков. Предполагается, что в рамках агротехнопарков будут реализовываться крупные инновационные проекты, создаваться малые предприятия. Одним словом, агротехнопарки станут центрами сети. Правда, в законодательстве не прописаны ни порядок предоставления данного статуса, ни формы поддержки, ни обязанности тех компаний, которые этот статус получили.

Проблему координации в Краснодарском крае попробовали решить административно, создав Ученый совет по апробации высокотехнологичных промышленных разработок. В совете ключевую роль играют чиновники края, прежде всего губернатор (является его председа-

лем)³. В состав совета также входят представители проектных организаций и предприятий, работающих в газовой отрасли, представители вузов. К функциям совета относятся экспертная оценка внедряемых на предприятиях проектов, апробация разработок вузов и НИИ, экспертная оценка ситуации с внедрением инноваций в крае. Совет имеет право запрашивать у государственных органов, вузов и предприятий любую информацию (включая секретную), вносить предложения по инновационно-технологическому развитию конкретных хозяйствующих субъектов и отраслей. Однако, и это главное, отсутствуют нормы, вписывающие структуры по координации инновационной деятельности в систему власти в крае, определяющие порядок их взаимодействия с предприятиями и другими организациями.

Создание разного рода совещательных органов в Краснодарском крае не дополнено программами финансовой поддержки инновационной деятельности. Малым предприятиям предлагаются в основном консультационная поддержка и помощь в патентовании. Экспортеры высокотехнологичной продукции специализированную помощь не получают, за исключением субсидирования аренды выставочных площадей. Между тем в Томской области при выполнении требований компания, входящая в реестр инновационных предприятий, получает налоговые льготы (по налогам на прибыль и на имущество). Организация, претендующая на получение разного рода субсидий, должна соответствовать, по сути, тем же самым требованиям.

Кроме того, важной составляющей политики по созданию инновационной системы в Томской области является стимулирование местных агентов к интернационализации, к участию в международных структурах. Так, еще в рамках областной целевой программы «Развитие инновационной деятельности в Томской области на 2003–2005 гг.» была поставлена задача по софинансированию доступа томских резидентов в международную сеть трансфера технологий

³ Для сравнения: в Томской области главой совещательного органа является, как правило, руководитель ключевой структуры, координирующей инновационную деятельность, – Комитета по научной и инновационной политике администрации области.

RTTN. Заметим, что на эти цели было выделено всего 150 тыс. руб., однако определяющим был сам факт признания важности интеграции в глобальное инновационное сообщество.

В томской инновационной системе значимую роль играют не только высокотехнологичные фирмы, но и местные компании, занимающиеся инвестированием в наукоемкие проекты. Прежде всего сюда относятся ООО «Наука. Техника. Медицина», ЗАО «Томский центр венчурных инвестиций», инкубатор инновационных технологий «Аккорд», ОАО «ИУК «ФиБР». Руководители этих структур часто совместно с сотрудниками научных организаций владеют патентами, в кооперации с зарубежными и российскими венчурными фондами финансируют томские разработки, сотрудничают и с предпринимателями из других регионов. В Томске развито именно вовлечение сотрудников НИИ и государственных учреждений в наукоемкий бизнес. В частности, руководители ряда больниц создали высокотехнологичные компании совместно с указанными выше структурами. Известны факты, когда бизнесом занимаются и представители менеджмента вузов, причем не только наукоемкими проектами, но и торговлей, ресторанным бизнесом, строительством. И мы считаем, что это хорошо: во-первых, тем самым у представителей вузов формируются связи в бизнес-среде, во-вторых, зарабатывается капитал для первоначальной коммерциализации инновационных проектов.

Однако, на наш взгляд, формальные институты не так важны для становления региональной инновационной системы, как неформальные связи. Неформальные взаимоотношения, подкрепленные опытом работы в различных сферах (в государственных органах, бизнесе, организациях поддержки инноваций), призваны ускорять взаимодействие власти и бизнеса, использовать ресурсы региона для продвижения конкретных проектов, точнее, разрабатывать инновационную стратегию под конкретные проекты. Люди, обладающие таким значительным опытом, как правило, и являются сетевыми организаторами.

Косвенным подтверждением эффективности институтов координации в сфере науки и инноваций в Томской области являются результаты конкурсов, проводимых в рамках федеральных проектов поддержки

инноваций. Так, Фондом посевных инвестиций Российской венчурной компании принято к финансированию 50 проектов, из них 10 – от томских партнеров. Помимо Москвы, на остальные регионы приходится всего 15 проектов. Из Санкт-Петербурга принято всего три проекта. При этом отсутствуют проекты из таких признанных научных центров России, как Новосибирская, Тульская, Челябинская области.

* * *

Инновационная сеть является базисом региональной инновационной системы. Именно правильная организация взаимодействия компаний между собой и с сообществом исследователей позволяет интенсифицировать инновационную деятельность, привлекать лучших специалистов и инвестиции. В России анализ взаимосвязей субъектов инновационного процесса, включая связи в рамках совместных бизнес-проектов, представляется продуктивным направлением инновационной политики, поскольку в экономике, в которой большинство объектов инновационной инфраструктуры отличаются низкой эффективностью, именно отношения, построенные на доверии, позволяют реализовать высокотехнологичные проекты. Кроме того, в инновационной сфере как таковой коммерциализация результатов исследования требует соединения знаний различных агентов: проведения совместных исследований, испытаний, разработки промышленного образца, технологий изготовления изделия и т.п.

Именно широта социальных связей позволяет быстрее и эффективнее доводить идеи до рынка. Не случайно Фонд посевных инвестиций Российской венчурной компании требует от потенциальных контрагентов наличия связей с представителями наукоемкого бизнеса, а также считает целесообразным участие региональных властей в инвестировании средств в высокотехнологичные проекты. Так, в п. 3.1 Положения о системе венчурных партнеров Фонда посевных инвестиций Российской венчурной компании и порядке их регистрации указано, что статус венчурного партнера могут получить организации, задачей которых является «использование своего профессионального опыта в сфере венчурных инвестиций и налаженных взаимоотноше-

ний с участниками рынка» [8]. При этом инициатором создания венчурного партнера является организация или орган исполнительной власти субъекта Федерации, заинтересованный в развитии инновационно-технологического бизнеса в определенной отрасли и (или) регионе, содействующий образованию и (или) деятельности венчурного партнера путем предоставления ему финансовых и иных ресурсов для организации поиска, отбора, частного инвестирования проектов и постинвестиционного сопровождения работы портфельных компаний.

Литература

1. **Казанцев С.В.** Оценка масштабов инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 111–138.
2. **Metcalfe S.** The economic foundations of technology policy: equilibrium and evolutionary perspectives // Handbook of the Economics of Innovation and Technical Change. – L.: Blackwell, 1995. – 285 p.
3. **Pyka A.** Avoiding evolutionary inefficiencies in innovation networks. – URL: <http://econstor.eu/bitstream/10419/52390/1/672716739.pdf> (дата обращения 12.07.2012).
4. **Zabala-Iturriagagoitia J.M.** Definition of a methodology to analyze and measure interactions inside regional innovation systems. – URL: <http://128.118.178.162/eps/dev/papers/0503/0503002.pdf> (дата обращения 23.08.2012).
5. **Malipiero A., Munari F., Sobrero M.** Focal Firms as Technological Gatekeepers within Industrial Districts Knowledge Creation and Dissemination in the Italian Packaging Machinery Industry: Communication to the DRUID winter Conference 2005 / DRUID Working Paper No. 05-05.
6. **Lissoni F.** Knowledge codification and the geography of innovation: the case of BresciaMechanical Cluster // Research Policy. – 2001. – No. 30. – P. 1479–1500.
7. **Козловская О.В.** Создание особой экономической зоны в Томске: оценка и перспективы реализации инновационного проекта // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 214–224.
8. **Положение** о системе венчурных партнеров Фонда посевных инвестиций Российской венчурной компании и порядке их регистрации. – URL: [http://www.rusventure.ru/ru/investments/fpi/20110405_FPI_RSVP_\(2\).pdf](http://www.rusventure.ru/ru/investments/fpi/20110405_FPI_RSVP_(2).pdf) (дата обращения 11.04.2011).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

© Грасмик К.И., 2014

УДК 332.135

ББК 65.3

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 185–200

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ПРОМЫШЛЕННЫЙ СИМБИОЗ

И.Ю. Блам

ИЭОПП СО РАН

К. Борсекова, К. Петрикова

Университет Матей Бел (Словакия)

*Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта
FP7-PEOPLE-2011 IRSES 295050, финансируемого по 7-й Рамочной
программе Европейского союза*

Аннотация

Промышленный симбиоз предполагает добровольное сотрудничество предприятий с целью оптимизации производственных издержек путем использования побочных продуктов и отходов одних производств другими в качестве сырья, а также совместное потребление информационных, энергетических, водных и иных ресурсов. В статье рассматриваются находящиеся на разных стадиях своего развития спонтанные промышленные симбиотические объединения, которые функционируют на территориях Дании, Словакии и России, внося значимый вклад в устойчивое развитие регионов в этих странах.

Ключевые слова: промышленный симбиоз, устойчивое развитие региона, эколого-промышленный парк, управление отходами

Abstract

Industrial symbiosis is a voluntary cooperation of enterprises that aims to reduce manufacturing costs by leveraging each other's wastes or by-products as raw materials and sharing resources: information, energy, water, etc. This paper investigates the spontaneous industrial networks based on the principles of industrial symbiosis in Denmark, Russia and Slovakia, which are currently on different stages of development. The identified cases contribute to the sustainable development of regions where they are localized.

Keywords: industrial symbiosis, regional sustainable development, eco-industrial park, waste management

Анализ экономического развития регионов невозможен без учета основных современных тенденций, в первую очередь таких, как интенсификация процессов глобализации и индивидуализация рыночных сегментов, значительное изменение функциональной гибкости технологий и мобильности ресурсов, а также ужесточение конкуренции регионов на фоне насыщенности рынков и растущей роли субститутов. Кроме того, нельзя не уделить внимание феномену промышленного симбиоза¹, представляющего собой одну из наиболее успешных современных рыночных моделей, возникших в результате эволюции территориальных эколого-экономических объединений. Промышленный симбиоз предполагает добровольное сотрудничество предприятий с целью оптимизации производственных издержек путем использования побочных продуктов и отходов одних производств другими в качестве сырья, а также совместное потребление информационных, энергетических и прочих ресурсов. В одном из определений, получивших распространение в научной литературе, промышленный

¹ Имеются в виду как спонтанные симбиотические связи, так и созданные плановым путем эколого-промышленные парки. В настоящей статье рассматриваются спонтанные промышленные симбиотические объединения, находящиеся на разных стадиях своего развития и функционирующие в специфических условиях, определяемых действующим на территориях Дании, Словакии и России природоохранным законодательством. Они вносят значимый вклад в повышение конкурентоспособности регионов и снижение негативного воздействия на окружающую природную среду.

симбиоз характеризуется как «процесс, объединяющий традиционно независимые отрасли в единый организм с целью получения конкурентных преимуществ за счет обмена материалами, энергией, водой, отходами и побочными продуктами производства», при этом акцент делается на «возникающие ввиду географической близости синергетические возможности» [1, р. 313].

На эволюцию материальных, энергетических и информационных потоков между компаниями не может не оказывать влияния внешняя среда: социальные и экологические факторы, изменение действующего законодательства, инновации и рыночная конъюнктура обуславливают создание новых связей и разрыв старых. Отраслевая принадлежность предприятий в некоторой мере определяет структуру симбиотических сетей. Существующие исследования указывают на то, что двухэлементные партнерские связи, как правило, устанавливаются между производителями цемента, удобрений, биологического топлива, бумаги, нефтеперерабатывающими и фармацевтическими компаниями, а также предприятиями пищевой и добывающей отраслей. На следующем этапе развития промышленного симбиоза возможен переход к снабжению остаточными отходами и побочными продуктами производства фермерских, рыбоводческих хозяйств, пивоварен и т.п. [2, 3]. Симбиотические сети второго типа обычно возникают вокруг якорной организации, напрямую связанной с потребителями и, как правило, обеспечивающей партнеров ключевыми ресурсами (водой, электрической или тепловой энергией) или предоставляющей мощности для переработки отходов. Третья, наиболее развитая, модель промышленного симбиоза предполагает наличие комплексной сети и тесных взаимосвязей между компаниями-участниками.

Симбиотические связи могут возникать и развиваться спонтанно, как, например, это произошло в г. Калундборге (Дания), где сегодня функционирует одна из наиболее известных в мире моделей промышленного симбиоза. К сожалению, такие объединения встречаются достаточно редко, причем их становление занимает не один год (Калундборгу потребовалось более 40 лет: первые случаи использования побочных продуктов и отходов соседних предприятий были зафиксированы в городе в 1960-х годах).

С учетом величины как экономических, так и экологических benefits промышленного симбиоза идея искусственного планирования и строительства жизнеспособных эколого-промышленных систем является чрезвычайно привлекательной. К настоящему моменту в мировой практике апробировано несколько подходов к конструированию интегрированных эколого-экономических систем, симбиотические связи в которых предполагают снижение негативного воздействия на окружающую природную среду за счет обмена избыточными энергетическими, тепловыми и водными ресурсами, а также использование отходов и побочных продуктов производства компаниями-партнерами.

Эколого-промышленные парки являются одной из наиболее распространенных форм искусственного моделирования симбиотических систем, их функционирование предполагает наличие у предприятий тесных взаимных связей, аналогичных существующим в природных экосистемах. Как правило, эколого-промышленные парки развиваются в пределах промышленной агломерации или одного и того же территориального образования. Альтернативный подход к конструированию симбиотических производственных систем предусматривает развитие связей между предприятиями, которые находятся в разных регионах, но для которых симбиотические связи являются привлекательными с экономической или какой-либо иной точки зрения. Однако, как показывает практика, планирование симбиотических связей в большинстве случаев оказывается неудачным. Координационная и информационная деятельность лишь помогает развить существующие связи в рамках успешно функционирующей симбиотической сети [4].

На уровне фирмы основной мотивацией большинства обменных операций является стремление к получению дополнительной прибыли за счет размещения побочных продуктов и отходов или за счет снижения собственных издержек посредством использования в процессе производства более дешевых, чем традиционное сырье, отходов. Развитию промышленного симбиоза также может способствовать природоохранное законодательство. В России законодательство не стимулирует добровольный обмен между предприятиями-соседями. Одна-

ко компании, стремясь к повышению конкурентоспособности своей продукции, снижению себестоимости производства, осуществляют модернизацию, внедряя современные технологии, которые эффективны как с производственной, так и с природоохранной точки зрения. Будучи менее затратными, новые технологии, как правило, являются менее энергоемкими и обеспечивают сокращение выбросов загрязняющих веществ.

Основная проблема российского природоохранного законодательства – фискальная ориентация существующей системы экологических выплат. Министерство природных ресурсов и экологии РФ, признавая на словах необходимость реформирования, стремится прежде всего не решать накопившиеся проблемы, а наращивать доходы, увеличивая размер ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду. Штрафы и административные платежи, являясь основными инструментами природоохранной политики в России, сегодня не выполняют свою функцию в полной мере. Во-первых, система нормирования, лежащая в их основе, далека от идеальной. Во-вторых, после поступления в бюджеты различных уровней экологические платежи отнюдь не всегда используются для решения проблем, связанных с загрязнением окружающей среды. Кроме того, большинство природопользователей, решивших осуществить корректировку платы за негативное воздействие на окружающую среду путем зачета средств, затраченных на природоохранные мероприятия, сталкиваются с попытками территориальных органов Росприроднадзора по тем или иным основаниям отказать в этой корректировке, хотя она могла бы стать значимым стимулом для модернизации технологических процессов и улучшения экологической ситуации.

По нашему мнению, экологическая эффективность производства была бы значительно выше, чем при существующей системе штрафов и платежей, если бы

- расходы на строительство природоохранных объектов учитывались в платежах за негативное воздействие на окружающую среду;

- предприятиям были предоставлены налоговые льготы на балансовую стоимость имущества природоохранного назначения;
- налог на прибыль, полученную в результате деятельности по использованию и обезвреживанию отходов предприятия, по производству оборудования природоохранного назначения, был снижен;
- предприятиям предоставлялись особые условия финансирования при модернизации производства и внедрении современных технологий;
- были введены льготные транспортные тарифы на перевозку вторичных ресурсов и продукции, получаемых из отходов производства и потребления.

Даже сейчас, при отсутствии экономических стимулов со стороны государства, предприятия много делают для охраны окружающей среды, модернизируя производство за счет как собственных, так и заемных средств. Поддержка же экологических инициатив и модернизации производственных процессов позволила бы добиться более значимых результатов. Хотя соответствующая экологическая политика могла бы создать стимулы для циркуляции отходов и побочных продуктов между фирмами, эти инструменты в России не задействованы. В настоящий момент единственным стимулом для российских предприятий является получение дополнительной прибыли от управления отходами, остаточными ресурсами и побочными продуктами производства.

Промышленный симбиоз зарекомендовал себя в качестве крайне эффективной модели сотрудничества, однако в странах Восточной Европы, так же как и в России, он пока не получил широкого распространения. Так, в 2010–2011 гг. в Словакии в рамках проекта REPROWIS на основе данных, полученных при обследовании 500 предприятий малого и среднего бизнеса, были проанализированы возможности взаимовыгодного использования промышленных отходов и побочных продуктов производства, а также сокращения объемов выбросов вредных веществ. Результаты исследования указывают на незаинтересованность предприятий в снижении негативного воздействия на окружающую природную среду. Только на семи из

500 обследованных предприятий действовала система экологического менеджмента ISO 14001, а природоохранные мероприятия осуществлялись компаниями исключительно при условии отсутствия дополнительных затрат. Основными препятствиями для экологических инноваций, согласно результатам исследования, являются недостаток информации о современных экономически эффективных природоохранных технологиях и отсутствие заинтересованности в их использовании. Тем не менее нами была идентифицирована спонтанно развивающаяся симбиотическая сеть в г. Детва, которая, расширяясь и изменяясь в течение последнего десятилетия, адаптировалась к разнообразным, порой противоречивым условиям экономического развития страны.

Рассмотрим примеры успешной реализации симбиотических связей между компаниями в Дании, России и Словакии.

Промышленный парк г. Калундборга существует уже более 40 лет. Симбиотическая сеть объединяет девять предприятий различных форм собственности, среди которых крупнейшие мировые производители инсулина и энзимов – «Novo Nordisk» и «Novozymes», компании, занимающиеся очисткой сточных вод, переработкой отходов и рекультивацией земель, мощнейшая электростанция Дании «Asnæs» и самый большой в Балтийском регионе нефтеперерабатывающий завод «Statoil» [5]. Изначальным мотивом в установлении сотрудничества предприятий было стремление к снижению себестоимости продукции за счет использования отходов, побочных продуктов и остаточных ресурсов соседних предприятий в качестве источников сырья, однако с течением времени выяснилось, что кооперация позволяет не только увеличить прибыли компаний-участниц, но и снизить негативное воздействие на окружающую природную среду. Опыт Калундборга указывает на то, что даже единичный обмен между предприятиями может стать значимым шагом в развитии промышленного симбиоза. В экономической литературе отмечается, что успешная организация обмена между фирмами-соседями часто изменяет сам образ мышления, становясь стимулом для поиска дальнейших вариантов сотрудничества [6].

Симбиотическая сеть в Калундборге возникла и развивалась спонтанным образом вокруг нескольких якорных предприятий, обеспечивающих остальных участников водой, электроэнергией и предоставляющих им возможность пользоваться очистными сооружениями. Якорные организации продолжают оказывать значительное влияние на развитие симбиоза и в наши дни. Так, планируемое изменение энергетической политики поставщика электроэнергии «Dong Energy», предусматривающее закрытие угольной электростанции и установку ветрогенераторов, ожидаемо приведет к исчезновению таких побочных продуктов производства, как пар и остаточные теплые воды электростанции. Соответственно, компаниям-потребителям придется либо искать альтернативные источники ресурсов, либо изменять технологию производства.

На начальном этапе развития промышленного симбиоза в 1970-х годах компания «Gypros» разместила в Калундборге завод по производству гипсовых плит и построила газопровод, поскольку ее устраивала низкая цена на горючее – побочный продукт «Statoil». Гипс, получаемый после известковой очистки отходящих газов электростанции, также используется на заводе, обеспечивая более двух третей потребности в сырье для производства гипсовых плит.

В 1979 г. цементный завод начал использовать в производстве золу с электростанции, а двумя годами позже муниципалитет Калундборга завершил строительство городской отопительной системы, и электростанция «Asnæs» начала снабжать город отработанным паром, причем паровое отопление позволило ликвидировать частные печи, представляющие собой громадный рассредоточенный источник загрязнения атмосферы. В течение следующего года заводы компаний «Novo Nordisk» и «Statoil» также стали потреблять пар, поставляемый «Asnæs». Сеть развивалась спонтанно, путем заключения двусторонних контрактов, никакого первоначального плана не существовало, все делалось на основании личных договоренностей с целью получения взаимной выгоды. Впоследствии электростанция стала использовать для охлаждения морскую воду вместо пресной из оз. Тиссо, с 1989 г. направляя отработанные теплые воды в рыбоводческие хозяйства. С 1992 г. на электростанции часть угля заменили

газом, поступающим с завода компании «Statoil». Это стало возможным после того, как, вслед за изменением природоохранного законодательства, на нефтеперерабатывающем заводе построили установку для очистки отходящих газов от серы (до этого момента газы не соответствовали техническим требованиям). Помимо этого, начиная с 1976 г. активный ил, получаемый после очистки воды прудов для разведения рыбы, и отходы фармацевтического завода используются в качестве удобрения на окрестных растениеводческих фермах. «Novozymes» не только бесплатно обеспечивает фермеров биомассой, но и оплачивает транспортные издержки, экономя на издержках размещения отходов. Кроме того, избыточные дрожжи, остающиеся от производства инсулина на предприятии «Novo Nordisk», используются в качестве корма для свиней.

Симбиотические связи подвержены постоянным изменениям, поскольку на рынок отходов и побочных продуктов оказывают влияние инновационные и законодательные процессы. Так, до недавнего времени нефтеперерабатывающий завод компании «Statoil» поставлял жидкую серу, получаемую в результате десульфуризации углеводородного сырья, производителю серной кислоты «Kemira». Однако промышленный симбиоз предполагает, что продажи побочных продуктов основаны на традиционных рыночных отношениях и продолжают до тех пор, пока они экономически выгодны. Соответственно, «Statoil» прекратила поставки серы, после того как партнер переместил производство из Дании в Финляндию и возросшие транспортные издержки сделали сотрудничество невыгодным. В поисках новых возможностей реализации побочного продукта «Statoil» приобрела запатентованную технологию для производства сульфата аммония из серы, которую закупает производитель удобрений «Dan Godning», чьи производственные мощности находятся за пределами индустриального парка. Кроме того, предприятие вынужденно прекратило поставки бутана заводу компании «Gypros», когда последний перешел на более дешевый природный газ. В качестве еще одного примера влияния инновационных процессов на развитие промышленного симбиоза приведем станцию водоочистки, на которой, для того чтобы производить

биомассу высокого качества по новой технологии, в настоящее время строится водорослевая ферма.

Перечисленные связи далеко не исчерпывают энергетические и материальные потоки в Калундборге, где в результате более чем 40-летнего сотрудничества двусторонние связи сплелись в комплексную многомерную сеть, позволяющую значительно снизить производственные издержки и повысить экологическую эффективность производства.

Особенностью промышленного симбиоза Калундборга является социальная и экологическая ответственность компаний-участниц, выражающаяся в стремлении к внедрению «чистых» технологий на территории всего промышленного парка, к привлечению инвестиций в регион, к созданию дополнительных рабочих мест и развитию инфраструктуры. На территории муниципального образования действует симбиотический центр, задачей которого является информирование о существующих проблемах и возможностях, а также обсуждение стратегий дальнейшего развития компаний-участниц.

Представляет интерес *симбиотическая сеть в г. Новосибирске*, основанная на двусторонних отношениях. Промышленная экосистема находится на начальном этапе своего развития². В 2006 г. на предприятии, являющемся крупнейшим в России производителем ядра кедрового ореха и кедрового масла, было принято решение об использовании собственных производственных отходов, а именно скорлупы кедрового ореха, в качестве топлива. До этого скорлупу вывозили за территорию предприятия и бесплатно засыпали ею овраги и ямы на дорогах Новосибирской области (если бы ореховую скорлупу вывозили на свалку, то за размещение отходов приходилось бы платить). Для реализации проекта на предприятии была построена котельная и установлен специальный, рассчитанный на применение сыпучего топлива (опилок, лузги подсолнечника, ореховой скорлупы и т.п.) ко-

² При подготовке статьи использованы интервью с заместителем директора предприятия, проведенные авторами на условиях анонимности в рамках проекта № FPT.PEOPLE-2011-IRSES 295050 «Functioning of the Local Production Systems in the Conditions of Economic Crisis: Comparative Analysis and Benchmarking for the EU and Beyond» (FOLSPEC).

тел мощностью 200 кВт. Кроме того, на территории предприятия были проложены дополнительные трубы и построен бойлерный узел, позволяющий распределять нагрузку между центральным и собственным отоплением в зависимости от температуры на улице (центральное отопление может быть отключено полностью). Получаемое тепло идет в основном на технологические нужды – сушку ореха, а избыток, если он есть, – на отопление помещений.

Как уже отмечалось выше, даже единичный случай использования отходов и побочных продуктов производства коренным образом меняет отношение к ним и заставляет искать новые возможности их применения или реализации. Соответственно, в том же году были заключены первые контракты на поставку ореховой скорлупы для мульчирования почвы на приусадебных участках и ландшафтного дизайна. Кроме того, молотой ореховой скорлупой определенной фракции (0,4–0,6 мм) заинтересовалась московская косметическая фирма, с тех пор ежегодно приобретающая 2–2,5 т молотой скорлупы, которую предварительно приходится сушить, молоть и отсеивать. Основными стимулами для развития двусторонних отношений между предприятиями послужили, с одной стороны, стремление к получению выгоды от продаж ореховой скорлупы и экономия на размещении отходов и, с другой стороны, возможность приобретать сырье по конкурентной цене.

К 2011 г. количество потребителей ореховой скорлупы увеличилось. Всего в том году было заготовлено 1850 т кедрового ореха, после переработки которого было получено 1150 т скорлупы (объемы заготовок кедрового ореха не являются постоянными и зависят от годовой промысловой урожайности кедровых массивов). Из них 240 т продали компании, занимающейся изготовлением добавок в буровые растворы для нефтяников, около 20 т – фирмам и физическим лицам для мульчирования почвы на приусадебных участках и ландшафтного дизайна, еще около 2 т – для изготовления косметического скраба. В 2012 г. было заготовлено 5580 т ореха, из этого количества переработано 4000 т, а 1580 т оставлено на следующий сезон. Хотя было получено 2680 т скорлупы, к этому времени на предприятии уже был поставлен дополнительный котел и построена котельная на дочернем

консервном заводе в г. Барнауле, и объемы продаж резко сократились, поскольку практически вся скорлупа стала использоваться в качестве топлива. Сейчас предприятие продает скорлупу, предварительно ее обработав, только косметической фирме.

Таким образом, несмотря на отсутствие информационной поддержки и внешних стимулов для реализации отходов и побочных продуктов, спонтанно установившиеся симбиотические связи и использование отходов в качестве топлива позволили не только повысить прибыльность и энергетическую эффективность производства, но и снизить негативное воздействие на окружающую среду.

Симбиотическая сеть г. Девца. В Словакии в основе развития симбиотических связей между предприятиями и муниципальными образованиями также в первую очередь лежит стремление к снижению производственных затрат. Кроме того, действующее на территории страны экологическое законодательство создает дополнительные стимулы для вторичного использования ресурсов. В частности, правительство Словацкой Республики, понимая, что биоэнергетика сегодня является одним из перспективных направлений развития альтернативных методов получения энергии, поддерживает развитие производства биогаза³. Производство этого сырья имеет большой потенциал в плане создания новых рабочих мест в сельской местности, а биогазовые станции являются практически идеальным как с экономической, так и с экологической точки зрения децентрализованным источником энергии. В 2012 г. на территории Словакии действовало более 60 биогазовых станций, производящих ежегодно около 69 ГВт·ч электроэнергии [7].

Заметим, что в настоящее время все большее распространение получает технология производства электрической энергии и тепла из биомассы с использованием биогаза, полученного при переработке сельскохозяйственных отходов и специально выращенных энер-

³ Биогаз – газ, получаемый в результате микробного разложения биомассы. Он состоит в основном из метана (55–70%) и диоксида углерода (45–30%), но также содержит некоторые включения, которые удаляются на биогазовой станции. По своим свойствам биогаз наиболее близок к природному газу (80–98% метана). Он не имеет цвета и запаха.

гетических культур. Производство биогаза имеет ряд неоспоримых преимуществ. Во-первых, в тех регионах, где производится и используется биогаз, заметно улучшается экологическая обстановка. Работа биогазовой станции не только решает энергетические проблемы территории, но и способствует эффективной утилизации отходов органического происхождения и санитарной обработке сточных вод. Кроме того, завод по производству биогаза нередко выступает в качестве якорного предприятия при развитии спонтанных симбиотических сетей.

Словацкая компания «Agrosev» создана в 1998 г. на основе бывшего сельскохозяйственного кооператива в с. Виглаш⁴. Первоначально компания занималась исключительно производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Необходимость утилизации отходов животноводства и растениеводства возникла ввиду значительно увеличившихся объемов производства.

Органические отходы не могут сразу использоваться в качестве эффективного биоудобрения, они должны перебродить, чтобы минеральные вещества освободились от органических связей. В обычных условиях этот процесс занимает от трех до пяти лет и сопровождается неприятным запахом и токсичными выбросами, негативно влияющими на здоровье людей и животных. Производство биогаза, являясь экономически выгодным и экологичным способом переработки сельскохозяйственных отходов, позволяет предприятию самостоятельно вырабатывать необходимые ресурсы для самообеспечения электроэнергией и теплом, а при соответствующей очистке также использовать эти ресурсы в качестве автомобильного топлива. В результате работы биореактора получается не только биогаз, но и качественные биоудобрения, повышающие урожайность сельскохозяйственных культур на 30–50%. Важно, что после переработки

⁴ До 1989 г. в сельском хозяйстве Словакии преобладали животноводческие и растениеводческие кооперативы. Затем в течение переходного периода, начавшегося в 1990 г., большинство кооперативов было приватизировано, земля продана или сдана в аренду.

удобрения можно использовать практически сразу, а их себестоимость крайне низкая.

Сооружение в Детве в 2009 г. при финансовой поддержке Евросоюза биогазовой станции мощностью 1 МВт, перерабатывающей отходы сельскохозяйственного производства в биогаз и биоудобрения, стало первым шагом в становлении и развитии симбиотического узла. В 2012 г., когда первый завод был перестроен и расширен, а в Желобузе построен второй завод (сегодня их суммарная мощность составляет 3 МВт), энергетический потенциал симбиотической сети значительно увеличился.

Здесь необходимо подчеркнуть, что одним из значимых условий получения финансовой помощи от Европейского союза (распределяемой на конкурсной основе) была экологическая и социальная направленность проекта. Производство биогаза позволило снизить поступление метана в атмосферу, внося свой вклад в предотвращение глобального потепления, а побочный продукт производства биогаза – тепло, используется в отопительной системе Детвы в течение зимнего периода. Для получения льготного финансирования компании пришлось расширить проект, предусмотрев строительство трубопровода для транспортировки тепла жителям муниципально-го образования.

Биогазовые установки в Детве и Желобузе производят биогаз путем контролируемого сбраживания биомассы в анаэробных условиях. Основную часть топлива составляют навоз (компост, удобрение) и суспензия, взвесь, другой важной составляющей топлива являются кукурузный силос и сорго. Для увеличения выхода газа в холодное время года добавляются так называемые коферменты, за счет которых гомогенизируется производимый газ. Объем производства газа варьирует в зависимости от вещества: из 1 куб. м навоза крупного рогатого скота можно получить 20 куб. м биогаза, а из 1 куб. м помета птицы – 40 куб. м биогаза. В связи с этим в течение года состав субстрата для производства биогаза изменяется в зависимости от спроса, предъявляемого на тепло и электроэнергию.

Наличие собственной биогазовой установки сделало экономически выгодным производство щепы из отходов местной лесной

промышленности. Используемые компанией технология и оборудование позволяют перерабатывать не только мелкие ветки, но и обрезки деревьев длиной до 70 см. В день производится от 30 до 200 т щепы, которая не только идет на продажу, но и применяется для улучшения использования земель, для очистки водных каналов и для снижения риска затопления. Строительство линии по производству щепы также получило финансовую поддержку Евросоюза ввиду высокой природоохранной значимости проекта: хотя часть отходов лесопромышленного комплекса Словакии утилизируется на самих предприятиях, часть вывозится, продается в виде щепы или сырья, проблема управления отходами лесной промышленности в стране стоит весьма остро.

* * *

Приведенные примеры успешного функционирования симбиотических систем в промышленности и сельском хозяйстве позволяют сделать вывод о значительном потенциале промышленного симбиоза как формы экологически и экономически эффективного развития территорий. Симбиоз дает возможность вовлеченным в него предприятиям снизить затраты на производство продукции и уменьшить загрязнение воздуха, воды и почвы в регионе.

Интересно, что наиболее успешными оказываются спонтанные промышленные объединения, тогда как искусственно созданные, тщательно спланированные эколого-промышленные парки редко бывают жизнеспособными. Возможно, это объясняется тем, что с точки зрения инвестора вложения в технологии, поддерживающие обмен побочными продуктами производства, осуществляемый предприятиями-партнерами, весьма рискованны, поскольку исчезновение или ослабление одного звена ставит под вопрос устойчивость всей сети. Решением проблемы могли бы стать проектирование дублирующих связей и диверсификация материальных потоков, позволяющие минимизировать потери в долгосрочном периоде. Правительственные интервенции, информационная поддержка, бизнес-программы и научные исследования, как показывает опыт [8], могут быть весьма полез-

ными для расширения действующих симбиотических объединений, а инструменты математического программирования успешно применяются при проектировании оптимальной, минимизирующей издержки и негативное влияние на окружающую природную среду сети [9].

В заключение заметим, что совершенствование национального и международного законодательства в области охраны окружающей среды оказывает положительное влияние на процесс самоорганизации симбиотических систем и углубление существующих связей.

Литература

1. **Chertow M.R.** Industrial symbiosis: literature and taxonomy // *Annual Review of Energy and Environment*. – 2000. – V. 25. – P. 313–337.
2. **Zhu Q., Cote R.P.** Integrating green supply chain management into an embryonic eco-industrial development: a case study of the Guitang Group // *Journal of Cleaner Production*. – 2004. – V. 12, No. 8-10. – P. 1025–1035.
3. **Duflo J.R., Sutherland J.W., Dornfeld D. et al.** Towards energy and resource efficient manufacturing: A process and system approach // *CIRP Annals – Manufacturing Technology*. – 2012. – V. 61, No. 2. – P. 587–609.
4. **Jacobsen N.B., Anderberg S.** Understanding the evolution of industrial symbiotic networks: The case of Kalundborg // *Economics of Industrial Ecology: Materials, Structural Change, and Spatial Scales* / Ed. by J.C.J.M. van den Bergh, M.A. Janssen. – Cambridge, MA: MIT Press, 2004. – P. 331–335.
5. **Kalundborg** symbiosis er verdens første fungerende industrielle symbiose. – URL: <http://www.symbiosis.dk/en/partnere> (дата обращения 29.01.2014).
6. **Chertow M.R., Lombardi D.R.** Quantifying economic and environmental benefits of co-located firms // *Environmental Science & Technology*. – 2005. – V. 39, No. 17. – P. 6535–6541.
7. **Status** quo biogas plants and biomethane plants. – URL: <http://www.green-gasgrids.eu/market-platform/slovakia/status-quo.html> (дата обращения 29.01.2014).
8. **Costa I., Ferraro P.** A case study of industrial symbiosis using a middle-out approach // *Journal of Cleaner Production*. – 2010. – V. 18, No. 10-11. – P. 984–992.
9. **Cimren E., Fiksel J., Posner M.E., Sikdar K.** Material flow optimization in by-product synergy networks // *Journal of Industrial Ecology*. – 2011. – V. 15, No. 2. – P. 315–332.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.02.2014 г.

© Блам И.Ю., Борсекова К., Петрикова К., 2014

УДК 336.1

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 201–215

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

А.Р. Валеев

Счетная палата Республики Татарстан

Аннотация

Рассматривается российский опыт в области управления рисками при планировании и осуществлении бюджетных расходов. Приведены результаты анализа действующей практики управления рисками в рамках федеральных и региональных целевых программ. Представлен опыт Республики Татарстан по организации профилактической работы среди субъектов бюджетного планирования, в том числе по организации систем внутреннего контроля главных распорядителей бюджетных средств, по обобщению характерных нарушений и недостатков, по выявлению коррупционных рисков в финансово-бюджетной сфере.

Ключевые слова: риски, управление рисками, оценка рисков, Республика Татарстан, эффективность бюджетных расходов, профилактика нарушений, система внутреннего контроля

Abstract

The paper examines Russian experience in risk management while planning and implementing budget spending. We analyze the current risk management practice in the framework of federal and regional target programs. We present the example of the Republic of Tatarstan in organizing preventive maintenance

within the budget planning subjects including executing the work of internal control systems for major budget holders, summarizing specific violations and deficiencies, identifying corruption risks in fiscal environment.

Keywords: risks, risk management, risk assessment, the Republic of Tatarstan, budget spending efficiency, preventive control, internal control system

Анализ выявленных органами государственного и муниципального финансового контроля фактов неэффективного использования бюджетных средств показывает, что многие субъекты бюджетного планирования недостаточно внимания уделяют предварительной оценке рисков, связанных с реализацией новых программ, проектов и иных инициатив. Отсутствие у них действенных механизмов управления рисками способствует также возникновению случаев коррупции, хотя очевидно, что для государства выгоднее предупредить нарушения и недостатки, поскольку постфактум их зачастую устранить практически невозможно.

Подобное положение дел во многом обусловлено слабой научной разработкой вопросов методологии и практики управления рисками в финансово-бюджетной сфере. Большинство научных трудов по этой теме посвящено проблемам классификации рисков (см., например, работу [1]) или управления рисками в коммерческих организациях, кредитных учреждениях, а также рассмотрению международного опыта.

В соответствии с международными стандартами элементами управления рисками являются условия внутри организации, постановка целей, выявление событий, оценка рисков, реагирование на риски, контрольные действия, информация и ее передача, мониторинг. Формы реагирования на выявленные риски включают перенос риска, ликвидацию риска, прекращение деятельности либо признание риска допустимым [2].

В контексте управления рисками все контрольные процедуры подразделяются на четыре основные категории в соответствии с используемыми средствами. Средства контроля, нацеленные на *предотвращение* рисков, предназначены для ограничения вероятности развития риска и реализации нежелательного результата. *Направляющие* сред-

ства контроля предназначены для обеспечения достижения определенного результата. Средства контроля, нацеленные на **выявление** рисков, предназначены для выявления нежелательных последствий (постфактум). Средства контроля, нацеленные на **смягчение** негативной ситуации, предназначены для смягчения реально возникших нежелательных последствий.

Риски незаконных действий, неэффективного использования средств, как правило, имеют более высокий уровень, когда одно должностное лицо контролирует все ключевые этапы транзакции: планирование расходов, санкционирование расходов, оплату счетов, регистрацию первичных документов по поступлению материальных и иных ценностей, списание материальных и иных ценностей. Данные операции по возможности должны быть распределены между несколькими работниками. При этом следует отметить, что сговор ответственных исполнителей может частично либо полностью нейтрализовать предусмотренные процедуры внутреннего контроля. Поэтому следует проводить периодическую ротацию кадров.

Коррупциогенные риски при использовании бюджетных средств, государственного имущества значительно возрастают, когда в нормативных правовых актах не определены сроки, условия или основания принятия решения чиновниками, когда при определении компетенции употребляются такие слова, как «вправе», «могут», когда закреплены неопределенные, трудновыполнимые и обременительные требования к физическим и юридическим лицам, четко не регламентированы их права, когда применяются неустоявшиеся, двусмысленные термины и категории оценочного характера, когда не обеспечивается размещение необходимой информации для потенциальных получателей бюджетных средств, пользователей государственного (муниципального) имущества.

Наши исследования показали, что сегодня механизмы управления рисками в бюджетной системе Российской Федерации еще не нашли широкого применения. Международные требования в той или иной степени выполняются при разработке и реализации федеральных и региональных целевых программ. Программы должны содержать описание мер государственного регулирования и управления рисками

с целью минимизации влияния последних на достижение целей программ [3]. Аналогичные требования утверждены и на уровне многих субъектов Федерации.

Изучение отдельных федеральных и региональных целевых программ позволило нам подразделить риски, связанные с реализацией программ, и меры по управлению рисками на внутренние и внешние. При этом риски зачастую ранжируются по трем уровням: низкие, средние и высокие.

К основным внешним рискам реализации федеральных и региональных целевых программ относятся

- природно-техногенные риски;
- существенные изменения в мировой экономике (финансовый кризис, изменение конъюнктуры мировых рынков, уровня цен, усиление международной конкуренции, изменение внешнеполитической конъюнктуры и т.д.);
- существенные изменения в национальной экономике (высокая инфляция, снижение темпов роста экономики, изменение инвестиционного климата, снижение активности потенциальных инвесторов, снижение спроса на продукцию, рост тарифов и цен на энергоресурсы, устаревание технологий, ухудшение финансово-экономического положения организаций, кризис банковской системы, снижение уровня доходов граждан);
- вступление России в ВТО;
- ухудшение демографической ситуации;
- возникновение дестабилизирующих процессов;
- низкая согласованность действий между заинтересованными ведомствами, изменение порядка управления и реализации смежных программ, отсутствие системного подхода при перераспределении полномочий между уровнями власти;
- изменение приоритетов и направлений государственной политики, недостаточность бюджетных ассигнований программы;
- невозможность управления расходованием средств из внебюджетных источников, невыполнение плановых назначений по внебюджетным источникам финансирования мероприятий программы;

- недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- несовершенство нормативной правовой базы.

К внутренним рискам относятся

- несвоевременные разработка, согласование и принятие документов, обеспечивающих выполнение мероприятий программы;
- несоблюдение сроков реализации мероприятий программы;
- несвоевременное освоение выделенных бюджетных средств;
- низкая исполнительская дисциплина ответственного исполнителя, соисполнителей программы, должностных лиц, ответственных за выполнение мероприятий программы;
- недостаточная оперативность при корректировке плана реализации программы при наступлении внешних рисков ее реализации;
- отсутствие надлежащего кадрового обеспечения реализации программы;
- неверный выбор приоритетов в финансировании мероприятий программы;
- непрозрачность подготовки и принятия управленческих решений;
- неэффективное использование бюджетных средств;
- злоупотребления со стороны исполнителей программы;
- недостаточная эффективность управления государственным имуществом;
- низкая мотивация ответственных исполнителей;
- отсутствие эффективной системы контроля за реализацией мероприятий программы;
- недостаточный уровень развития информационного обеспечения реализации программы;
- искажение данных о достижении целевых показателей программ.

Основные меры по управлению внешними рисками реализации федеральных и региональных целевых программ включают

- мониторинг текущих мировых и национальных тенденций, прогнозирование перспективных тенденций в сфере реализации программы с последующей (при необходимости) актуализацией плана ее реализации;
- совершенствование механизмов координации работы государственных и иных органов и организаций, внедрение принципов проектного управления мероприятиями программы;
- межведомственные переговоры по ключевым вопросам на ранних этапах разработки и реализации программы, определение требований в отношении межведомственной координации, распределение сфер ответственности основных сторон, непосредственно участвующих в реализации программы;
- подготовку перспективных комплексных межотраслевых планов;
- переход на электронное межведомственное взаимодействие;
- заблаговременное размещение информации о планируемых мероприятиях на сайте исполнителя программы в сети Интернет;
- совершенствование механизмов страхования, использование на уровне инвестиционных проектов механизмов страхования рисков;
- внедрение инновационных технологий;
- заключение соглашений о взаимодействии с заинтересованными сторонами и контроль их реализации;
- формирование условий для развития частного бизнеса, государственно-частного партнерства;
- содействие внедрению современных систем контроля качества и технического регулирования, оптимизации производственных моделей компаний, модернизации производственных мощностей;
- диверсификацию предприятий;
- создание долгосрочного научно-технического задела;
- учет конъюнктурных колебаний при бюджетном прогнозировании;
- аналитическое и экспертное сопровождение реализации мероприятий программы;

- повышение качества перспективного финансового планирования;
- мониторинг планируемых изменений в законодательстве;
- обеспечение стабильности структуры заинтересованных органов исполнительной власти и правил проведения конкурсов в рамках реализации программы;
- своевременное выявление и решение проблем, негативно влияющих на реализацию программы.

Мерами по управлению внутренними рисками являются

- детальное планирование хода реализации программы;
- определение организационной структуры управления реализацией программы (состав, функции и согласованность звеньев всех уровней управления);
- проведение эффективной кадровой политики, включая разработку и реализацию специальных образовательных программ;
- совершенствование правового обеспечения реализации программы;
- оперативный мониторинг выполнения мероприятий программы;
- обеспечение финансирования мероприятий программы в полном объеме;
- своевременное внесение изменений в программу, нормативные правовые акты, своевременная актуализация ежегодных планов реализации программы, в том числе корректировка состава и сроков исполнения мероприятий с сохранением ожидаемых результатов мероприятий программы;
- четкое выделение приоритетов при распределении бюджетных средств;
- применение сценарно-вариантного подхода при планировании мероприятий и проектов программы;
- поэтапное финансирование проектов, предварительная, текущая и последующая оценка эффективности использования бюджетных средств, оперативное перераспределение и оптимизация объемов финансирования;
- внедрение конкурсных процедур по выбору наиболее эффективных инвестиционных проектов;

- оптимизация системы государственного (муниципального) заказа, в том числе изменение принципов ценообразования;
- совершенствование методов управления государственным (муниципальным) имуществом;
- усиление контроля за эффективностью использования бюджетных средств, государственного (муниципального) имущества;
- планирование бюджетных расходов с применением методик оценки эффективности бюджетных расходов;
- подготовка и рассмотрение в установленном порядке ежегодных докладов об эффективности реализации программы, которые при необходимости должны содержать предложения по ее корректировке;
- регулярная публикация отчетов о ходе реализации программы;
- разработка механизмов стимулирования ответственных исполнителей к достижению конечных целей программы;
- совершенствование механизмов осуществления государственных инвестиций;
- совершенствование информационного обеспечения реализации программы, организация разъяснительной работы относительно задач и специфики реализации программы;
- применение информационных технологий и современных программно-аппаратных средств, автоматизация процессов в целях управления реализацией программы;
- научно-методическая поддержка исполнителей и соисполнителей программы;
- повышение надежности и оперативности предоставления статистических данных.

Анализ федеральных и региональных целевых программ показал ряд их недостатков. Назовем основные.

Во-первых, меры по управлению рисками зачастую носят общий характер и могут относиться к управлению любой программой, т.е. не учитывают полностью региональные, отраслевые и иные особенности рисков.

Во-вторых, при оценке рисков реализации программ не всегда уделяется должное внимание таким характерным нарушениям, выяв-

ляемым органами государственного (муниципального) финансового контроля, как завышение закупочных цен при размещении государственных заказов, невостребованность приобретаемых товаров, результатов выполнения работ, оказания услуг в рамках реализации программ.

В-третьих, в каждой программе перед федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления ставится задача выявления и оценки рисков мошенничества и коррупции. Однако не во всех программах оцениваются риски коррупционных проявлений при использовании бюджетных средств, объектов государственной (муниципальной) собственности и предусматриваются соответствующие упреждающие меры.

В-четвертых, в программах четко не обозначены центры ответственности за управление рисками, сроки реализации мероприятий по управлению рисками, не прописан механизм систематической оценки эффективности этих программ, корректировки мер по управлению рисками.

Механизм управления рисками предполагает обеспечение взаимосвязи планирования, реализации, мониторинга, уточнения и корректировки программ. Следует отметить, что достаточно подробно на уровне нормативных правовых актов регламентированы вопросы управления рисками в части деятельности таможенных органов. В них определены такие категории, как «риск», «анализ рисков», «область риска», «индикаторы риска», «оценка риска», «профиль риска», «управление риском». Механизмы управления рисками нашли широкое применение в банковской деятельности, все больше распространяются технологии риск-менеджмента и в деятельности коммерческих организаций.

Передовой опыт в области организации и функционирования механизмов управления рисками последовательно применяется в финансово-бюджетной сфере Республики Татарстан. Здесь создан специальный Межведомственный координационный совет по вопросам государственного финансового контроля, в котором представлены все контролирующие структуры федерального и регионального подчине-

ния, наделенные полномочиями по контролю в финансово-бюджетной сфере региона. В 2012 г. советом разработаны Методические рекомендации по организации системы внутреннего (ведомственного) контроля главного распорядителя бюджетных средств, ориентированной на профилактику коррупционных проявлений [4]. Главным распорядителям бюджетных средств рекомендовано проводить анализ возможных рисков в своей деятельности, оценивать их последствия и заблаговременно разрабатывать упреждающие мероприятия. Дан пример оценки рисков, предложена форма специального журнала управления рисками, в котором должны быть отражены существенные риски, указаны ответственные должностные лица, перечислены мероприятия по управлению рисками.

Журнал ведется, как правило, следующим образом. Руководители структурных подразделений с учетом результатов контрольных мероприятий, ранее проведенных органами внешнего и внутреннего финансового контроля, составляют перечень возможных нарушений и недостатков в деятельности своих подразделений. Далее по каждому нарушению и недостатку предлагаются мероприятия, позволяющие снизить их вероятность и (или) смягчить последствия. Ответственными должностными лицами по управлению рисками, указываемыми в журнале, в большинстве случаев являются руководители структурных подразделений, в чьи функциональные обязанности входит решение поставленных задач (реализация мероприятий по управлению рисками).

Следует отметить, что управление рисками предполагает систематическую проверку эффективности мероприятий. Специальные совещания, на которых обсуждается эффективность запланированных мероприятий, целесообразно проводить ежеквартально. При выявлении неучтенных ранее рисков, в том числе обусловленных изменениями в деятельности главного распорядителя бюджетных средств и его подведомственных организаций, в журнал необходимо своевременно вносить соответствующие изменения. Пример оценки основных рисков при использовании бюджетных средств, выделенных на реформирование и модернизацию жилищно-коммунального комплекса, представлен в таблице.

**Оценка влияния рисков при использовании бюджетных средств,
выделенных на реализацию государственной программы субъекта
Федерации по реформированию и модернизации
жилищно-коммунального комплекса**

Риск	Вероятность наступления риска	Влияние риска на эффективность использования средств
Недостижение плановых показателей стратегий, концепций, целевых программ, касающихся реформирования и модернизации жилищно-коммунального комплекса	Высокая	Сильное
Неисполнение положений нормативных правовых актов, несвоевременное внесение в них необходимых изменений, недостаточность нормативного правового обеспечения реализации мер государственной (муниципальной) поддержки, наличие коррупциогенных факторов в нормативной правовой базе	Средняя	Сильное
Высокая монополизация рынка услуг по управлению жилым фондом	Высокая	Сильное
Недостаточная прозрачность деятельности управляющих компаний	Высокая	Сильное
Осуществление управляющими компаниями экономически не обоснованных расходов	Высокая	Сильное
Отсутствие действенного контроля за деятельностью управляющих компаний, в том числе со стороны населения	Высокая	Сильное
Наличие значительной дебиторской и кредиторской задолженности организаций жилищно-коммунального комплекса	Высокая	Сильное
Наличие просроченной задолженности по лизинговым платежам в рамках реализации программы поддержки предприятий ЖКХ с использованием лизинговых схем	Высокая	Сильное
Упущения в системе мониторинга состояния ЖКХ, отсутствие систематизированных данных по проблемным моментам	Средняя	Сильное
Отсутствие четкой стратегии (порядка) распределения государственных (муниципальных) средств по направлениям, муниципальным образованиям	Средняя	Среднее

Окончание таблицы

Риск	Вероятность наступления риска	Влияние риска на эффективность использования средств
Неэффективное использование оборудования, техники и объектов недвижимости, приобретаемых за счет средств государственной (муниципальной) поддержки	Средняя	Сильное
Наличие объектов капитального строительства, которые длительное время не финансируются	Средняя	Сильное
Наличие проектно-изыскательских работ, по которым в дальнейшем строительство не осуществляется	Средняя	Сильное
Невыполнение плановых показателей финансирования мероприятий государственной (муниципальной) поддержки	Средняя	Сильное
Упущения в системе внутреннего контроля за выделением и использованием государственных (муниципальных) средств	Средняя	Среднее
Некачественное выполнение капитального ремонта многоквартирных жилых домов, завышение объемов выполненных работ, стоимости строительных материалов	Средняя	Сильное
При формировании планов мероприятий государственной (муниципальной) поддержки недостаточный учет мнения конечных получателей	Средняя	Среднее
Недостаточная доступность информации о мерах государственной (муниципальной) поддержки для получателей	Средняя	Среднее
Недостаточная информационная и консультационная поддержка управляющих компаний	Средняя	Среднее
Невыполнение показателей бизнес-планов инвестиционных проектов, реализуемых за счет бюджетных средств	Высокая	Сильное
Наличие резервов повышения эффективности использования энергетических ресурсов в ЖКХ	Высокая	Сильное

Оценка рисков проводится, как правило, экспертами. Применяется следующая шкала оценок: если вероятность наступления риска не превышает 1%, то она низкая, если вероятность составляет от 1 до 5%, то она средняя, если превышает 5%, то высокая; если риск влияет не более чем на 5% планового результата, то его влияние на эффективность использования средств низкое, если на 5–10% – то среднее, если более чем на 10% – то сильное.

В Республике Татарстан предпринимаются меры по внедрению механизмов управления рисками не только на уровне отдельных министерств, ведомств (главных распорядителей бюджетных средств), но и на отраслевом уровне. В 2013 г. в рамках Межведомственного координационного совета по вопросам государственного финансового контроля в республике подготовлены Методические рекомендации по совершенствованию системы контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства [5]. В них отражены современное состояние ЖКХ, объекты и субъекты контроля, его основополагающие принципы. Особенностью данного документа является то, что в нем систематизированы наиболее вероятные нарушения и недостатки в сфере ЖКХ (более 50 основных рисков), закреплены центры ответственности и предложены типовые мероприятия по управлению рисками. Отдельно рассмотрен вопрос о совершенствовании системы информационного обеспечения контроля.

Методические рекомендации по совершенствованию системы контроля в сфере ЖКХ направлены в Кабинет министров Республики Татарстан, доведены до уполномоченных в этой сфере министерств, ведомств, а также до муниципальных образований. Подобный подход соответствует положениям стандартов, руководств Международной организации высших органов финансового контроля.

Методология управления рисками использовалась также при разработке в рамках деятельности Межведомственного координационного совета по вопросам государственного финансового контроля в Республике Татарстан следующих документов:

1) заключения по результатам анализа и систематизации нарушений и недостатков, выявляемых органами государственного (муници-

пального) финансового контроля. Данный документ ежегодно готовится рабочей группой из представителей ведомств Республики Татарстан – Счетной палаты, Казначейства Министерства финансов, территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, управления Федеральной антимонопольной службы, Министерства внутренних дел, прокуратуры с участием муниципальных контрольно-счетных органов и в профилактических целях доводится до всех региональных министерств, ведомств и муниципальных образований;

2) концепции организации системы контроля за деятельностью автономных, бюджетных и казенных учреждений. В этом документе прописано распределение приоритетных направлений контрольной деятельности между органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя, наблюдательным советом автономного учреждения, уполномоченным органом по имущественным и земельным отношениям, контрольно-счетными органами, уполномоченными органами по осуществлению контроля за размещением государственных (муниципальных) заказов и др.;

3) методических рекомендаций по выявлению коррупционных рисков при использовании бюджетных средств, государственного и муниципального имущества. Этот документ предназначен для органов внешнего и внутреннего финансового контроля, он позволит системно организовать работу контрольных органов по выявлению коррупционных рисков в финансово-бюджетной сфере, смещая акценты от выявления нарушений в порядке ведения бухгалтерского учета к выявлению резервов дополнительных поступлений в бюджет, оптимизации бюджетных расходов, повышения эффективности использования государственного (муниципального) имущества.

Практика контрольной деятельности показывает, что большинство эпизодов неэффективного, незаконного расходования бюджетных средств устранить постфактум, как уже говорилось, практически невозможно. Для государства гораздо выгоднее организовать на уров-

не главных распорядителей бюджетных средств действенные механизмы управления рисками, чем принимать меры, когда нарушения и недостатки уже допущены.

Широкое внедрение в финансово-бюджетной сфере механизмов управления рисками, предполагающих идентификацию возможных нарушений и недостатков уже на этапе планирования бюджетных расходов, закрепление центров ответственности и разработку превентивных мер, позволит перейти от последующего контроля к предварительному и тем самым обеспечить более эффективное использование государственных ресурсов.

Литература

1. **Мельник Е.Д.** Управление бюджетными рисками. – URL: <http://www.uecs.ru/uecs-53-532013/item/2153-2013-05-25-06-16-42> (дата обращения 15.07.2013).
2. **The International Standard of Supreme Audit Institutions INTOSAI GOV 9130. Guidelines for Internal Control Standards for the Public Sector – Further Information on Entity Risk Management.** – URL: [http://www.issai.org/media\(577,1033\)/INTOSAI_GOV_9130_E.pdf](http://www.issai.org/media(577,1033)/INTOSAI_GOV_9130_E.pdf) (дата обращения 27.05.2013).
3. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 32. – Ст. 4329 (в редакции от 17.10.2013 см.: Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 43. – Ст. 5575).
4. **Методические** рекомендации по организации системы внутреннего (ведомственного) контроля главного распорядителя бюджетных средств, ориентированной на профилактику коррупционных проявлений, одобренные Межведомственным координационным советом по вопросам государственного финансового контроля в Республике Татарстан 22 ноября 2012 г. – URL: http://www.sprt.ru/files/m_vn_kon.pdf (дата обращения 27.05.2013).
5. **Методические** рекомендации по совершенствованию системы контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства в Республике Татарстан. – URL: http://www.sprt.ru/files/metod_gkh13.pdf (дата обращения 20.11.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.01.2014 г.

© Валеев А.Р., 2014

УДК 338.98

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 216–234

АПРОБАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Б.С. Жихаревич, Т.К. Прибышин

МЦСЭИ «Леонтьевский центр»

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект 12-32-01026)*

Аннотация

Изложены результаты пилотного исследования 100 документов долгосрочного стратегического планирования муниципальных образований. Тексты охарактеризованы на основе разработанного кодификатора, предполагающего описание экономической и социальной частей стратегий, разделов по развитию инфраструктуры и реализации стратегии. Особое внимание уделено характеристике «амбициозности» документа, приоритетам в использовании «флагманских проектов». В результате кластерного анализа выделено три плотные группы стратегий: амбициозные реалистичные (хорошие), неамбициозные реалистичные и амбициозные нереалистичные (популистские). Большая наполненность первого кластера (54 стратегии) позволяет говорить о достаточно высоком качестве российских муниципальных стратегий. Контент-анализ массива документов по словам-маркерам подтвердил дифференциацию тематических направлений стратегий и показал наличие ряда тем, задаваемых с федерального уровня.

Ключевые слова: муниципальное стратегическое планирование, управление, кластеры, стратегии, контент-анализ

Abstract

The paper presents results of a pilot study of 100 documents on long-term strategic planning of municipal units. We characterize the texts basing on a devised codifier which describes economic and social parts of strategies, infrastructure development issues and implementation of a strategy. We pay special attention to «ambitious» character of a document and priorities towards «flagship projects». As a result of cluster analysis, we have defined three following dense groups of strategies: ambitious realistic (good), unambitious realistic and ambitious unrealistic (populist) ones. The big number of strategies of the first cluster (54) allows us to say that Russian municipal strategies are of considerably high quality. Through the content analysis of the documents using lexical markers, we prove that the strategies are thematically differentiated and find out that a series of topics is assigned by the federal authorities.

Keywords: municipal strategic planning, management, clusters, strategies, content analysis

Сегодня муниципальное стратегическое планирование стало массовым явлением, что дает материал для его изучения и осмысления. Есть несколько научных исследований, в которых рассмотрены процесс распространения практики стратегического планирования в России во времени и пространстве, факторы устойчивости создаваемых муниципальных систем стратегического планирования, характеристики муниципальных стратегических планов с точки зрения соответствия определенным стандартам [1–5].

В настоящей статье дана классификация массива муниципальных стратегий по их содержательной направленности. Как показал информационный поиск, подобных попыток охарактеризовать большое количество стратегических документов, описать их, а также классифицировать по содержанию, не было. В основном исследования были направлены на качественное описание и анализ одного или нескольких стратегических документов [6, 7].

Мы проанализировали содержание 100 документов стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований России, имевших в названии слова «стратегия», «концепция» или «программа», с периодом действия более 5 лет (бу-

дем называть их далее стратегиями)¹. Для характеристики содержания муниципальных стратегий был разработан кодификатор, содержащий вопросы к эксперту и закодированные варианты ответов². Кодификатор составлен с учетом реальной практики и ориентирован на описание существующих стратегий, большинство из которых имеют социально-экономическую направленность. На содержание кодификатора повлияло представление о некоем «правильном» подходе к разработке стратегии, при котором четко выделяется небольшое количество приоритетов и делается акцент на несколько прорывных «флагманских» проектов. Кодификатор включает следующие блоки: общая характеристика содержания стратегии; характер экономических изменений; инфраструктурные проекты; социальная направленность стратегии; управленческая направленность стратегии.

Экспертам предлагалось заполнить кодификатор по результатам изучения каждого документа. В роли экспертов выступили магистранты НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург), прослушавшие курс по территориальному стратегическому планированию. По итогам заполнения кодификатора каждой стратегии ставится в соответствие вектор кодов, что открывает возможности для формального анализа.

Мы понимаем, что все дальнейшие выводы зависят от качества заполнения кодификатора. Для проверки устойчивости результатов в начале эксперимента некоторые стратегии были предложены для кодификации нескольким экспертам. В ряде случаев совпадение результатов оказалось невысоким, поэтому были приняты дополнительные меры по контролю качества кодификации. Помимо кодификатора руководителем эксперимента проверялся реферат, в котором по пунктам обосновывался выбор эксперта. Коды уточнялись после коллективного обсуждения, направленного на унификацию толкования кри-

¹ База данных включает проекты, опубликованные на сайте «Стратегическое планирование в городах и регионах России» [8]. Недостающие документы были взяты с сайтов администраций городов. Документы, а их число равно 100, подбирались таким образом, чтобы обеспечить территориальный охват и дифференциацию по численности населения.

² Авторы благодарят коллег Н.Б. Жунду и О.В. Русецкую за участие в разработке кодификатора.

териев кодификации. В результате достоверность кодификации была повышена.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ СТРАТЕГИИ

Что лучше работает: амбициозная, но не вполне реалистичная стратегия или реалистичная стратегия «малых дел»? Для того чтобы понять это, в кодификатор был включен вопрос об оценке степени амбициозности стратегии³. Если в стратегии указаны количественные показатели, то индикаторами амбициозности могут выступать динамика промышленного производства, средняя заработная плата и т.п. При отсутствии количественных показателей используется экспертная оценка, основанная на количестве социальных, экономических и инфраструктурных проектов и стоимости этих проектов по отношению к бюджету муниципального образования. Большинство стратегий были охарактеризованы экспертами как амбициозные (29%) и отчасти амбициозные (37%), неамбициозными были признаны 26% стратегий, а 8% документов экспертам не удалось охарактеризовать.

Заявленная (афишируемая) направленность стратегии и ее направленность *реальная* могут не совпадать. Заявленная направленность определялась либо по названию, либо на основе частоты упоминаний тех или иных терминов в «имиджевых частях» текста стратегии. Реальная направленность определялась по окончании анализа стратегии на основе изучения перечня мероприятий и объема их финансирования. Признаком для отнесения документа к той или иной группе явилась доля мероприятий определенной направленности, превышающая 30% от их общего количества. Большинство стратегий было охарактеризовано экспертами как экономические и социальные (табл. 1). К комбинированным стратегиям (содержащим характеристики двух и более типов) было отнесено 84% документов. При этом в стратегиях, в которых больше пяти заявленных направленностей, реальные мероприятия не прописаны совсем. В результате сравнения оказалось, что полностью совпадают заявленная направленность и ре-

³ Под амбициозностью понимается нацеленность на кардинальные перемены или опережающее развитие.

Таблица 1

**Общая направленность стратегических документов, кол-во
с соответствующей характеристикой**

Характеристика стратегии	Заявленная направленность	Реальная направленность
Комбинированная	79	73
Экономическая	78	60
Социальная	70	56
Инфраструктурная	30	42
Инвестиционная	14	14
Пространственная	14	9
Инновационного развития	14	9
Экологическая	11	12
Институциональная	5	6
Духовная	3	2
Иное	5	6

альная лишь у 32% стратегий, у 6% стратегий зафиксировано совпадение по трем пунктам и у 22% – по двум пунктам, т.е. у 28% стратегий заявленные и реальные приоритеты разнятся незначительно. У 21% стратегий приоритеты совпадают только по одной позиции, а у 19% полностью расходятся. Таким образом, доля стратегий со значительными расхождениями в заявленных приоритетах и реальных мероприятиях весьма велика – 40%. Это может быть свидетельством как сознательного искажения в популистских целях, так и некачественного редактирования, когда разные разделы стратегии пишутся разными людьми, а общая редакция не осуществляется.

Важной чертой хорошей стратегии является наличие флагманских проектов⁴. Соответствующий вопрос в кодификаторе был поставлен отдельно. В 54% документов упоминаются флагманские

⁴ При кодификации флагманским (имиджевым, якорным, мегапроектом) считается проект, значительно влияющий на развитие города и не просто деклариру-

проекты в отраслях специализации городской экономики. В 48% стратегий экспертами отмечались инфраструктурные флагманские проекты. Еще меньше было отмечено флагманских проектов в социальной сфере (34% документов). Заметим, что далее в ходе математической обработки с помощью факторного анализа был определен интегральный показатель, характеризующий наличие флагманских проектов в стратегии.

Второй блок кодификатора отведен для характеристики экономических аспектов стратегии. Прежде всего определялось, делается ли акцент на конкретные отрасли либо предприятия (селективная стратегия) или на общие равные условия, хозяйственный климат (общеекономическая стратегия). Большинство стратегий включало оба направления (52% документов), к селективным отнесено 28%, к общеэкономическим – 18%, 2% документов не было распознано.

По масштабу преобразований в экономике вариант стратегий «незначительные изменения» выбирался, если стратегия являлась консервативной и никакие из предложенных изменений не были кардинальными (так охарактеризовано 50% документов). «Значительные изменения» предполагают некоторые кардинальные преобразования (к этому варианту отнесено 18% стратегий). Если в рамках реализации стратегии существенно меняется направление экономического развития муниципального образования или значительно ускоряются его темпы, то эксперт фиксировал тип «радикальные изменения» (11% документов). Не предполагают экономических изменений 16% стратегий (табл. 2), а большинство документов не предполагают диверсификацию отраслевой структуры.

Степень внимания к инфраструктурным проектам оценивалась по их количеству. Исключительное внимание соответствует при-

ванный, но и описанный в тексте стратегии. Отдельно характеризуются флагманские проекты в экономике, инфраструктуре и социальной сфере. Критерий отнесения проектов к флагманским в отраслях специализации – создание рабочих мест в количестве не менее 10% от численности населения города или увеличение объема экономической деятельности в городе не менее чем на 20%; в отраслях инфраструктуры – стоимость проекта в размере более 30% от годового бюджета муниципального образования.

Таблица 2

Характер изменений отраслевой структуры, предполагаемых стратегий

Тип изменений	Признаки	Доля стратегий с соответствующим типом изменений, %
Диверсификация моноструктуры	Изначально муниципальное образование является моногородом. После реализации проектов экономика должна стать диверсифицированной	9
Диверсификация структуры	Изначально город не является моногородом. Предложено создание отраслей, которые ранее в городе не существовали	31
Изменения специализации	Предложен отказ от некоторых старых отраслей	4
Не предполагается изменений структуры	Изменения не предполагаются	49
Невозможно определить	—	7

существованию в стратегии четырех проектов и более, повышенное – присутствию трех проектов, среднее – двух. Большинство стратегий (35%) характеризуются исключительным вниманием к инфраструктурным проектам, повышенным вниманием – 20%, средним – 16, незначительным – 8, отсутствием внимания – 6, а в отношении 15% степень внимания к инфраструктурным проектам невозможно определить. Коэффициент Спирмена для показателей «наличие флагманских проектов в инфраструктуре» и «степень внимания к инфраструктурным проектам» составил 0,447, а коэффициент значимости – 0,01.

Отраслевая специфика инфраструктурных проектов определяется по объему финансирования или по количеству проектов соответствующей тематики. На модернизацию транспорта (в основном внутреннего) направлено 39 проектов, проектов в социальной сфере и сфере благоустройства – соответственно 38 и 31. Необходимо отметить, что при большом количестве инфраструктурных проектов в социальной сфере они не были охарактеризованы как флагманские.

Приоритетность социального развития при наличии данных о финансировании определялась по стоимостному признаку (доля в общем объеме финансирования стратегии), а в противном случае – по качественному (упоминание данной сферы в миссии / главной цели / целевых направлениях / отдельных мероприятиях). Повышенное или исключительное внимание к социальной политике отмечается в 45% документов, к образованию – в 37, к здравоохранению – в 28, к культуре – в 26, к физической культуре и спорту – в 18, к безопасности – в 17%. С помощью факторного анализа был определен интегральный показатель общего интереса к социальной сфере.

Отраслевая специфика флагманских проектов в социальной сфере определялась по объему финансирования или по количеству проектов соответствующей тематики. Больше всего проектов отмечено в сфере образования (30), чуть меньше – в сферах культуры и здравоохранения (по 18 проектов).

По степени внимания к инструментам их реализации стратегии распределены следующим образом. Исключительное внимание означает, что вопросы реализации стратегии курирует специально созданное подразделение внутри администрации, а также предполагаются изменения в структуре управления и/или внедряются новые управленческие технологии (такие стратегии составляют 9% от общего числа). Повышенное внимание означает, что предполагаются только изменения в структуре управления и/или внедряются новые управленческие технологии без создания новой структуры (20%). Среднее внимание отмечалось, когда механизмы реализации проработаны, указаны ответственные исполнители, сроки, объемы и источники финансирования (22%). Незначительное внимание фиксировалось в случае, когда механизмы реализации описаны, но отсутствуют один или два атрибута (32%). Отсутствие внимания означает, что механизмы реализации не описаны (17%). В отношении 2% стратегий степень внимания к инструментам их реализации невозможно определить.

Классификационные признаки для определения специфики изменений в системе управления развитием территории представлены в табл. 3. Чаще всего предполагались такие мероприятия, как создание системы стратегического управления развитием территории, повыше-

Таблица 3

Специфика изменений в системе управления развитием территорий

Характеристика	Признаки	Кол-во стратегий, соответствующих характеристике, ед.
Создание системы стратегического управления развитием территории	Внедрение инструментов стратегического планирования на уровне отраслевых департаментов и подразделений	19
Бюджетное планирование	Совершенствование системы финансового планирования	10
Исполнение бюджета	Внедрение программных методов управления бюджетом	4
Повышение эффективности работы местных органов власти	Разработка и внедрение показателей эффективности, сбалансированной системы показателей	17
Электронные коммуникации	Электронное правительство, электронные услуги	12
Участие граждан в самоуправлении	Открытое правительство, общественная палата	17
Комбинированная стратегия (2–3 кода)	...	11
Невозможно определить	—	47

ние эффективности работы местных органов власти, а также участие граждан в самоуправлении.

Амбициозность стратегий. По степени амбициозности выборка разделилась на три группы: амбициозные (29 стратегий), отчасти амбициозные (37) и неамбициозные (26) документы. Амбициозные стратегии в большей мере имеют экономическую направленность (в части как заявленной, так и реальной направленности), в неамбициозных чаще доминируют мероприятия в социальной сфере. Флагманские проекты более характерны для амбициозных стратегий. Например, флагманские проекты в отраслях специализации используются в 28%

амбициозных стратегий и только в 8% неамбициозных. Селективными являются лишь 7% амбициозных стратегий: для них более характерна смешанная экономическая стратегия (66%). Из неамбициозных стратегий селективными являются четверть. Значительное или радикальное изменение предполагают 61% амбициозных стратегий отраслевой структуры и лишь 12% неамбициозных. То есть 88% неамбициозных стратегий предполагают незначительные изменения или не предполагают изменений вообще. Амбициозные стратегии в большей мере ориентированы на диверсификацию отраслевой структуры либо отраслевой моноструктуры – соответственно 54 и 27% документов. Среди неамбициозных стратегий таких соответственно 13 и 0%.

Стратегии разных периодов. При изучении распространения муниципального стратегического планирования в период 1998–2013 гг. выделены этапы: 1998–2006, 2007–2009 и 2010–2013 гг. При делении изучаемых стратегий на соответствующие группы удалось определить, что амбициозность документов стратегического планирования в среднем постепенно росла. Флагманских проектов в экономике и инфраструктуре было больше во второй период. Со временем города все больше внимания в стратегиях начинают уделять социальной сфере, что отражается в росте как интегрального, так и почти всех частных показателей. Изменение в среднем небольшое, тем не менее динамика прослеживается. Количество флагманских проектов в социальной сфере значительно увеличилось в последний период. В первый период стратегии были более общими, со временем документы стали более селективными. Инфраструктуре уделялось больше всего внимания во второй период. Интерес к вопросам управления реализацией стратегии со временем рос значительно.

Стратегии городов разных размеров. Стратегии были поделены на группы по численности населения городов: до 100 тыс. чел. (малые города), 100–500 тыс. чел. (большие города) и более 500 тыс. чел. (крупные города). Выявлены следующие закономерности:

- чем крупнее город, тем стратегии более амбициозные;
- использование флагманских проектов в экономике и инфраструктуре не зависит от численности населения города, но чем

крупнее город, тем активнее в его стратегии используются флагманские проекты в социальной сфере;

- чем больше город, тем более общая (не селективная) его экономическая стратегия;
- в больших городах стратегии более ориентированы на радикальные экономические изменения;
- чем больше население города, тем больше внимания в стратегии уделяется социальной сфере.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Выборка из 100 изучаемых стратегий была разделена на три группы с помощью иерархического кластерного анализа⁵. Кластеризация проводилась по методу Варда, а расстояние между кластерами рассчитывалось по формуле квадрата евклидова расстояния. В результате получилось три плотных кластера с 54 стратегиями в первом, 24 во втором и 22 – в третьем (табл. 4).

Первый кластер характеризуется высокой долей амбициозных и отчасти амбициозных стратегий (50 и 46,2%, соответственно), во втором же, напротив, 94,4% стратегий неамбициозные. В отношении третьего кластера нельзя говорить о ярко выраженном смещении в сторону амбициозных или неамбициозных стратегий (31,8% неамбициозных, 45,5% отчасти амбициозных, 22,7% амбициозных стратегий).

С точки зрения реальной направленности для первого кластера характерен высокий процент стратегий инновационного развития (14,8% против 0 и 4,2% во втором и третьем кластерах соответственно) и экономических стратегий (64,8% против 40,9 и 54,2%). Для второго кластера характерны социальные стратегии: таковыми являются 77,3% стратегий этого кластера в сравнении с 57,4 и 54,2% в первом и третьем кластерах соответственно. Для стратегий третьего кластера характерна экологическая направленность: 20,8% таких стратегий против 11,1% в первом кластере и 4,5% – во втором.

⁵ В подготовке этого раздела принимал участие К. Мерзляков, выполнивший кластерный анализ.

Таблица 4

**Распределение стратегий развития муниципальных образований
по кластерам**

<i>Первый кластер (амбициозные реалистичные – хорошие)</i>
Алексин (2002), Архангельск (2008), Астрахань (2011), Аткарское МО (2001), Барнаул (2011), Березники (2007), Бийск (2007), Брянск (2012), Волгоград (2007), Вологда (2011), Воронеж (2010), Глазов (2009), Грязовецкий муницип. р-н (2009), Дивногорск (2011), Ейск (2007), Екатеринбург (2010), Искитим (2007), Казань (2003), Калининград (2008), Канск (2011), Кемерово (2007), Комсомольск-на-Амуре (2010), Краснодар (2007), Красноярск (2011), Лодейное Поле (2008), Магадан (2007), Мурманск (2012), Назарово (2010), Нальчик (2011), Находка (2005), Нижний Тагил (2011), Новокузнецк (2010), Новосибирск (2005), Новошахтинск (2010), Омск (2007), Оренбург (2011), Орск (2007), Покров (2001), Полысаево (2010), Приозерский р-н (2001), Рязань (2009), Советская Гавань (2002), Сосновый Бор (2009), Ставрополь (2011), Сургут (2009), Сыктывкар (2011), Тамбов (2012), Тверь (2011), Улан-Удэ (2007), Хабаровск (2006), Череповец (2003, 2012), Чита (2007), Шуя (2002)
<i>Второй кластер (неамбициозные реалистичные)</i>
Барнаул (2010), Бежецкий р-н (2002), Белгород (2007), Бердск (2008), Боготольский р-н (2011), Бородино (2011), Братск (2006), Валдайский р-н (2002), Гатчинский р-н (2009), Ижевск (2001), Котлас (2009), Липецк (2006), Магнитогорск (2008), Нижневартовск (2008), Озерный (2011), Омск (2002), Петрозаводск (2004), Псков (2011), Пучежский р-н (2008), Таганрог (2012), Шелеховский муницип. р-н (2012), Ярославль (2010)
<i>Третий кластер (амбициозные нереалистичные – популистские)</i>
Апатиты (2002), Волжский (2011), Вологда (2008), Воркута (2011), Выборгский р-н (2010), Гатчина (2000), Гдовский р-н (2010), Канский р-н (2011), Кисловодск (2010), Костомукша (2008), Красноармейский р-н (Чувашия, 2007), Курган (2004), Мышкин (2001), Пенза (2010), Пятигорск (2009), Ростов-на-Дону (2009), Сланцевский р-н (2009), Тверь (2003), Тихвинский р-н (2009), Тольятти (2010), Тюмень (2003), Улан-Удэ (2011), Чебоксары (2009), Череповец (1998)

Примечание: в скобках указан год принятия стратегии.

Первый кластер заметно отличается от второго и третьего яркой выраженностью интегрального показателя, характеризующего наличие флагманских проектов в стратегии. Во второй и третий кластеры не попало ни одной стратегии с выраженным и осознанным использованием флагманских проектов, тогда как в первом кластере стратегий с выраженным использованием флагманских проектов в отрас-

лях специализации – 31,4%, в инфраструктуре – 27,5, в социальной сфере – 24,5%.

Если говорить об общей характеристике экономической части стратегий, то в первом кластере присутствует всего 9,3% документов с селективной экономической стратегией, в то время как во втором – 14,3%, а в третьем – 43,5%. Из стратегий первого кластера 46,3% подразумевают значительное либо радикальное изменение отраслевой структуры (против 15,8 и 4,5% во втором и третьем кластерах соответственно).

По характеру изменений отраслевой структуры первый кластер имеет выраженное отличие от второго и третьего: 50,9% стратегий этого кластера предполагают диверсификацию структуры (против соответственно 15,8 и 4,8%). Не предполагают изменений лишь 30,2% стратегий из первого кластера в сравнении с 78,9 и 85,7% – из второго и третьего соответственно. Стратегии первого кластера уделяют больше внимания таким отраслям, как связь и ИТ (13% в сравнении с 4,5 и 8,3%), сфера обслуживания (22,2% в сравнении с 13,6 и 8,3%), строительный комплекс (31,5% в сравнении с 13,6 и 20,8%) и топливно-энергетический комплекс (29,6% в сравнении с 13,6 и 20,8%). В стратегиях второго и третьего кластеров большее внимание уделяется агропромышленному комплексу. При этом во втором кластере почти отсутствуют стратегии с большим вниманием к связи и ИТ (4,5%) и к лесопромышленному комплексу (4,5%). В третьем кластере низкая доля стратегий, уделяющих внимание сфере обслуживания (8,3%) и металлургическому комплексу (8,3%).

Кластеры существенно различаются по используемым видам поддержки хозяйственного климата. Консультационную поддержку предусматривают 16,7% стратегий первого кластера, 13,6% стратегий второго и 0% третьего; институциональную – 51,9% стратегий первого кластера, 36,4% второго и 16,7% третьего; экономическую – 57,4% стратегий первого кластера, 45,5% второго и 12,5% третьего.

У стратегий первых двух кластеров нет выраженного различия в степени внимания к вопросам реализации стратегии, в то время как в 37,5% стратегий третьего кластера отсутствует внимание к реализации стратегии полностью и в 58,3% это внимание незначи-

тельное. В первом и втором кластерах внимание к реализации стратегий среднее или выше среднего в 64,8 и 68,2% документов соответственно.

По основным дифференцирующим признакам стратегии можно обозначить как «амбициозные реалистичные», «неамбициозные реалистичные» и «амбициозные нереалистичные» (табл. 5, см. также табл. 4). К первому кластеру отнесены амбициозные стратегии с масштабными флагманскими проектами, предусматривающими серьезные изменения в структуре экономики, с общеэкономической (неселективной) политикой и акцентом на развитие передовых и прибыльных отраслей (связь и ИТ, сфера обслуживания, ТЭК, строительство), с повышенным вниманием к проблемам реализации. Все это отличает стратегии, которые принято считать «хорошими». Во второй кластер вошли также реалистичные стратегии, но не предполагающие значительных изменений в различных отраслях и не включающие проекты, которые заметно изменят жизнь города. При этом в них большое внимание уделено улучшению качества обычной городской жизни. Третий кластер – стратегии, которые почти не содержат конкретных мероприятий, они амбициозны, но механизмы их реализации в тексте отсутствуют. При этом такие документы могут быть ярко написаны. Условно их можно назвать «популистскими».

Первый кластер исследуемой выборки включает стратегии муниципальных образований всех федеральных округов. При этом доли Северо-Кавказского и Уральского округов составили соответственно 5,6 и 3,7%. Во второй кластер вошли стратегии шести федеральных округов (не представлены Северо-Кавказский и Дальневосточный), но доминируют (82%) стратегии Сибирского, Центрального и Северо-Западного округов. В третьем кластере представлены семь федеральных округов (не вошли стратегии Дальневосточного). Здесь выделяется Северо-Западный федеральный округ (41,7%). Отметим, что стратегии Дальневосточного округа полностью вошли в первый кластер. Сибирский округ занимает первое место по доле в первом (25,9%) и втором (31,8%) кластерах и последнее место в третьем (8,3%).

Таблица 5

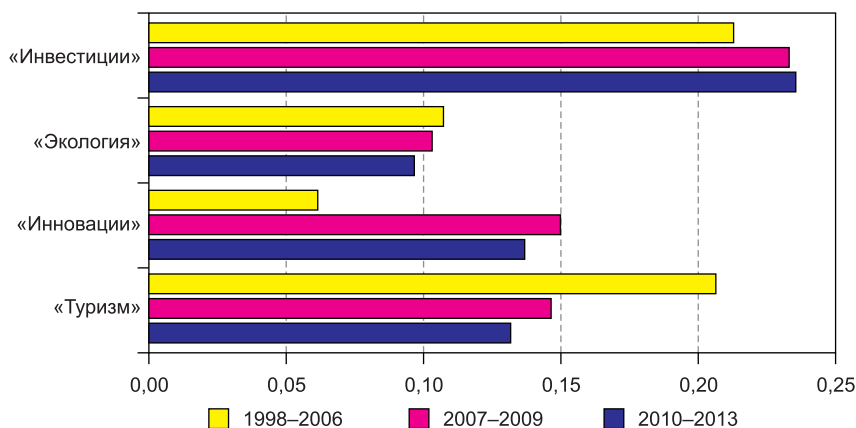
Доля стратегий с обозначенными характеристиками в кластере, %

Характеристика		Первый кластер («амбициозные реалистичные»)	Второй кластер («неамбициозные реалистичные»)	Третий кластер («амбициозные нереалистичные»)
Количество документов		54	24	22
Доля амбициозных и отчасти амбициозных стратегий		96,2	6,4	68,2
Внимание к реализации среднее или выше среднего		64,8	68,2	4,2
Выраженное и осознанное использование флагманских проектов	в экономике	31,4	0	0
	в инфраструктуре	27,5	0	0
	в социальной сфере	24,5	0	0
Селективная экономическая стратегия		9,3	14,3	43,5
Значительное либо радикальное изменение отраслевой структуры		46,3	15,8	4,5
Направленность на диверсификацию экономики		50,9	15,8	4,8
Характерные отрасли		Связь и ИТ, сфера обслуживания, строительный комплекс, ТЭК	АПК	АПК
Виды поддержки бизнеса	консультационная	16,7	13,6	0
	институциональная	51,9	36,4	16,7
	экономическая	57,4	45,5	12,5

ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИЙ ИНСТРУМЕНТАМИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Контент-анализ показывает, насколько велик интерес авторов документа к той или иной специфической теме, например к защите окружающей среды (по частоте упоминания различных вариаций слова «экология») или туризму (вариации слова «туризм»). Было выбрано две группы «слов-маркеров».

Первая группа – часто упоминаемые слова, которые однозначно характеризуют определенную тему: вариации терминов «экология», «инновации», «инвестиции» и «туризм». При сравнении частоты использования термина в тексте по нескольким документам можно формально определить, какая стратегия является более экологической, инновационной, инвестиционной или туристической. Средняя частота использования слова «экология» составляет 0,1%, слова «инновация» – 0,13%, слова «инвестиции» – 0,23%, слова «туризм» – 0,16%. Таким образом, можно констатировать, что преобладающая проблематика отечественных муниципальных стратегий исследуемого периода – инвестиционная. Приведенные на рисунке данные показывают, что частота использования слова-маркера «инвестиция» увеличива-

Средняя частота использования слов-маркеров по периодам

лась, слова «экология» – падала, для слова «инновации» отмечаются резкий рост между первым и вторым периодами и падение в третьем, а интерес к термину «туризм» резко уменьшился.

Другая группа терминов: «кластер», «агломерация», «диверсификация», «транспортно-логистический комплекс», «технопарк» («технополис»), «государственно-частное партнерство», «бизнес-инкубатор» – анализировалась путем подсчета количества упоминаний в тексте (безотносительно его объема). Можно отметить, что термины «транспортно-логистический комплекс» и «кластер» до 2006 г. почти не встречаются, а пик их упоминаний приходится на документы, датированные 2007 г. Рекомендация использовать понятие «производственный кластер» отмечается в приказе Министерства регионального развития РФ в 2007 г. Термин «государственно-частное партнерство» почти не встречается до 2006 г., но частота его использования повышается (пик отмечается в 2012 г.). Понятие «диверсификация» используется в 72% стратегий, но только в 9% документов оно упоминается более 10 раз, в 42% документов – менее пяти раз. При более глубоком анализе можно сделать вывод, что изменение отраслевой структуры важно для авторов стратегий, но инструменты реализации являются непроработанными.

Стратегии Северо-Кавказского федерального округа выделяются на фоне документов других округов. В них чаще используются термины «туризм» (0,28%), «экология» (0,21%), «инвестиции» (0,48%), а также «кластер», «бизнес-инкубатор» и «государственно-частное партнерство». Предположительно, консультантами при разработке данных стратегий являются московские или околomosковские фирмы, быстро улавливающие веяния федеральных инициатив. Документы городов Сибирского федерального округа характеризуются повышенной частотой использования термина «инновации», а для Уральского федерального округа характерен термин «технопарк». Понятие «транспортно-логистический комплекс» чаще всего используется в стратегиях Южного, реже – Центрального округа.

Средний объем стратегии (среднее количество слов в тексте) значительно уменьшается от первого кластера к третьему. Это единственная группировка, в которой однозначно проявилась такая тенденция. Повышенной частотой использования всех слов-маркеров, кроме слова «туризм», характеризуются стратегии, включенные в кластер «амбициозные нереалистичные», пониженной – те, что вошли в кластер «неамбициозные реалистичные».

Дополнительно был проведен парный корреляционный анализ. Коэффициент корреляции более 0,5 отмечается для пар терминов «инновация – логистика», «инновация – кластер», «логистика – кластер», «бизнес-инкубатор – технопарк».

Таким образом, контент-анализ по словам-маркерам подтверждает гипотезу о дифференциации стратегий по использованию терминов в динамике и по типам городов. При этом четко прослеживается наличие ряда тематических направлений, задаваемых с федерального уровня.

* * *

Разработанный кодификатор содержания муниципальных стратегий показал свою работоспособность. Им смогли пользоваться специалисты уровня бакалавра. Полученные векторы кодов отражали специфику содержания стратегий.

Формальный анализ векторов кодов как методом простейших группировок, так и на основе факторного и кластерного анализов позволил выявить ряд тенденций в разработке стратегий и их особенности по типам городов, их географическому расположению и по году создания стратегии. Формализация понятия амбициозности стратегии и критериев ее определения позволила выявить набор свойств и косвенных признаков амбициозных стратегий, в частности связь между амбициозностью и наличием флагманских проектов.

С помощью инструментов кластерного анализа показано наличие трех достаточно плотных групп сходных по содержанию стратегий.

Получившиеся три группы стратегий можно, с долей субъективности, охарактеризовать как «амбициозные реалистичные» («хорошие»), «неамбициозные реалистичные» и «амбициозные нереалистичные» («популистские»). Большая наполненность первого кластера (54 стратегии) позволяет говорить о достаточно высоком качестве российских муниципальных стратегий.

Контент-анализ массива документов по словам-маркерам подтвердил дифференциацию тематических направлений стратегий и показал наличие ряда тем, задаваемых с федерального уровня.

Литература

1. **Селиверстов В.Е.** Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. – 436 с.
2. **Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.** Распространение практики стратегического планирования в городах России: 1997–2013 годы // Известия Русского географического общества. – 2013. – № 6. – С. 1–10.
3. **Жихаревич Б.С.** Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 35–56.
4. **Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России.** – СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003. – 384 с.
5. **Муниципальные стратегии: десять лет спустя** / Науч. ред. Б.С. Жихаревич. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2011. – 136 с.
6. **Winters D.K.** Comparing Economic Development Strategies across Neighboring States / Prepared for the Wisconsin Economic Summit II November 26 & 27, 2001. – 44 p.
7. **Strategic Planning for Local Development: Case Studies from Small and Mid-sized European Cities** / Ed. by L. Ramírez, G. Kebede. – UN-HABITAT SIRP, 2010. – 188 p.
8. **Стратегическое планирование в городах и регионах России.** – URL: <http://www.city-strategy.ru/> (дата обращения 10.11.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 10.02.2014 г.

© Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К., 2014

УДК 658.5

ББК 65.050.9(2Р)2

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 235–247

СОГЛАСОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И ТАКТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ

В.В. Титов

ИЭОПП СО РАН,

*Новосибирский государственный национальный
исследовательский университет*

И.В. Цомаева

ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор»

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках
приоритетного направления IX.86. (проект IX.86.1.4)*

Аннотация

Излагается методологический подход к формированию производственной программы предприятий серийного машиностроения на плановый период в условиях неопределенности спроса на продукцию. Показано, как должно достигаться согласование тактических планов со стратегическими показателями развития предприятия: это можно обеспечить решением задачи стохастического программирования. В статье приводится пример решения данной сложной проблемы, приближенный к практике внутрифирменного планирования.

Ключевые слова: формирование производственной программы, серийное машиностроение, неопределенность спроса на продукцию, согласование тактических и стратегических показателей

Abstract

The paper presents the methodological approach that designs a production program at enterprises of batch mechanical engineering, instrument making for the current planning period affected by the uncertainty of the demand. Such tactical plans should be coordinated with strategic indicators of business development. This condition can be fulfilled by resolving a problem of stochastic programming. The article provides a simplified solution to this complex issue, which is still closer to corporate planning practices.

Keywords: production program design, batch mechanical engineering, uncertainty of the demand, coordination of tactical and strategic indicators

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Основной проблемой тактического управления на промышленном предприятии является формирование производственной программы выпуска и реализации продукции в планируемом периоде. Любому варианту производственной программы соответствует комплекс технико-экономических и финансовых показателей. Пусть x_i соответствует искомому выпуску (продажам) продукции i ; c_i – показатель продукции в функции цели (цена, маржинальный доход и др.). Тогда функция цели f может быть записана так:

$$f = \sum_i x_i c_i \rightarrow \max.$$

Отсюда, задача нахождения производственной программы может быть представлена следующим образом. Максимизируется функция цели f при условиях

$$\begin{aligned} \sum_i a_{ji} x_i &\leq b_j, j = 1, \dots, n; \\ d_i &\leq x_i \leq D_i, i = 1, \dots, m, \end{aligned}$$

где a_{ji} – затраты ресурсов j (либо значение показателя j) на единицу продукции i ; b_j – ограничения по ресурсам j , по контролируемым показателям; d_i – нижняя граница спроса на продукцию; D_i – верхняя граница спроса на продукцию.

При организации практических расчетов предполагается, что все исходные данные – $c_i, a_{ji}, b_j, d_i, D_i$ заданы. Однако это не так: указанные параметры являются случайными величинами. Поэтому либо мы используем их как математические ожидания и решаем обычную задачу линейного программирования, либо рассматриваемая проблема относится к классу задач стохастического программирования. В решении этой задачи используется закон распределения случайных величин, а на практике обычно принимают, что случайные величины подчиняются нормальному закону распределения, заданному математическим ожиданием и дисперсией.

При постановке задачи стохастического программирования функция цели может быть записана так [1]:

$$f = P\left[\sum_i x_i c_i \geq r\right] \rightarrow \max,$$

т.е. максимизируется вероятность $P\left[\sum_i x_i c_i \geq r\right]$ того, что случайная

величина $\sum_i x_i c_i$ будет не менее некоторого заданного значения r .

Вероятностные ограничения могут выглядеть следующим образом:

$$P\left[\sum_i a_{ji} x_i \leq b_j\right] \geq \gamma_j.$$

Данное ограничение означает, что вероятность соблюдения неравенства $\sum_i a_{ji} x_i \leq b_j$ должна быть не менее чем γ_j .

Предположим, что такая задача на предприятии поставлена и решена, хотя решить ее достаточно трудно. Однако как использовать решение подобной задачи? Например, решение задачи показывает, что с вероятностью 50% планируемый объем прибыли может быть достигнут. Что же в этом случае делать производству, которое нацелено на выполнение конкретной производственной программы? Видимо,

необходимо изменять условия задачи так, чтобы с вероятностью, например, 95% выполнялось ограничение по достижению определенного объема прибыли. Однако решение множества задач стохастического программирования – это достаточно сложная проблема. Именно поэтому здесь будет рассмотрен методологический подход к решению данной проблемы, но более простой и без использования указанного алгоритма решения задачи стохастического программирования.

Представим кратко взаимодействие систем стратегического и тактического управления. Стратегическое управление (стратегический менеджмент) – это система целенаправленных действий, обеспечивающих долгосрочное повышение эффективности деятельности корпорации с помощью не только стратегических управленческих решений, но и текущих решений по быстрому реагированию корпорации на изменения внешней среды [2, 3].

Многие ученые и практики, занимающиеся разработкой систем управления промышленными предприятиями, придают наибольшее значение формированию стратегического менеджмента верхних уровней. Однако, например, М. Портер отмечает, что «операционная эффективность и стратегия одинаково важны для получения важнейших результатов... но работают они по-разному» [4].

Планирование производства как на ближайший плановый период, так и на перспективу осуществляется на основе прогнозного спроса на продукцию предприятия. Как правило, при этом не учитывается стохастический характер прогнозного спроса, что при реализации планов производства в текущем периоде (году, месяце) приводит к результатам, отличным от прогнозных. В этой ситуации возникает сложнейшая задача принятия решений в управлении производством именно при текущем планировании, в котором необходимо наиболее точно учесть фактическую реализацию планов.

Составление годового плана может быть осуществлено в три этапа. На первом этапе формируется проект плана. Расчеты могут быть и оптимизационными. Учитываются исходная нормативная информация базового (предпланового) года, прогнозная информация (цены, спрос на продукцию и др.), задаются стратегические ключевые показатели, на которые предприятие планирует выйти в планируемом году

(объемы продаж, реализации, чистой прибыли, уровни рентабельности, оплаты труда и др.). Результаты расчетов проекта годового плана укажут на рассогласование расчетных показателей с контрольными. На втором этапе составления годового плана это рассогласование устраняется с помощью формирования плана повышения эффективности производства, т.е. за счет нововведений. Это один из важнейших моментов внутрифирменного планирования и согласования показателей деятельности предприятия. Здесь более эффективно использование модели оптимизации.

Предположим, что такая задача решена. Если нет нужных нововведений, то какие-то ключевые стратегические показатели не будут достигнуты. При этом не учтен стохастический характер прогнозного спроса. Ясно, что при реализации такого плана будут получены результаты, отличные от прогнозных.

Априори фактические результаты определить невозможно. В этой ситуации методологически задача ставится таким образом: следует сформировать годовой (квартальный, месячный) план, который с определенной вероятностью обеспечит выполнение стратегических показателей развития предприятия в рассматриваемом периоде.

Учет стохастического характера ограничений по спросу на продукцию может быть осуществлен следующим образом. Для генерирования прогнозов верхних значений годового спроса на продукцию используется метод Монте-Карло, поскольку на основе изучения данных за прошедшие периоды определены два основных параметра распределения: среднее и среднеквадратическое отклонение фактического спроса от прогнозного. Закон распределения случайной величины «отклонение фактического спроса от прогнозного» на основе многолетних статистических наблюдений принимается, как правило, как нормальный (близкий к нормальному).

Рассчитав множество верхних границ спроса по всей продукции, далее используем модель оптимизации для формирования вариантов годового плана работы предприятия. Аналогичным образом можно в исходные данные заложить возможные изменения цен на продукцию, материалы. Однако эти изменения не столь велики и несущественно влияют на результаты расчетов. Рассмотрев необходимое ко-

личество вариантов плана производства и продаж продукции, можно сказать, что с определенной вероятностью обстоятельства на рынке сложатся так, что предварительно определенные ключевые стратегические показатели выполнены не будут, и насколько они не будут выполнены.

При неблагоприятном исходе реализации плана предприятие может обеспечить выполнение заданных стратегических показателей, при благоприятной ситуации возрастет эффективность производства, что не противоречит целям деятельности предприятия.

ВЫБОР БАЗОВОГО ВАРИАНТА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Методические подходы к согласованию тактического и стратегического управления рассмотрим на основе данных действующего предприятия. При использовании оптимизационной модели методический подход к согласованию стратегических и тактических, текущих показателей можно коротко представить следующим образом. В модели оптимизируется один из основных стратегических показателей деятельности предприятия (производство товаров народного потребления) при заданных линейных ограничениях. При этом не ставятся специально критериальные ограничения, т.е. ограничения по стратегическим показателям (например, по рентабельности продаж), которые мы хотим достигнуть к концу планируемого периода (за исключением тех, что включены в модель как обязательные: объемов продаж, прибыли и др.). Это позволяет в большинстве случаев сразу получить допустимое решение. Использование модели дает возможность автоматически согласовать все технико-экономические и финансовые показатели, для расчета которых в исходных данных была задана необходимая информация. Часть показателей, рассчитываемых на основе линейных функций, присутствуют в решении. Нелинейные показатели необходимо рассчитывать вне модели. Например, рентабельность продаж определяется как отношение прибыли от продаж к объему продаж.

Полученное оптимальное решение анализируется. Разрабатываются дополнительные нововведения, ищутся дополнительные источники финансирования и т.д. Все это фиксируется в исходных данных для модели, и получается новое улучшенное решение^{*}. Эффективность данного итерационного процесса во многом зависит не только от искусства лица (такой процесс трудно автоматизировать), его организующего, но и от возможности разработки все новых и новых нововведений. Это задача многих служб предприятия. Однако в конечном счете мы получаем допустимое решение, в котором все рассматриваемые в задаче показатели будут системно согласованы.

Стратегические параметры развития предприятия с точки зрения реализации товаров народного потребления заданы в табл. 1 (в ценах 2010 г.). Будем рассматривать как пример согласование текущих планов с ключевыми стратегическими параметрами (КСП), зафиксированными для 2011 г. Результаты первого варианта решения задачи с критерием максимума продаж (расчеты представлены в табл. 1) показывают, что в целом почти все ключевые параметры для рассматриваемого локального производства ТНП могут быть выполнены.

Сменим критерий оптимизации на максимум прибыли от продаж продукции. Исходная информация и ограничения остаются теми же, что и в предыдущем решении (результаты решения представлены в табл. 1 в графе, соответствующей второму варианту плана). Как видим, мы получили другие результаты. Объем продаж уменьшается до 419,7 млн руб. Это происходит из-за того, что убыточная продукция не включается в план. При этом, естественно, в целом по данному производству чистая прибыль от продаж возрастает до 23,69 млн руб. Возрастает и рентабельность продаж – до 7,05%.

Эффективность плана производства увеличивается не только из-за того, что из плана исключена убыточная продукция, но также из-за того, что в оптимальном плане произошло перераспределение финансовых ресурсов. Вся чистая прибыль направлена на инвестиции. Норма прибыли по капитальным вложениям в среднем составляет 23%, а банковская ставка за краткосрочный кредит – 15%. Поэтому

^{*} Расчеты проводились совместно с К.В. Ильиной [5].

Таблица 1

Согласование ключевых параметров в стратегических и тактических планах

Ключевой показатель	КСП 2011 г.	Варианты текущих планов				
		1	2	4	5	6
Объем продаж, млн руб.	443	443	419,7	436	428,6	387,6
Прибыль от продаж, млн руб.	—	26,8	29,6	28,33	28,98	28,53
Чистая прибыль, млн руб.	20	21,4	23,69	22,66	23,18	22,83
Оборотные активы, млн руб.	—	175,4	166,2	172,7	165,4	146,4
Кредиторская задолженность, млн руб.	—	149,4	140	146,3	144,4	128,9
Рентабельность продаж, %	5,6	6,05	7,05	6,5	6,76	7,36
Объем инвестиций, млн руб.	20	10,4	23,69	22,67	23,18	22,83
Прирост оборотного капитала, млн руб.	—	11	11,16	11,3	6,99	2,54
Использование краткосрочного кредита, млн руб.	—	0	11,16	11,3	6,99	2,54

в решении предусмотрено весь прирост оборотного капитала финансировать за счет краткосрочного кредита. Таким образом, второй вариант плана обеспечивает выполнение почти всех ключевых показателей, кроме объемов продаж.

Третий вариант расчетов связан с заменой критерия оптимизации на максимум остатка чистой прибыли, который весь направляется на инвестиции. Данное решение совпадает со вторым вариантом, и оно не представлено в табл. 1.

В модели оптимизации с критерием максимума прибыли из плана продаж исключены три вида убыточной продукции. Однако политика предприятия направлена на сохранение доли рынка и снижение затрат. Затраты могут быть снижены только за счет каких-то нововведений, которые не были представлены для расчетов, а сохранение присутствия предприятия на рынке может быть отражено включением в модель нижней границы выпуска и продаж убыточной продук-

ции на определенном уровне от оценки спроса на нее. Поэтому четвертый вариант расчетов представлен с критерием максимума прибыли от продаж, но при наличии нижних границ (70% от спроса) продаж убыточной продукции. Это позволило увеличить объем продаж с 419,7 до 436 млн руб., но одновременно немного снизились остальные показатели.

В пятом варианте расчетов уточнена оценка уровня оборотных активов относительно уровня выпуска продукции. В первых четырех вариантах уровень оборотных активов определялся как доля от объемов продаж (по балансу предыдущего года). В пятом варианте были использованы заводские оценки сроков оборачиваемости дебиторской задолженности и материальных запасов. Это позволило рассчитать стоимость дебиторской задолженности и запасов, приходящуюся на одно изделие. Данные показатели были использованы для пятого варианта расчетов, представленного в табл. 1. Объем продаж уменьшился до 428,6 млн руб. Это связано с тем, что прирост оборотного капитала, приходящийся на дополнительный выпуск какой-то продукции, должен быть оплачен из прибыли, получаемой от продажи этого изделия, или за счет краткосрочного кредита, но проценты за него снижают уровень прибыли. Если прибыли от продажи изделия не хватает на финансирование прироста оборотного капитала по данной продукции, то такое изделие становится убыточным для предприятия. Но по данному изделию была введена нижняя граница продаж от оценки спроса, что и уменьшило объем продаж с 436 (в четвертом варианте) до 428,6 млн руб. Уменьшились уровень оборотного капитала и использование краткосрочного кредита, возросла рентабельность продаж – до 6,76%. Таким образом, все рассматриваемые показатели, кроме объема продаж, улучшились по сравнению с четвертым вариантом плана.

На исходных данных пятого варианта плана был рассчитан шестой вариант с критерием оптимизации на максимум рентабельности продаж. Такой показатель равен 0,0736. Оптимизация рентабельности продаж приводит к плану существенного снижения объемов продаж (до 387,6 млн руб.).

Таким образом, наиболее приемлемым вариантом плана является пятый вариант. Небольшое снижение объемов продаж, которое показано в пятом варианте текущего тактического плана, может быть компенсировано за счет запуска в производство новой продукции.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УЧЕТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Принятие решений в системе реализации стратегических решений строится на основе учета неопределенности и риска. Прогнозные параметры зависят от наличия законов распределения, параметры которых можно установить на основе ретроспективных данных. Методические подходы к принятию решений в условиях неопределенности покажем на примере формирования планов производства на годовой период. Уже представлен расчет прогнозной производственной программы. Расчеты проводились исходя из заданной службой маркетинга верхней границы спроса на продукцию. Выполним оценку чувствительности полученных результатов относительно спроса на продукцию.

Спрос – величина непостоянная, трудно поддающаяся прогнозированию. В связи с этим возникает вопрос об адекватности полученных плановых параметров и о возможности их дальнейшего использования в качестве стратегических и тактических ориентиров в деятельности промышленных предприятий. Необходимо оценить влияние возможных вариаций значений спроса на результирующие показатели. В нашем случае это объем продаж, прибыль, величина оборотных активов и др. Следует подчеркнуть, что вариация спроса, определяющая правые части ограничений модели, дает вариацию случайных значений выходных показателей производственной программы. Определим чувствительность ключевых показателей к вариации спроса с помощью имитационного моделирования.

Для прогноза верхних значений спроса на продукцию используем метод Монте-Карло. Закон распределения случайной величины «спрос» предполагается нормальным. На это указывают многолет-

ние статистические наблюдения, выполненные службой маркетинга предприятия.

При реализации методики необходимо осуществить переход от распределения случайной величины τ_k с параметрами $\alpha = 0$ (среднее), $\sigma = 1$ (среднеквадратическое отклонение) к распределению случайной величины имитируемого параметра, имеющего среднее значение и стандартное отклонение, – так называемое масштабирование нормально распределенного случайного числа:

$$X_i = M(X_i) + \sigma(X_i)\tau_k,$$

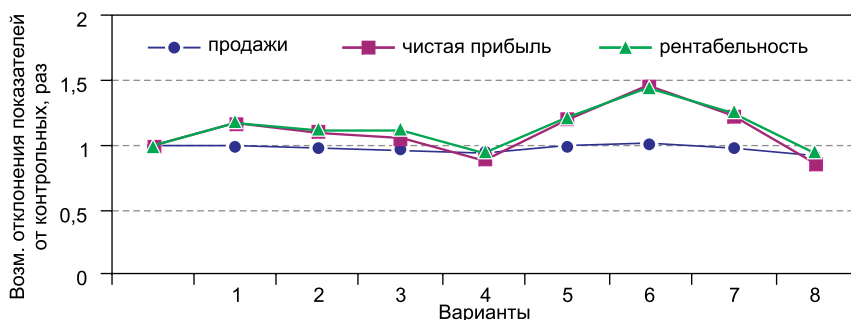
где $M(X_i)$ – математическое ожидание (среднее значение) случайной величины, в нашем случае – величины спроса на ТНП; $\sigma(X_i)$ – стандартное отклонение спроса по данным отдела маркетинга за ряд лет, предшествующих планируемому периоду.

На основе произведенных имитационных расчетов была составлена табл. 2, в которой отражены возможные варианты изменения спроса на продукцию. В этой таблице для примера приведено только восемь первых вариантов верхней границы спроса по трем изделиям. Для уточнения результатов расчетов, которые представлены на рисунке, необходимо иметь значительно больше вариантов планов. С использованием данных табл. 2 проведены оптимизационные расчеты производственной программы для 2011 г. Полученные результаты по восьми вариантам приведены на рисунке. Несмотря на небольшое количество представленных вариантов плана производства и продаж про-

Таблица 2

Вариация спроса на продукцию

Наименование продукции (ее обозначения)	Варианты верхней границы спроса на продукцию, шт.							
	1	2	3	4	5	6	7	8
X1	111	95	76	93	92	80	96	88
X2	15351	16323	17203	17136	15068	14638	19010	15999
X3	9545	7830	8439	7628	7999	9687	9077	7420
...

Влияние колебаний спроса на продукцию на результаты работы предприятия

дукции, можно сказать, что обстоятельства на рынке сложатся так, что предварительно определенные ключевые стратегические показатели не будут выполнены.

При расчетах базового варианта плана при заданных предприятием верхних границах спроса на продукцию мы показали, что все основные КСП (кроме объема продаж) будут выполнены. На рисунке видно, что в трех вариантах из восьми показатели будут хуже, чем в базовом. Наихудший вариант – восьмой. Так, объем продаж может уменьшиться на 5,7%, прибыль от продаж – на 26%, рентабельность от продаж – на 21,4%. Данная информация показывает, что может снизиться объем продаж, а структура продаж продукции может измениться в сторону менее рентабельной продукции.

Именно такой информации не хватает в практике планирования на промышленных предприятиях. Подобная информация говорит о том, что предприятию необходимо иметь определенные резервы. Следует диверсифицировать производство и увеличить объем продаж, разработать нововведения, направленные на снижение издержек производства и накладных расходов.

* * *

План деятельности предприятия, сформированный с учетом прогнозного уровня верхней границы спроса на продукцию на планируе-

мый период в условиях случайного изменения спроса на продукцию, должен корректироваться в сторону увеличения показателей стратегического плана для создания стохастического резерва таких показателей (объемов продаж, прибыли, рентабельности продаж и др.). Оценка такого резерва может быть получена на основе генерации методом Монте-Карло множества вариантов верхней границы спроса на продукцию (цен, затрат) с учетом отклонений фактического спроса от прогнозного за предыдущие годы по каждому виду продукции. На основе вариантов верхней границы спроса на продукцию рассчитывается множество новых планов деятельности предприятия (с помощью оптимизационного моделирования), среди которых анализируются наихудшие варианты для оценки величин стохастических резервов, создаваемых для достижения ключевых стратегических показателей в случае ухудшения конъюнктуры рынка. Такие резервы можно создать за счет диверсификации производства, разработки и реализации различных нововведений, снижения затрат и т.п. Фактические результаты работы рассматриваемого предприятия за 2011 г. были на уровне худших случайных прогнозов, что подтверждает необходимость создания стохастических резервов.

Литература

1. **Справочник** по оптимизационным задачам в АСУ. – Л.: Машиностроение, 1984. – 212 с.
2. **Маркова В.Д., Кузнецова С.А.** Стратегический менеджмент. – М.: ИНФРА-М; Сибирское соглашение, 2007. – 287 с.
3. **Маркова В.Д., Кузнецова С.А., Цомаева И.В.** Организационные компетенции как фактор повышения конкурентоспособности предприятий // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 2 (78). – С. 324–336.
4. **Porter M.** What is strategy? // Harvard Business Review. – 1996. – Nov. – URL: hbr.org/1996/11/what-is-strategy/ar/1 (дата обращения 03.02.2014).
5. **Ильина К.В.** Согласование стратегического и тактического планов машиностроительного предприятия: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2011. – 24 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

© Титов В.В., Цомаева И.В., 2014

УДК 338.48

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 248–255

ВЫЕЗДНЫЕ ТУРИСТСКИЕ ПОТОКИ ИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Н.С. Мартышенко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Аннотация

Показано, что выездной туризм в Приморском крае значительно превосходит въездной и отличается от усредненной картины по стране. Статистика не позволяет представить полную картину выездного туризма в регионе, поэтому в статье использованы материалы мониторинга туристских потоков из Приморского края, проведенного на базе анкетных опросов. Анализ данных открытых вопросов анкеты выполнен с использованием авторской методики обработки данных массовых опросов потребителей туристских услуг. Показаны тенденции изменения структуры туристских потоков из региона. Определены проблемы стратегического планирования развития внутреннего туризма и управления спросом на внутренние туристские продукты.

Ключевые слова: Приморский край, выездной туризм, мониторинг, туристские услуги, анкетный опрос

Abstract

The paper shows that the rate of outbound tourism in Primorsky Krai significantly surpasses that of inbound one and differs from the average figures for the country. Statistics are insufficient to provide a complete picture of

outbound tourism in the region in question, so we use data gathered from monitoring tourist outflows from Primorsky Krai based on opinion polling. Analysis of answers given to open-ended questions was conducted with an author's method for data processing designed for tourism services consumers' mass opinion polls. In the paper we show structural trends for tourist outflows from the region. We define issues that hinder strategic planning for domestic tourism development and managing demand on domestic tourism products.

Keywords: Primorsky Krai, outbound tourism, monitoring, tourism services, opinion polling

В настоящее время в России выездной туризм значительно превосходит въездной, и этот разрыв только растет. За 2013 г. выездной туризм вырос количественно на 24% и в денежном выражении – на 18%. Лидирующая группа стран, привлекающих российских туристов, сохраняется неизменной уже более 10 лет. В пятерку стран, чаще всего посещаемых российскими туристами, входят Турция, Египет, Греция, Китай и Таиланд. В последние годы у россиян стали популярными круглогодичные пляжные курорты Вьетнама.

Рост выездного туризма обусловлен не только приверженностью россиян к отдыху на теплом море, но и туристским опытом, эффективной работой туроператоров, гибкой политикой принимающих стран. Предпочтению выездного туризма перед внутренним способствует соотношение цены и качества туристских услуг, так как в России в последнее десятилетие цены на все виды туристских услуг увеличивались гораздо быстрее, чем за рубежом.

Работы, в которых анализируются проблемы выездного туризма в России, в основном выявляют общие тенденции без выделения региональных особенностей (см., например, [1]). Однако регионы имеют свою специфику формирования выездных туристских потоков. Например, в Приморском крае сложилась структура выездных потоков, которая отличается от усредненной картины по стране. Хотя туристская отрасль в этом регионе одна из самых молодых в России, он уже занимает четвертое место в стране по предоставлению туруслуг после Москвы, Санкт-Петербурга и Краснодарского края.

Данные официальной статистики зачастую носят укрупненный характер и не позволяют детально охарактеризовать процессы формирования выездных потоков из региона. Для изучения процессов развития рынка туристских услуг в Приморском крае во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса уже более 10 лет проводится мониторинг потребителей туристско-рекреационных услуг среди жителей региона. Ежегодно опрашивается от 1 до 2 тыс. респондентов. Многообразие форм используемых опросных анкет обеспечивает широкий диапазон исследований, а для сохранения преемственности и сопоставимости результатов исследований в анкеты включены стандартные блоки вопросов, которые описаны в моей работе [2]. Обычно, анкета содержит около 30 вопросов, в том числе и по выездному туризму.

Некоторые анкеты включали вопрос, касающийся пространственной структуры туристских путешествий по странам мира: «Укажите страны мира (кроме Китая), которые посещали»¹. Всего за 2003–2013 гг. был опрошен 9201 респондент (в 2003–2004 гг. – 2785, в 2008–2009 гг. – 2886, в 2010–2011 гг. – 2491, в 2013 г. – 1039).

Респонденты могли указывать несколько стран, и такие ответы мы называем составными. При массовых опросах для обработки ответов использовалось специально разработанное для таких целей программное обеспечение, которое позволило систематизировать возможные варианты ответов. После обработки данных опроса из всех указанных направлений было выделено 18 наиболее популярных в различные периоды наблюдений (табл. 1).

Как видно из табл. 1, у приморцев существенно увеличилась доля поездок в такие страны, как Таиланд, Южная Корея и Вьетнам. Сегодня туры в Таиланд из Приморского края имеют наиболее низкие цены среди туров в страны, предоставляющие услуги пляжного отдыха в холодное время года. Вьетнам стал осваиваться приморцами в последние два года, и наблюдается устойчивый рост посещений этой

¹ Посещение Китая было исключено из рассмотрения, поскольку в разные периоды в эту страну выезжала преобладающая часть населения края, и это направление исследовалось отдельно [2].

Таблица 1

Наиболее популярные страны, посещаемые туристами из Приморского края, доля посещений

Страна	2003–2004	2008–2009	2010–2011	2013
Таиланд	0,06	0,07	0,10	0,16
Южная Корея	0,12	0,12	0,15	0,15
Япония	0,18	0,15	0,14	0,12
Украина	0,06	0,11	0,09	0,10
Вьетнам	0,01	0,03	0,04	0,06
США	0,08	0,08	0,07	0,06
Германия	0,07	0,06	0,06	0,05
Франция	0,09	0,05	0,06	0,05
Турция	0,08	0,06	0,04	0,04
Италия	0,05	0,04	0,05	0,04
Казахстан	0,01	0,02	0,02	0,03
Испания	0,04	0,03	0,03	0,03
Сингапур	0,02	0,02	0,03	0,02
Чехия	0,02	0,02	0,02	0,02
Египет	0,03	0,04	0,04	0,02
Беларусь	0,01	0,03	0,03	0,02
Польша	0,04	0,03	0,02	0,02
Англия	0,03	0,03	0,02	0,01

страны благодаря положительным отзывам туристов. Южную Корею жители края стали активно осваивать после того, как туда был пущен паром. Ожидается еще больший поток туристов в эту страну после отмены виз. Приморцев прельщают повышенная комфортность за приемлемые цены и высококачественные медицинские услуги. В настоящее время Южная Корея входит в десятку стран, лидирующих

по количеству туристов медицинского сектора. Ежегодно в корейских клиниках лечится около 10 тыс. россиян. Среди достоинств путешествия по Южной Корее можно назвать также высочайший уровень безопасности и ориентацию инфраструктуры на посещение зарубежными туристами. Поэтому многие жители Приморского края после поездки, организованной турфирмой, стали ездить в эту страну самостоятельно.

Турция и Египет у приморцев не пользуются такой популярностью, как у туристов из европейской части России, из-за высоких транспортных расходов. В последние годы уменьшилась доля путешествий из Приморья в Японию. В 2003–2004 гг. это направление привлекало туристов, совершающих поездки с целью покупки подержанных автомобилей. За последние годы несколько раз повышались пошлины на ввоз импортных автомобилей, и это снизило спрос на данное направление. Снизился спрос на путешествия в некоторые европейские страны и США.

В связи с особой популярностью у приморцев поездок в Китай это направление выездного туризма исследовалось отдельно [3]. Для оценки популярности отдельных территорий Китая был использован комбинированный вопрос. Первая часть вопроса: «В каких городах Китая вы были?» – предлагала выбор среди наиболее посещаемых городов, которые были выделены на предварительных этапах исследования, а вторая часть была открытой, и здесь ответы могли быть сформулированы в произвольной форме, можно было указать несколько городов. По результатам опроса были рассчитаны индексы посещаемости² наиболее популярных городов Китая (табл. 2).

Приграничный город Суйфэнхэ ежедневно с целью шопинга посещают тысячи туристов. Цена путевки на два-три дня составляет 1,5–5 тыс. руб. Также этот город служит пунктом пересадки для туристов, отправляющихся в другие города Китая по железной дороге.

² Индекс посещаемости рассчитывается как отношение количества ответов о посещении конкретного города к числу респондентов, которые указали, что посещали Китай (графа «Посещали Китай» в табл. 2). То есть в расчетах участвовали только анкеты респондентов, посещавших Китай.

Таблица 2

Индексы посещаемости городов Китая туристами из Приморского края

Период	Суйфэньхэ	Харбин	Далянь	Пекин	Шанхай	Мудань- цзян	Шэньян	Мишань	Хуньчунь	Санья	Посетили Китай
2003–2004	0,61	0,42	0,20	0,27	0,06	0,06	0,05	0,00	0,00	0,00	1139
2008–2009	0,87	0,37	0,31	0,22	0,11	0,12	0,09	0,03	0,07	0,01	2263
2010–2011	0,82	0,30	0,29	0,27	0,11	0,09	0,06	0,08	0,21	0,06	4446
2012–2013	0,83	0,30	0,31	0,29	0,16	0,09	0,06	0,10	0,43	0,10	1131

В последние годы новым центром шопинга стал приграничный город Хуньчунь, специализирующийся на медицинском туризме (в первую очередь на оказании услуг по зубопротезированию). Туристам, отправляющимся в лечебные туры, предоставляются скидки на путевки. Все больше туристов из Приморского края едут в крупные города – Пекин, Шанхай и Далянь. В последние годы внимание приморцев привлекают круглогодичный морской курорт на острове Хайнань (г. Санья), а также города Байдахэ и Циндао, где расположено множество санаториев и лечебных центров.

Кроме уже осуществленных поездок мы исследовали перспективу посещения стран мира туристами из Приморья. Для этого в анкеты был включен вопрос: «Куда планируете совершить поездку в ближайший год?». Устойчиво растет интерес к турам в Таиланд и Вьетнам (табл. 3), снижается спрос на туры в Европу и США. В некоторой степени это объясняется трудностями с получением виз и тем, что такие поездки требуют больше времени, но определяющим фактором являются высокие транспортные расходы.

Анализ возрастной структуры контингента выездных туристов показал типичную для всех регионов Дальневосточного федерального округа тенденцию: молодые жители Приморского края осуществляют зарубежные поездки гораздо реже, чем их сверстники из европейской

Таблица 3

**Поездки в страны мира, планируемые туристами из Приморского края,
доля посещений**

Страна	2003–2004	2008–2009	2010–2011	2013
Таиланд	0,11	0,15	0,26	0,32
Вьетнам	0,00	0,06	0,08	0,10
Южная Корея	0,09	0,07	0,06	0,10
США	0,08	0,11	0,08	0,09
Япония	0,25	0,16	0,08	0,08
Украина	0,03	0,08	0,05	0,07
Италия	0,08	0,04	0,06	0,04
Франция	0,08	0,05	0,08	0,04
Сингапур (г. Сингапур)	0,01	0,03	0,04	0,03
Испания	0,05	0,03	0,02	0,03
Турция	0,04	0,05	0,04	0,03
Германия	0,03	0,03	0,03	0,02
Австралия	0,04	0,03	0,03	0,02
Египет	0,04	0,05	0,04	0,01
Англия	0,03	0,04	0,03	0,01
Канада	0,02	0,01	0,02	0,01

части России. В связи с этим необходимо изучать опыт развитых стран, которые предоставляют широкие льготы для молодых туристов из периферийных регионов.

Опрос выездных туристов позволил выделить туристские услуги, которые привлекают респондентов в этих поездках. Установлено, что отдельные виды услуг вполне могли бы быть оказаны в нашей стране. В частности, вызывает озабоченность наметившийся рост медицинского туризма. Это свидетельствует о неэффективной социальной политике в России.

Приморский край в летние месяцы может составить конкуренцию зарубежным странам по пляжным турам для жителей Сибири, а также других дальневосточных регионов. Для этого необходимо создать инфраструктуру, рассчитанную на массовые потоки туристов. Цену на предоставляемые услуги надо привести в соответствие их качеству. Должны быть организованы экономичные транспортные трансферы.

Что касается въездного туризма иностранных граждан, то одной из проблем здесь является плохая изученность спроса со стороны туристов из стран-доноров, из которых осуществляются массовые туристские поездки. Кроме того, мешает плохое знание конъюнктуры рынка туристских услуг [3]. Во многих странах пляжный туризм далеко не на первом месте, зато большой интерес представляет отдых на экологически чистых территориях. Массовый въездной туризм невозможно создать в короткие сроки (особенно в регионах), потому что это требует очень высоких затрат. Сегодня мы видим путь в разработке пилотных проектов, ориентированных на зарубежных туристов из различных стран. Реализовать такие проекты возможно совместно с предпринимательскими структурами этих стран.

Литература

1. РСТ вновь называет проблемы, мешающие развитию внутреннего и въездного туризма. – URL: http://www.ratanews.ru/news/news_14032012_3.stm (дата обращения 02.04.2014).
2. Мартышенко Н.С. Туристские потоки из Приморского края в Китай // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 2. – С. 282–291.
3. Боголюбова С.А., Василиха Д.Ф. Факторы неэффективного развития региональной инфраструктуры туризма // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения 11.06.2012).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.04.2014 г.

© Мартышенко Н.С., 2014

ПИОНЕР СИБИРСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИСТОВ-РЕГИОНАЛИСТОВ

В 60-х годах XX в. в экономике СССР наметилась устойчивая тенденция движения производительных сил на север и восток страны с целью активизации развития ее периферийных регионов. Для научного обоснования проблем освоения восточных районов страны в 1957 г. было создано Сибирское отделение Академии наук СССР.

С созданием Сибирского отделения активизировалось становление научной школы регионалистов в Сибири, и происходило оно на стыке наук. Организационным ядром сибирской научной школы экономистов-регионалистов выступил Институт экономики и организации про-

мышленного производства (ИЭОПП) СО АН СССР. Институту отводилась ведущая роль среди учреждений АН СССР в Сибири и на Дальнем Востоке в исследованиях в области размещения производительных сил. Организация и развитие научной школы регионалистов – исследователей производительных сил Сибири связаны с именами М.К. Бандмана, А.Г. Гранберга, В.А. Кротова, К.П. Космачева, А.А. Недешева, Б.П. Орлова, В.Э. Попова, Р.И. Шнипера и др. Академик А.Г. Аганбегян писал: «Роберт Исакович Шнипер и Марк Константинович Бандман фактически были моими наставниками в области региональных исследований в Сибири»¹.

¹ См.: **Аганбегян А.Г.** Сибирский вектор экономической науки // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 3–11.

В связи с 90-летием Марка Константиновича Бандмана в издательстве ИЭОПП СО РАН вышла книга, освещающая вехи жизни пионера сибирской научной школы экономистов-регионалистов². Эта книга – дань памяти М.К. Бандману, доктору экономических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, академику Международной академии регионального развития и сотрудничества, который посвятил служению науке всю свою сознательную жизнь, исключая 1942–1945 гг. участия в Великой Отечественной войне. Почти сорок лет Марк Константинович вел научные исследования в ИЭОПП, где создал и сплотил сектор формирования и развития ТПК.

Книга включает избранные труды М.К. Бандмана по общей теории и практике размещения производительных сил страны, по прогнозированию развития региональных систем, по проблемам освоения Сибири, по решению ангаро-енисейской проблемы, по совершенствованию формирующихся территориальных систем при освоении ресурсов проблемных регионов, по оценке последствий реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов, по вопросам формирования новых транспортных коридоров в изменившихся геополитических условиях России, по разработке интеграционных проектов, способствующих укреплению экономического пространства России и совершенствованию методов прогнозирования и реализации государственной региональной экономической политики в новых условиях хозяйствования, по анализу геополитического положения Сибири, по условиям формирования транспортного комплекса региона и создания новых направлений выхода Сибири на мировые рынки. Исследования М.К. Бандмана актуальны и сегодня, они будут содействовать достижению целевого ориентира, обозначенного Президентом РФ В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г., – созданию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке территорий опережающего экономического развития. Ускоренное развитие экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока определено в качестве одной из приоритетных задач России в XXI в.³

² См.: **Бандман** Марк Константинович: Избранные труды и продолжение начатого / Под ред. В.Ю. Малова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. – 448 с.

³ См.: **Послание** Президента Федеральному Собранию. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 14.12.2013).

Марк Константинович Бандман обладал всеми качествами, которые должны быть присущи настоящему ученому, и прежде всего убежденностью в правильности выбранного пути, направлений исследований, их результатов и выводов. Однако он был не лишен сомнений в своих знаниях, которые он постоянно пополнял, общаясь со специалистами промышленных предприятий, проектных и научных учреждений, административных органов. Осуществляя постоянное научное руководство, он умел поставить перед коллективом исследователей четкие цели и задачи, наметить пути их выполнения и при этом сам находился в непрерывном поиске новых методов исследований. Так, на протяжении всей работы он изучал новые для него методы экономико-математического моделирования, в первую очередь с точки зрения применения оптимизационных, имитационных моделей, сетей Петри и другого инструментария в практических расчетах. Это позволяло учесть в исследованиях многофакторность объекта, неопределенность его показателей и динамику развития, нелинейные зависимости, целочисленность и т.д.

Марк Константинович всегда был современным, «вперед смотрящим» ученым. Так, его географическое базовое образование и постоянное отслеживание изменяющихся ситуаций в стране позволили ему одним из первых проанализировать место Сибири после распада СССР. Увидеть новое, исключительно важное экономико-географическое положение Сибири и ее роль в сохранении единого экономического пространства страны. Отметить насущную необходимость интеграционных процессов в России и начать исследования в этом русле с объединением научных сил не только Сибири и Дальнего Востока, но также Урала и Европейского Севера.

Личные качества М.К. Бандмана: образованность, эрудиция, исключительная порядочность в отношениях с коллегами по работе, доступность и не только внимательное отношение к собеседнику и его научным интересам, но и готовность встать на его позиции и в то же время умение логично и аргументированно убеждать в своей научной правоте – привлекали к нему людей, занимающих совершенно разное положение. Поэтому рядом с Марком Константиновичем всегда были единомышленники. Особые отношения складывались в среде географов, где его всегда окружали друзья. М.К. Бандман был постоянным участником-докладчиком на ежегодных конференциях экономико-гео-

графической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС), проходящих в разных городах страны. Такие отношения можно назвать географическим братством. За плодотворную деятельность Марк Константинович был награжден медалью академии под номером один.

Исключительный авторитет М.К. Бандмана не только в отечественной, но также в мировой географической и экономической науке позволил ему многие годы быть действительным членом Международного географического союза. Тесное сотрудничество и дружба Марка Константиновича с зарубежными учеными – географами и экономистами-регионалистами помогли ряду сотрудников и в целом нашему институту выйти на уровень мирового признания.

Марк Константинович был учителем в самом высоком значении этого слова. Очень тщательно готовился к лекциям, и они становились для студентов открытием в мир, так как удивительная память профессора на посещаемые места, лица и события позволяла ему красочно передавать это слушателям. На экономическом факультете Новосибирского государственного университета им был разработан спецкурс «Проблемы развития и территориальной организации производительных сил Сибири», который читается до сих пор.

Книга, посвященная М.К. Бандману, включает результаты исследований его учеников и последователей, базирующихся на его идеях. Заключение книги составляют воспоминания друзей, учеников и коллег М.К. Бандмана о его лекциях, о работе под его руководством, просто о встречах с ним и о том, как повлияло на них общение с этим удивительным человеком и большим ученым. Среди поделившихся своими воспоминаниями С. Тонкова, профессор Университета национальной и мировой экономики (Болгария), которая убеждена, что есть много специалистов в области регионального планирования и программирования, пространственной организации производства, на научное развитие которых оказал влияние Марк Константинович. Они в России, Болгарии, Чехии, США, Японии и других странах мира.

А.А. Кин,
ИЭОПП СО РАН

НАШИ АВТОРЫ

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Регион: экономика и социология», Новосибирск, sel@ieie.nsc.ru

Seliverstov, Vyacheslav, Chief Editor of the «Region: Economics and Sociology», Novosibirsk

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института системного анализа РАН, Москва, leksinvn @yandex.ru

Leksin, Vladimir, Institute for Systems Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow

Иванов Валентин Александрович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, anita-85_07@mail.ru

Ivanov, Valentin, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktykvar

Шмат Владимир Витальевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск, ya.econom2@yandex.ru

Shmat, Vladimir, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Шеховцева Лидия Семеновна, доктор экономических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, shehovcev47@mail.ru

Shekhovtseva, Lidia, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Кибалов Евгений Борисович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lf@online.nsk.su

Kibalov, Yevgeny, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Кин Анатолий Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kin_a@ieie.nsc.ru

Kin, Anatoly, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Соболева Светлана Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Soboleva, Svetlana, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Малева Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, директор Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, maleva-tm@rane.ru

Maleva, Tatiana, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Тындик Алла Олеговна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, tyndik-ao@rane.ru

Tyndik, Alla, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Корель Игорь Игоревич, кандидат физико-математических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, korel@gmail.com

Korel, Igor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

Корель Людмила Васильевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, korell@mail.ru

Korel, Lyudmila, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Лещенко Ярослав Александрович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией Восточно-Сибирского научного центра экологии человека СО РАМН, Ангарск Иркутской области, lsioz@mail.ru

Leshchenko, Yaroslav, East Siberian Scientific Center of Human Ecology, Siberian Branch, Russian Academy of Medical Sciences, Angarsk, Irkutsk Oblast

Грасмик Константин Иванович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Сколковского института науки и технологий, Сколково Московской области, grasmik@skolkovotech.ru

Grasmik, Konstantin, Skolkovo Institute of Science and Technology, Skolkovo, Moscow Oblast

Блам Инна Юрьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, inna@ieie.nsc.ru

Blam, Inna, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Борсекова Камила, Ing., PhD, директор Института экономических наук Университета Матей Бел, Банска Быстрица, Словакия, kamila.borsekova@umb.sk

Borsekova, Kamila, Institute of Economics Sciences, Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Петрикова Катарина, Ing., PhD, старший преподаватель Университета Матей Бел, Банска Быстрица, Словакия, katarina.petrikova@umb.sk

Petrikova, Katarina, Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Валеев Азам Рустемович, кандидат экономических наук, аудитор Счетной палаты Республики Татарстан, Казань, Azat.Valeev@tatar.ru

Valeev, Azat, Accounts Chamber of the Republic of Tatarstan, Kazan

Жихаревич Борис Савельевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, директор Ресурсного центра по стратегическому планированию при Международном центре социально-экономических исследований (МЦСЭИ) «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург, zhikh@leontief.ru

Zhikharevich, Boris, Institute of Regional Economic Problems, Russian Academy of Sciences; Resource Centre for Strategic Planning under the International Centre for Social and Economic Research – Leontief Centre, St. Petersburg

Прибышин Тарас Кириллович, младший научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург, pribyshin@leontief.ru

Pribyshin, Taras, International Centre for Social and Economic Research – Leontief Centre, St. Petersburg

Титов Владислав Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, titov@ieie.nsc.ru

Titov, Vladislav, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Цомаева Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор», Барнаул, Tsomaeva_I@mail.ru

Tsomaeva, Irina, OJSC Altai Instrument Factory ROTOR, Barnaul

Мартышенко Наталья Степановна, кандидат экономических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Nataya.martyshenko@vvsu.ru

Martyshenko, Natalya, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok

ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АРТОБОЛЕВСКОГО
(23.01.1953 – 18.03.2014)

18 марта 2014 г. ушел из жизни известный ученый, заведующий отделом Института географии РАН, доктор географических наук Сергей Сергеевич Артоболевский.

С.С. Артоболевский был крупным международным экспертом в области социально-экономической географии, пространственного развития и региональной политики. Он заслуженно стал признанным лидером среди российских ученых в области региональной политики Европейского союза и достойно представлял нашу страну на международной арене. Он выступал с лекциями во многих европейских университетах, был членом редколлегий нескольких международных и российских журналов, принимал участие в проектах Европейского союза и Всемирного банка, консультировал Аналитическое управление Администрации Президента РФ, федеральные министерства, профильные комитеты Государственной думы и Совета Федерации, участвовал в парламентских слушаниях, привлекался к разработке ряда законопроектов.

Благодаря усилиям С.С. Артоболевского было проведено большое количество международных и отечественных конференций, семинаров и экспедиций по проблемам регионального развития и региональной политики. Сергей Сергеевич принял эстафету от А.Г. Гранберга и М.К. Бандмана, став руководителем экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС), организатором и активным участником ее ежегодных сессий.

Блестящий ум, широкая эрудиция и разносторонняя деятельность привлекали к Сергею Сергеевичу всех интересующихся простран-

ственными аспектами развития России и других стран. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН и наш журнал гордятся сотрудничеством с профессором Артоболевским. В 1994 г. он стал членом первой редколлегии вновь созданного журнала «Регион: экономика и социология», его статьи всегда вызывали большой интерес у читателей и активно обсуждались. Он очень много сделал и для рождения нашего общего детища – издаваемого на английском языке журнала «Regional Research of Russia», став одним из инициаторов его создания, заместителем главного редактора и позже – одним из главных редакторов.

Региональная наука потеряла блестящего ученого, восполнить уход Сергея Сергеевича будет очень трудно. Нас покинул очень интеллигентный и добрый человек, хороший друг и коллега. Редколлегия журнала «Регион: экономика и социология» и коллектив Института экономики и организации промышленного производства СО РАН выражают искренние соболезнования родным, близким и коллегам С.С. Артоболевского.

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикации работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций (редакция 2012 г.).

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайте
Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
http://sibran.ru/journals/subscribe_online_request.php?id=172

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://region.socionet.ru>, Издательства СО РАН <http://sibran.ru>, Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.edu.ru/region>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory».

Адрес редакции:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН, к. 338
Тел./факс: (383)3302438
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через АО «Роспечать», АО «Международная книга-периодика» и редакцию. В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://www.sibran.ru>

Научный редактор *А.А. Кин*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Перевод *В.О. Панна*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чуевой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 15 мая 2014 г. Формат бумаги 60×84 1/16.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 16,75.
Уч.-изд. л. 17. Заказ № 40. Цена свободная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17